

Российская Академия образования
Психологический институт

90-летию
Психологического института
Российской Академии образования
посвящается

СМЫСЛ ЖИЗНИ И АКМЕ: 10 ЛЕТ ПОИСКА

Материалы VIII — X симпозиумов

Под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой,
В.Э. Чудновского

Часть 2

Москва
СМЫСЛ
2004

УДК 128(082)
ББК 87.2
С524

Издание осуществлено при поддержке гранта
РГНФ № 04-06-14051Г

С524 Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: В 2 ч. / Под
ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.А. Карповой, В.Э.
Чудновского. Часть 2. М.: Смысл, 2004. 224 с.

Сборник включает в себя избранные материалы
трех последних научных симпозиумов, посвя-
щенных психологическим и междисциплинарным
аспектам смысла жизни и акме.

Психологам и представителям других наук о
человеке.

ISBN 5-89357-183-5

© Психологический институт РАО, 2004
© Издательство «Смысл» (оформление),
2004

РАЗДЕЛ V. СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЙ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОРЕАБИЛИТАЦИИ И ПСИХОКОРРЕКЦИИ

Кудрявая Н.В., Зорин К.В. (Москва)

Потеря смысла жизни как духовно- нравственный и медико-психологический феномен

На кафедре педагогики и психологии МГМСУ в ходе выполнения образовательной программы «Введение в духовную культуру врача» накоплен многолетний опыт работы со студентами-медиками по изучению ценностно-смысловых аспектов медицинской деятельности. Мы проводим проблемно-проектные семинары, деловые игры, совместные обсуждения видеоматериалов, медико-деонтологических задач на смысл и т.д. Эти формы обучения, на наш взгляд, способствуют развитию нравственного сознания у будущих и уже практикующих врачей. Основной упор делается на то, что высокогуманный смысл врачевания реализуется как в квалифицированном клиническом мышлении врача, так и в его психологически и нравственно безупречном поведении.

Грамотное разрешение ценностно-смысловых проблем медицины поддерживает духовное, психическое и физическое здоровье врача. А ведь порой он вступает в сложные, мучительные переживания и конфликты с самим собой из-за невозможности по техническим, экономическим или иным причинам обеспечить полноценное лечение пациента. Все это обуславливает значение консультаций и дискуссий по биоэтическим, деонтологическим и ценностно-смысловым проблемам медицины, а на практике существенно уменьшает или даже вовсе предотвращает серьезные медико-деонтологические ошибки и казусы.

В ходе дискуссий обсуждаются кардинальные проблемы человеческого существования, наиболее остро стоящие именно во врачебной деятельности: смысл врачевания и смысл болезни; выбор между жизнью и смертью (аборт, эвтаназия); отказ родителей от лечения безнадежно больного ребенка при необходимости продолжения лечения по медицинским показаниям; особенности терапии больных алкоголизмом, наркоманией, СПИДом и т.п.

Одна из самых злободневных тем, которая вызывает живой отклик и активное участие будущих врачей, — заболевания, возникающие на почве утраты смысла жизни. Мы называем их духовными недугами. Наряду с клиническими проявлениями соматических и психических

болезней, их симптомы образуют весьма пеструю, порой противоречивую картину. Главный признак духовной трагедии личности состоит в том, что человек не способен обрести смысл жизни, либо теряет его.

Сегодня многие люди, включая детей и подростков, страдают от утраты самих себя, смысла и коренных ценностей своего бытия. Смысл жизни становится тусклым и примитивным, а жизненный тонус — пониженным, притуляется чувство полноты бытия, размываются опоры и цели. Происходит катастрофическое обеднение духовных ценностей и начинается бессмысленная гонка за излишними материальными благами, ради которых люди готовы идти на все, вплоть до чудовищных преступлений. Проблема утраты смысла обостряется в современном мире, где человек зачастую делается простым колесиком в огромной машине государства, теряет свою самостоятельность.

Теперь мы постараемся кратко рассмотреть некоторые аспекты названной проблемы с духовно-нравственной и медико-психологической точек зрения.

1. Внутренняя пустота

На базе собственной клинической практики и опыта своих коллег видный зарубежный психолог-психотерапевт Ролло Мэй констатирует, что одна из главных наших проблем с середины двадцатого века — опустошенность души: «Человек не может слишком долго жить в состоянии пустоты: если он не стремится к чему-либо, то не просто наступает застой, но сами заблокированные потенции трансформируются в болезни и отчаяние, а может быть, и в разрушительную деятельность» (Цит. по: *Мартинетти*, 1991, с. 216). Растет число психотерапевтов самых разных направлений, которые жалуются на преобладание у пациентов «принципа удовольствия» с «одновременным забвением и подавлением духовных и религиозных начал» (*там же*, с. 217). Многие неврозы и психосоматические заболевания, некоторые формы наркомании и алкоголизма проистекают от утраты смысла жизни. Целостность образа «Я» нарушается, представления о себе самом становятся спутанными, противоречивыми, образ жизни так или иначе деградирует до скотоподобного. Психиатры и психотерапевты с огромной тревогой отмечают у людей все возрастающее чувство внутренней пустоты (экзистенциальный вакуум), вспышки *депрессии*, *страха (фобий)*, *истерических и маниакальных реакций*. По оценкам Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), сегодня минимум 120—160 миллионов человек на всем земном шаре страдают от «эпидемии» депрессии.

Виктор Франкл выделяет особую *группу ноогенных неврозов*. Они проистекают из нерешенных либо неправильно решенных духовных проблем, когда человек поступает вопреки велениям совести. Этим ноогенные неврозы отличаются от психогенных и соматогенных, возникающих на почве комплексов и конфликтов в обыденном значении

этого слова. При ноогенных неврозах наблюдается иная диагностическая и клиническая картина, которая не вмещается в рамки традиционной психиатрии. По данным различных зарубежных статистических исследований, примерно 20% всех неврозов относятся к ноогенным (Франкл, 1990, с. 26). Совесть напоминает о жгучих внутренних проблемах чаще всего по ночам, порождая своего рода *ноогенную бессонницу* (там же, 1990, с. 319). Болезнь не щадит никого. Простые смертные, гении, молодые, пожилые, бедные, богатые — все подвержены ей. В 1828 году великий А.С. Пушкин испытывал серьезный душевный кризис. Тогда он написал примечательные автобиографические «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу (Пушкин, 1985, с. 485).

Бессонница на почве угрызений совести и утраты смысла жизни подобна волчице: днем она спит в своем логовище, а к ночи выходит терзать сердце. Душа скорбит, словно «у бездны на краю», и пытается забыть (а еще лучше — зачеркнуть) свое нежеланное прошлое. Обида и боль мгновенно заслоняют все хорошее и приятное. Человек отчаянно, но абсолютно безуспешно старается убежать от мучительного переживания собственных ошибок и опустошенности души. Быть может, именно это состояние внутреннего смятения, раскола и одиночества выразил А.С. Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание»:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влчатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;

Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю (Пушкин, 1985, с. 420—421).

Бессонница, как и сон, — чуткий духовный барометр. Она напрямую зависит от состояния нашего внутреннего мира. Не случайно христианские авторы советуют тщательно готовиться ко сну: покаяться в грехах прожитого дня, со всеми примириться, воздерживаться от азартных игр, суетных разговоров и выяснения отношений путем ссор и конфликтов. Страдающие ноогенной бессонницей часто вынуждены прибегать к снотворному, чтобы забыться и заснуть. И хотя сон наступает, платить за это приходится дорогой ценой, самоустраняясь от важнейших духовных проблем. Поэтому многие люди намеренно (например, с помощью лекарственных препаратов) заглушают голос совести, признавая его психотравмирующим фактором, источником душевного кризиса. Вот и получается: грешник, а спит как младенец.

Помимо ноогенной бессонницы, В. Франкл ввел понятие *невроза безработицы*. Тот, кто отчаялся найти работу, становится все более безразличным, все реже проявляет инициативу, чувствует себя ненужным, лишним, словно выброшенным из общества. Он переживает пустоту своего времени как свою внутреннюю пустоту, опустошенность сознания (Франкл, 1990, с. 235—241). Состояние безделья и бессмысленного отдыха оказалось настолько тягостным и распространенным на Западе, что зарубежные психиатры говорят о новой форме заболевания — *воскресном неврозе*. Он характеризуется резким ухудшением настроения и самочувствия человека в свободные от работы дни, когда занять себя нечем (*там же*, с. 159, 241—242).

2. Скука

По мере роста идолопоклонства перед материальным благосостоянием, с увеличением числа психических расстройств и психологических аномалий все более актуальной становится *проблема скуки*. Заметное сокращение трудового времени, безработица, бессрочный отпуск ведут к тому, что большинство людей не знают, как распорядиться своим досугом (в народе говорят: «силу некуда девать», «с жиру бесятся»). Чтобы занять себя и «убить время», человек бежит от скуки куда угодно. Он «с головой» погружается в работу, охотно пускается в различные увеселительные мероприятия или выбирает для себя пустые, ничемные хобби, которые не питают душу и не созвучны ее истинным чаяниям (например, некоторые компьютерные игры). Это — своего

рода механизм психологической защиты, способ бегства от Бога и от себя. В любом случае скука — неблагоприятное состояние, которое легко перерастает в состояние греховное (праздность, лень, уныние и т.д.).

Скука проистекает из пустого, бездуховного досуга, из непонимания смысла свободы и порождает злоупотребление ею. Мифы и миражи отстраняют человека от Бога — Родника подлинной свободы. Из внутренней опустошенности и скуки возникает сначала внутренняя дезориентация, затем — внутренний протест, а следом за этим — бунт против порядков окружающей действительности. Постепенно человек попадает в иллюзию нравственной вседозволенности, ложно понятой как «свобода», отключает «тормоза» ответственности, заглушает голос совести и смело окунается в духовный «омут». *Скука — это тропка в капкан бездонной свободы.* Человек думает, что распоряжается своими желаниями, потребностями, интересами и т.д. На самом же деле он внутренне связан. В конечном счете дурные привычки становятся его «второй натурой» и вытесняют «первую».

Ощущение одномерности, загнанности в узкие рамки прагматического общества потребления чревато сдвигами в установках, разладом психики, душевным дискомфортом. Страдает от этих явлений в первую очередь молодежь, не слишком обремененная заботами. Она расходует свое свободное время на поиски «кайфа», суррогатов подлинных человеческих ценностей. Бесцельное времяпрепровождение, как правило, приводит к различным правонарушениям и прочим безнравственным поступкам. В частности, с бессмысленным досугом связан небывалый всплеск алкоголизма, наркомании, подростковой и детской преступности, сексуальных извращений во всем мире. Хроническая скука нередко толкает ко все более жестоким, асоциальным формам поведения, когда жертвами насилия становятся невинные люди и даже дети.

Недаром апостол Павел, адресуя свои пастырские послания молодым апостолам Тимофею и Титу, учил их избегать юношеских похотей, уклоняться от глупых и пошлых состязаний, рождающих ссоры: «Держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца» (*Библия*, 1992, с. 1306). Эти нравственно-положительные ориентиры прививают *духовный иммунитет*. Он противостоит праздности — матери многих бед и пороков.

Христианские авторы исстари подчеркивали значение послушания и труда (к примеру, рукоделия) в борьбе со скукой. В православном аскетическом богословии труд рассматривается как эффективный прием для господства не только над внешней природой, но и над страстями. Он имеет чрезвычайно большое исправительно-педагогическое значение: помогает лучше организовать свободное время и приобрести полезные знания, навыки и умения, противодействует греху. Трудолюбивому легче, нежели бездельнику, исторгнуть из души порочные мысли.

Знаменитый афоризм апостола Павла, который часто и в различных вариантах цитируется без ссылки на автора, гласит: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (*Библия*, 1992, с. 1299).

Проблема скуки очень важна и для пожилых людей. Подчас им трудно наполнить смыслом избыток времени, образующийся после выхода на пенсию. Теряются живые связи с прежним трудовым коллективом, задававшим темп жизни. Заполнить психологический вакуум новыми жизненными ориентирами под старость сложно было всегда, тем более — в наше излишне рационализированное время. Здесь рекомендации христианских святых тоже звучат на удивление современно. Они являются универсальными психокоррекционными и психогигиеническими правилами, по сути, основой душевно-духовного здоровья.

3. «Онтологический шок»

Симптомом утраты смысла служит и «*онтологический шок*» — страх, отчаяние, безнадежность, связанные с осознанием бессмысленности существования. Нам присуща потребность верить в закономерность и неслучайность развития Вселенной. Утрачивая эту веру, мы испытываем чувство безысходности, потерянности, отчуждения от того, что придает жизни высшую ценность и смысл. Подчеркнем, что понятие «отчуждение» — исконно христианское. Апостол Павел так пишет о грешниках: «Помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией, по причине их невежества и ожесточения сердца их». Язычники чужды заветов и отчуждены от законоположения Христова (*Библия*, 1992, с. 1280, 1282, 1290).

Архимандрит Платон (Игумнов) полагает, что отчужденность от Бога переживается как состояние покинутости, необъяснимой тоски, внутреннего одиночества, обреченности и бессмысленности личного существования. Это — результат потери свободы и одно из самых драматических последствий греха. «Поляризованная (духовно расколотая. — К.З.) личность постоянно мечется в своих противоречиях, обнаруживает в себе утерю чего-то важного и жизненно необходимого, переживает нравственно-психологическую неустроенность и раздвоенность». Такая личность внутренне надломлена и одинока, чужда для всех. Ее жизнь лишена нравственного смысла (*Архимандрит Платон*, 1994, с. 149). Святоотеческий взгляд на отчуждение перекликается с позицией видного зарубежного философа В. Панненберга. По его мнению, в той или иной мере каждый из нас ищет себя, находится на пути к своему идеалу, стремится исполнить свое назначение на земле. Человек открыт будущему. Отчуждение же состоит в том, что он заслоняется от этого будущего. А поскольку абсолютным будущим является Бог — Источник жизни вечной, — то отчуждение оказывается разобщенностью, замкнутостью, закрытостью по отношению к Богу (*Pannenberg*, 1983, р. 265—280).

В этой связи интересен эксперимент итальянского психолога Марты Крэмpton. Она предложила участникам своего семинара «примерить» на

себя мировоззрение, в котором Вселенная воспринималась бы не как творение Божие, а как нечто случайное, беспорядочное, бесцельное. Их попросили представить, что они живут в мире, лишенном Бога, и посмотреть, как это отразится на их мыслях, чувствах, поведении. Диапазон реакций был очень широк: от апатии и подавленности до разрушительных выходов и погони за «острыми ощущениями». Некоторые участники даже начали строить планы разбойных нападений и убийств с целью «пощекотать нервы». Очевидно, подобная жестокость отражала их желание заглушить душевную боль, порожденную глубокими чувствами озлобленности и разочарования жизнью, не имеющей смысла. Как сказал один из участников семинара, «когда во Вселенной нет порядка, все дозволено. Так почему бы и не убить?» (*Ассаджиджи*, 1994, с. 286). Почти по Достоевскому: «Если Бога нет, то все позволено».

Приведем еще один пример. Ровно через год после стихотворения «Воспоминание», 26 мая 1828 года, в день своего рождения, А.С. Пушкин особенно тяжело переживал гнетущую внутреннюю опустошенность. Это — не психическое расстройство, а глубокий личностный кризис, своего рода вызов Творцу, жалоба на слепой и жестокий рок, казалось бы, неотвратимо предопределяющий судьбу. Именно тогда поэт написал свои знаменитые стансы о том, что жизнь есть дар, но совершенно ненужный, лишний, бессмысленный:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум.
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум (*Пушкин*, 1985, с. 421—422).

Не будем сейчас выяснять причины столь мрачного и подавленного настроения А.С. Пушкина. Важнее другое: он мастерски описал симптомы своего душевного недуга. Стихотворение вырвалось из недр отчаявшейся души. Оно выразило не только личные переживания, но и чувства, смутно или явно осознаваемые многими. Поэт уловил настроения, зарождающиеся в обществе, — крах веры, хаос безверия, сумерки душ, в которых уже возгораются очаги будущих революций.

Митрополит Филарет Московский почувствовал в этих стихах «стон потерявшей души, ропот самопожиряющего отчаяния». Взяв в руки поэтическую лиру, архипастырь направил своему великому соотечественнику ободряющее послание. Он избрал ту же форму, лексику и стихотворный размер. На три четверостишия ответил тремя своими, каждому тезису противопоставляя антитезис:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум (цит. по: *Бурачек*, 1840, с. 59).

А.С. Пушкин, окрыленный мудростью и молитвой святителя Филарета, с благодарностью ответил ему стихотворением:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез неожиданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт (*Пушкин*, 1985, с. 469—470).

Примечательно, что есть рукопись, где заключительное четверостишие читается иначе:

Твоим огнем душа согрета
Отвергла блеск земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном трепете поэт.

Как видим, бесцельность бытия, страх перед неизбежностью смертного часа, уныние врачуются молитвой, покаянием, надеждой на Бога. Серьезные, далеко идущие клинические и психологические последствия «онтологического шока» отсекаются достойной подготовкой к смерти, осторожным, осмотрительным поведением и добродетелью смертной памяти (*memento mori*).

4. Самоубийство

Эта духовная катастрофа служит трагической развязкой острейшего личностного кризиса. Самоубийца жаждет найти твердую жизненную почву под ногами, но нигде не обретает ее. Тогда он сознательно или бессознательно выбивает у себя из-под ног последний оплот — собственную жизнь. В этом акте человек желает почувствовать себя не рабом обстоятельств, а личностью, принимающей осмысленные и свободные решения. Среди мотивов, побуждающих к самоубийству, выделяют *экзистенциальные и демонстративные*.

Самоубийство *по экзистенциальным мотивам* весьма «пленительно». Оно очаровывает возможностью в смерти по собственному выбору почувствовать себя свободным, покончить с ощущением мучительной потерянности, пусть даже в ущерб реальной земной жизни. Страдалец внезапно и со страхом, иногда бессознательно, ощущает свою оторванность от Бога. Это окончательно раздавливает его душу и заставляет выйти из-под власти фатума в пике отчаяния. Последний рывок острейшего отчаяния — вкушать жизнь в самом процессе умирания. Такой человек мечтает оказаться как бы сторонним наблюдателем, присутствующим при своей же смерти. Он трепещет перед смертью собственной души и поэтому, дабы прервать мучения, пытается «убить» эту смерть души смертью своего тела — но тщетно, ибо только Христос мог поправить «смертью смерть»!

Самоубийство *по демонстративным мотивам*¹ становится тем единственным судьбоносным поступком, совершая который обманутый человек пытается убежать от внутренней пустоты, доказать и окружа-

¹ От демонстративных самоубийств следует отличать демонстративные попытки к самоубийству — способ манипулировать близкими людьми (пробудить к себе их внимание, заботу, любовь и т.д.). Желания умереть здесь нет. Отсюда — шадящие способы самоубийства: прием небольших доз лекарственных препаратов так, чтобы успели «откачать», аккуратные порезы вен за десять минут до заранее намеченной встречи с другими людьми, прыжки со второго этажа и т.п.

ющим, и себе, что он еще жив. Для этого ему надо совершить непоправимое: обнаружить и продемонстрировать собственное «Я» другим людям и себе самому ценой окончательной гибели. Логика парадоксальна: «Я — жив и докажу это своей смертью. В ней мое спасение и моя жизнь». Самоубийство по экзистенциальным и/или демонстративным мотивам рассматривается как единственный выход из катастрофически сложной, запутанной и неразрешенной проблемы смысла. Вот почему утрата смысла жизни, разлучая человека с Богом как Источником и смысла, и жизни (*Библия*, 1992, с. 655, 1145), занимает одно из первых мест среди причин суицидальных попыток.

Количество самоубийств год от года неуклонно растет. Классик западной социологии Эмиль Дюркгейм отмечал, что за вторую половину XIX века число самоубийств утроилось, учетверилось, упятилось в зависимости от страны. Анализируя статистику, ученый пришел к выводу о том, что глубинные причины самоубийств — это дезорганизация, ослабление социальных связей, разрушение коллективизма, моральный распад, разложение религиозности (безбожие). Мотивы, которыми обычно объясняют самоубийства (нищета, психическая патология, ревность, пьянство, телесные страдания и т.д.), в действительности не являются его настоящими причинами. Истоки самоубийств, по Дюркгейму, — вовсе не в жизненных трудностях. Люди убивают себя в основном по «смысловым показаниям», потому что не знают, где останавливаются их законные потребности и какую цель имеет их деятельность. *Большое количество самоубийств — признак морального бедствия*. Соответственно, для того, чтобы остановить рост добровольных смертей, недостаточно облегчить жизнь (*Дюркгейм*, 1994, с. 122—126, 363, 385).

Один из путей профилактики самоубийств ученый видел в религии. На его взгляд, догматы и обряды хорошо спланируют людей. Богословие иначе объясняет жизнеутверждающую роль христианства. Тем не менее, важно, что в религии усматривается система символов, посредством которых общество сознает себя, образ мышления, присущий человеку как коллективному, общественному существу. Примечательно, что в католических кантонах Швейцарии, независимо от национальности их населения, в четыре или в пять раз меньше самоубийств, чем в других кантонах. «Следовательно, влияние религии так велико, что превышает всякое другое» (*там же*, с. 128, 146—147, 302).

Число суицидальных попыток, не закончившихся смертельным исходом, в 15 раз больше всех самоубийств, приведших к непоправимой катастрофе. В одном из университетов штата Айдахо (США) при тщательном опросе студентов после подобных попыток выяснилось следующее: 85% студентов больше не видели в своей жизни никакого смысла. При этом 93% из них были здоровы физически и с точки зрения традиционной психиатрии; жили в хороших материальных усло-

виях, в полном согласии с семьей; активно участвовали в общественной жизни; имели все основания быть довольными своей учебой. «Во всяком случае, — подытоживает Виктор Франкл, — о неудовлетворенных потребностях не могло быть и речи» (Франкл, 1992, с. 26). Психолог ставит серьезный вопрос: что могло подтолкнуть человека к попытке покончить с собой, несмотря на полное удовлетворение повседневных потребностей? В. Франкл считает таким мотивом невозможность найти и осуществить смысл жизни, нехватку «содержания жизни» и «бегство от пустоты», то есть личностный кризис (*там же*, с. 27, 182). Другими словами, причина — крайняя степень внутреннего одиночества, отчаяния, подавленности и беспомощности. Нормальное стремление к жизни всецело заменяется влечением к смерти. Вне Бога многим людям жить трудно, без Бога они погибают. Самоубийца напрочь забывает или упорно не хочет помнить о Божественном Спасителе, об ответственности перед Ним за Его неоценимый и неоцененный дар — жизнь. Сознательно или бессознательно такой человек совершает смертный грех: губит бессмертную душу и отдает ее в вечное владение диаволу.

Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя за 1876 год» сумел смоделировать внутренний монолог «самоубийцы от скуки», «идейного самоубийцы», разочаровавшегося в мироздании: «Я не могу быть счастливым, даже и при самом высшем и непосредственном счастье любви к ближнему и любви ко мне всего человечества, ибо знаю, что завтра же все это будет уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человечество — обратится в ничто, в прежний хаос. В моем несомненном качестве истца и ответчика, судьи и подсудимого я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, — вместе со мною к уничтожению. А так как природу я истребить не могу, то истреблю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого» (Достоевский, 1981, с. 146—148).

Писатель блестяще выразил то, что довелось пережить молодому Толстому в период его увлечения Шопенгауэром, — замену вопроса об «истинности жизни» вопросом об «истинности смерти». Ф.М. Достоевский с иронией заметил, что самоубийца — «разумеется, материалист». Идеи этого монолога из «Дневника» впоследствии использовались в романе «Бесы» (образ Кириллова). Истребление всего «человеческого, слишком человеческого» (Ф. Ницше) последовательный атеист Кириллов осуществил через самоубийство. Он взбунтовался против Бога, предвкушая в смерти обрести богоподобие. Дьявольское оболыщение: «Будете, как боги, знающие добро и зло» (Библия, 1992, с. 7), — в новой форме стало символом современной цивилизации.

Замечательный художник русского слова заключает: только евангельская вера в бессмертие души наполняет жизнь смыслом и тем самым спасает. «Ибо тайна бытия человеческого не в том, — утверждает

Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы», — чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы» (*Достоевский*, 1991, с. 286—287). Воистину, «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (*Библия*, 1992, с. 1087)!

Как видим, *человеческое бытие в норме устремлено к высшему смыслу, который дает Бог, и в этом плане Богоцентрично. Поиски Бога выражают кардинальную потребность человека искать смысл жизни, выходить за пределы эмпирического бытия, бороться с грехом и строить самого себя в духовном значении этого слова.*

Человеку необходима вера в Бога, нужен высший, конечный смысл жизни, а не только знание или ощущение конкретных близлежащих целей. Душа не довольствуется частичной правдой, но жаждет всей полноты Небесной истины. По мнению нашего современника, старца Паисия Сятогорца, большинство людей «страдает потому, что не понимает глубокого смысла жизни. Когда этот глубокий жизненный смысл становится понятным, то все дела устраиваются правильно» (*Старец Паисий*, 2000, с. 35).

Если этого не происходит, мы неизбежно заболеваем каким-либо духовным недугом, но с точки зрения традиционной психиатрии можем оставаться вполне здоровыми. Кстати, тенденции современного общества таковы, что известный российский психолог Б.С. Братусь ставит весьма характерный диагноз: «Психически здоров, но личностно болен» (*Братусь*, 1997, с. 9—10). К сожалению, нередко бывает, что все начинается с внутренней пустоты и скуки, а заканчивается «онтологическим шоком» и самоубийством. Конечно, никакой общей для всех линейной схемы «по нисходящей» начертать нельзя. Все очень лично, индивидуально. Иногда человек гибнет духовно, а то и физически, не дойдя до стадии самоубийства.

Итак, мы кратко проанализировали лишь четыре духовных заболевания, протекающие из потери смысла жизни. Вышеизложенные факты и цитаты достаточно красноречивы и говорят сами за себя. Актуальность данной темы в рамках подготовки врача-профессионала не вызывает сомнений. Однако нам от всего сердца хочется надеяться, что когда-нибудь данная проблема будет навсегда снята с повестки дня.

Литература

Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. Св.-ТСЛ., 1994.

Ассаджоли Р. Психосинтез: теория и практика. М.: Наука, 1994.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Московской Патриархии, 1992.

Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5.

- Бурачек С.* Видение в царстве духов // Маяк. Ч. X. 1840.
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. М.: Художественная литература, 1981. Т. 23.
Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9.
Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Академия, 1994.
Мартинетти Дж. Человек, Бог, Вселенная: Основания для веры сегодня. Милан-М.: Республика, 1991.
Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. Стихотворения. Сказки.
Старец Паисий Святогорец. О болезнях и скорбях. М.: Паломник, 2000.
Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. М.: Прогресс, 1990.
Pannenberg W. Antropologie in theologischer Perspektive. Gottingen, 1983.

Карпова Н.А. (Москва)

Смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии*

В течение уже десяти лет наш коллектив научно-исследовательской группы «Психология общения, развития и реабилитации личности» Психологического института РАО занимается исследованием психологических, философских, психолого-педагогических, возрастных, профессиональных и социореабилитационных аспектов феномена смысла жизни, а с 1999 года — и акме. Проведено 9 симпозиумов по данной проблематике, у нас есть постоянные участники и соратники в данных исследованиях. Это нашло отражение в 3-х сборниках статей — материалах I—II симпозиумов (1997), III—V (2001) и VI—VII (2002), — и сейчас, в 2004 году, участники X, юбилейного симпозиума держат в руках материалы VIII—X симпозиумов. В то же время каждый из ведущих сотрудников нашей группы вел собственную разработку темы в русле данной проблематики: в 1997 году вышла книга В.Э. Чудновского «Смысл жизни и судьба», предназначенная для Учителя в самом широком смысле слова, в 2003 году опубликовано второе издание книги А.А. Бодалева в соавторстве с Л.А. Рудкевичем «Как становятся великими или выдающимися?». Более широкое значение — а именно смысложизненное и акмеологическое — имеет курс лекций А.В. Суворова «Совместная педагогика» (2001), адресованный всем, кто работает с детьми-инвалидами. Также проводилась в этом направлении работа и нами, и результаты многолетних индивидуальных и коллективных исследований в области социореабилитации позволяют подвести некоторые итоги и сделать выводы для дальнейшей работы.

1. Глубокое и всестороннее исследование феномена смысла жизни В.Э. Чудновским (1997, 2001, 2003) показало глобальность и роль этого особого психического образования в жизни человека и структуре

* Работа выполнена в рамках конкурсной программы РГНФ № 02-06-00258а.

его личности. Было выявлено также регулятивное, терапевтическое, системообразующее и энергетическое значение наличия смысла жизни для человека, поскольку данная психологическая реальность включает в себе определенный энергетический потенциал. Разрабатывая в течение десяти лет «оптимальную модель» смысла жизни, В.Э. Чудновский пришел к понятию «адекватного» и «оптимального» смысла жизни, что напрямую отвечает задачам нашей работы.

В развитие теоретических проблем смысла жизни, многопланово и разносторонне представленных в предыдущих сборниках, мы исследуем прикладные вопросы данного феномена, поскольку и сам уважаемый Вилен Эммануилович подчеркивает, что важно «заземлить» эту проблематику, рассмотреть ее в свете насущных задач человеческой практики. И наш опыт подтверждает, что раскрытие психологической сущности и механизмов формирования смысла жизни требует соединения абстрактно-теоретического и практического мышления, причем прикладные проблемы не только решают задачу применения всеобщего знания к частным случаям, но и оказывают обратное воздействие на теоретический интеллект, способствуя выдвижению новых гипотез, их проверке и обоснованию.

2. В научной школе Б.Г. Ананьева — А.А. Бодалева исследуются феноменология, закономерности и механизмы достижения человеком акме — вершины в своем развитии как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности. Также выделяются обширные межпредметные связи акмеологии по характеру и широте предмета, по функциональным задачам и особо — по ценностным ориентациям. А.А. Бодалев с соавторами (2002) приходят к пониманию акме мировой цивилизации, что ставит проблему измерения и стимулирования «достижительных» устремлений личности, общества, национально-страновой культуры и более глубокого рассмотрения соотношения понятия акме с другими категориями, таким как смысл жизни, счастье, справедливость, самоактуализация и т.п. Это в свою очередь стимулирует решение вопроса о различных видах и формах «псевдоакме» и асоциальной самоактуализации человека.

Изучение закономерностей развития человека убеждает, что на ступени зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в каждом проявлении и виде деятельности на это состояние зрелости «работает» вся предшествующая его жизнь, его актуальная конструктивно-творческая доминанта, а также наличествующая перспектива, поскольку истинный процесс развития и совершенствования безграничен, как и возможности творческого духа. В таком понимании «акме» предстает как интегральная формула здоровья, самопознания, самоопределения и творческого самоутверждения человека. Акмеологический подход в решении сложных проблем социореабилитации основывается на этих положениях.

3. Особое звучание и значение в свете смысложизненного и акмеологического подходов имеет теория человечности, осмысленная А.В. Суворовым, а также разработанная им концепция совместной педагогики в работе с детьми, имеющими сенсорную депривацию и различные формы инвалидности. Давая такое определение: «Категория человечности, в предельно широком философском смысле, то есть в контексте этической концепции разума, характеризует сущность разумной формы жизни в отличие от всякой другой; сущность духа — не просто “мыслящего”, но, прежде всего, любящего», — Суворов совсем в духе кантовского «категорического императива» утверждает: «Смысл жизни человека может заключаться только в том, чтобы быть человеком. Всегда и со всеми». Так же предельно однозначно он устанавливает связь между понятиями «духовность» как личностное качество (которое определяет как «повышенную чуткость к реальности») и «смысл жизни»: «Нет духовности — нет ни жизни, ни ее смысла, а есть вполне бессмысленное существование или прозябание». И делает окончательный вывод: «...человечность — это фундаментальная форма духовности, характеризующаяся повышенной чуткостью к проблемам других людей и готовностью помочь им в решении этих проблем», «жизнь осмысливается или обесмысливается в первую очередь в зависимости от того, насколько субъект жизни человечен».

Анализируя далее «принцип индивидуального личностного акме», А.В. Суворов утверждает его нацеленность «на постоянную отмобилизированность всех сил личности, на постоянное напряжение и жесткую самокритичность»: «Но чтобы подняться на вершину всей жизни, надо постоянно стремиться к вершине всю жизнь», и в то же время «на вершине надо быть постоянно, с самого начала, но эта вершина должна расти. Растет она благодаря нашим же усилиям» (Суворов, 2001, с. 51, 53, 187). Согласимся с такой точкой зрения, хотя и отдадим себе отчет, что жить на таком уровне требований к себе способны немногие, — но сам А.В. Суворов из этих немногих.

Анализируя принципы взаимной человечности, разработанные А.В. Суворовым (на них ориентируемся и мы), следует подчеркнуть неосценимое значение его деятельности — участие в создании и организации движения «Совместной педагогики» — лагерей обучения и отдыха для детей-инвалидов и здоровых детей, где и те и другие проходят вместе «школу взаимной человечности», помогая друг другу. Разве не в этом высший смысл жизни каждого человека и всего человечества в целом? (Это особо значимо в свете событий 11 сентября 2001 года в США и 24—26 сентября 2002 года в Москве.)

4. Последние четыре года в рамках наших коллективных конкурсных программ, поддержанных РГНФ, проводилось изучение характера соотношения феноменов «смысл жизни» и «акме» в процессе жизни человека (возрастной, профессиональный, социореабилитационный аспекты), что

позволило глубоко и всесторонне исследовать смысложизненные и акмеологические проблемы конкретной педагогической деятельности во всем многообразии преподавательских профессий — школьного учителя (общеобразовательных, вспомогательных и специальных школ и колледжей), преподавателя ВУЗа, педагога-воспитателя, в частности — в системе оздоровительных лагерей Детского ордена Милосердия. С этих позиций была проанализирована и деятельность логопсихотерапевта — руководителя групп семейной логопсихотерапии.

В ходе изучения феноменов смысложизненных ориентаций и акме как психологической механизмов становления профессионала мы исходили из теоретической предпосылки о единой психологической сущности этих феноменов: они характеризуют несколько разные, но взаимосвязанные аспекты деятельности человека, в которых проявляется его фундаментальная потребность в оптимальной самоактуализации. Эта тема открывает широкие мировоззренческие, психолого-педагогические, образовательные и воспитательные перспективы и стратегии деятельности¹.

Ранее нами был проанализирован процесс изменения жизненных смыслов в ходе социореабилитации и показано, что можно говорить и об акме самой методики логопсихотерапии (Карпова, 1997, 2001, 2002). Вывод, к которому мы пришли, следующий: процесс осознания смыслов, смыслообразования и смыслопорождения связан с основной проблемой формирования личности — ее смыслом жизни, который на высоком уровне сформированности начинает выступать мощным энергетическим источником жизнедеятельности человека (В. Франкл, В.Э. Чудновский, А.В. Суворов) и способствует достижению вершин его саморазвития (А.А. Бодалев).

Опираясь на вышеперечисленные положения, в данной статье мы анализируем собственный почти 15-летний опыт работы по методике семейной групповой логопсихотерапии с точки зрения выявления ее смысложизненного и акмеологического потенциала.

¹ В этом плане интересно рассуждение известного писателя Джона Фаулза. В своем сборнике «Аристотель: Философская эссеистика» он опровергает мнение о том, что только специалист вправе высказываться о вещах, касающихся всех и каждого, и рассуждает о смысле жизни, природе справедливого общества и естественных пределах человеческого существования. В предисловии Фаулз объясняет, что слово «аристос» (форма единственного числа; ударение падает на первый слог) взято из древнегреческого и приблизительно означает «лучшее в данных обстоятельствах», и, размышляя об образовании, он пишет, что человек должен быть введен в контекст трех измерений — отношения к себе, к окружающим людям и к миру в целом, чтобы уметь ответить на вопрос, что есть этот мир, зачем он в этом мире, и как максимально в нем самоосуществиться. Писатель делает глубокий психологический вывод: «Главное назначение психической территории, которую мы вокруг себя создаем, — это, конечно, противодействовать нашему ощущению немо, собственной ничтожности...» (Фаулз, 2003, с. 7—9, 234—235).

Ученые XX века достаточно часто говорили о потенциале человека — жизненном, психическом, энергетическом (от латинского *potentia* — сила, мощь), — подразумевая некую внутреннюю силу, существующую в скрытом виде, но могущую проявиться в большей или меньшей степени. «Человек как субъект трудовой деятельности обладает определенными потенциалами — трудоспособностью и работоспособностью, активностью в форме ценностных ориентаций, мотивов, наконец, сформированным в самой деятельности практическим опытом с различными степенями обобщенности», — писал Б.Г. Ананьев (1980, с. 321). Он неоднократно обращал внимание исследователей на то, что потенциал человека проявляется на разных уровнях его деятельности и обладает способностью как снижаться, исчерпываться, так и пополняться, — соответственно надо грамотно и бережно обращаться с человеческими ресурсами. Думалось ли тогда, что через четверть века наш современник — врач и психолог В.А. Пономаренко в прологе к своей книге «Размышления о здоровье» напишет, что в нашем XXI веке «социальный генезис психической напряженности породил системное вычерпывание резервов организма и в конечном счете привел к тотальному снижению психофизиологического потенциала общего здоровья», — и с горечью добавит: «Именно искажение устоявшегося образа видения мира и себя в нем выступило как УГРОЗА ЗДОРОВЬЮ» (Пономаренко, 2001, с. 5).

В свою очередь В.Э. Чудновский, рассматривая личность как сложное динамическое структурное образование и признавая особую значимость в жизни человека и структуре его личности такого психического образования, как смысл жизни, обращает внимание на то, что эта психологическая реальность также заключает в себе определенный энергетический потенциал. И В.Г. Асеев подчеркивает, что смысловой потенциал действительно выполняет функцию потенциала, поскольку служит мотивационно-смысловым средством реализации другого — деятельностно-динамического, актуализация которого невозможна без его мотивационно-смыслового обеспечения. Итак, «момент истины» определен: феномен смысла жизни в силу своей смысловой и жизненной наполненности обладает и определенной энергетикой.

Как мы уже говорили (Карпова, 2001), научно-исследовательским коллективом, членом которого является автор, были выделены определенные типы развития интрагенной (внутренней) активности человека в процессе социореабилитации, что позволило наметить единую классификацию стратегий ее становления у пациентов. Было выявлено три вида стратегий: 1) смыслообразующие, 2) психотерапевтические, 3) конкретно-методические. Среди смыслообразующих были названы:

- а) поиск и становление смысла жизни;
- б) использование мотивационного потенциала акме в его возрастных и индивидуальных вариантах;
- в) формирование адекватного отношения к дефекту.

Многолетнее исследование проблемы становления нового смысла жизни на примере организации высокой мотивационной включенности в процесс социореабилитации пациентов и их родственников в рамках семейной групповой логопсихотерапии позволило также выделить ряд психологических механизмов формирования мотивационной включенности: механизмы соучастия и адекватного отношения к дефекту (недостатку), «эффект Пигмалиона» и механизм воплощения цели в идеальном образе, механизмы повышения смыслообразующей функции мотива до уровня смысла жизни и использования энергетики «идеального Я». С позиции раскрытия и повышения энергетического потенциала личности все вышеперечисленные использованные в процессе социореабилитации стратегии — пути перехода от «будничного» к «высшему Я».

Анализ основных психологических условий становления коммуникативно полноценной личности в процессе социореабилитации в группах семейной логопсихотерапии, где мощно используется психотерапевтический эффект обращения к проблеме смысла жизни и акме, выявил следующие необходимые составляющие:

1. Формирование «психологической почвы» для социореабилитационной работы, для чего уже на начальном этапе необходимо активное привлечение к работе *родителей и родственников* с целью включения их в психотерапевтический процесс.

2. Формирование, развитие и закрепление у пациента *стойкой мотивации к излечению*, а у родственников — мотивацию к активной поддержке данного решения. Этому способствует динамическая психотерапевтическая диагностика, разработанная Ю.Б. Некрасовой, и выявление «внутренней картины здоровья» — опора на положительные начала в человеке и всей его семье.

3. Одно из важных условий — работа с *психическими состояниями* пациентов и их родственников на всех этапах логопсихотерапии, особенно — с *состояниями успеха*.

4. Формирование на всех этапах социореабилитации высокого уровня *мотивационной включенности в деятельность*, чему способствует педагогически грамотное использование всех перечисленных выше общепсихологических механизмов. Это позволяет также проследить динамику личностных изменений участников группы в процессе социореабилитации.

5. *Развитие* индивидуальной и групповой *рефлексии* — использование приемов активизации самосознания членов группы для установления «обратной связи» (получения информации о происходящих с ними изменениях и причинах, их вызывающих).

6. *Соблюдение* на всех этапах социореабилитации *принципов*, разработанных сотрудниками группы «Психология общения, развития и реабилитации личности» ПИ РАО и дополненных нами. В число этих принципов входят:

а) принцип «общечеловеческой значимости» процесса социореабилитации;

б) нравственно-психологический подход к проблеме «норма/патология»;

в) единство психолого-педагогических и психотерапевтических воздействий;

г) рассмотрение социореабилитации как целостного процесса;

д) принцип разновозрастного психотерапевтического коллектива;

е) преемственность всех форм и видов работы;

ж) передача традиций и помощь выпускников членам новых групп.

Нашим научно-исследовательским коллективом была разработана и обоснована концепция о том, что *полноценное развитие личности* в норме, а также ее полноценная реабилитация в случае болезни, физической или психической травмы, предполагают *богатство ее отношений* с окружающей действительностью и максимальную мотивационную включенность в творческую деятельность, инициирующую ее саморазвитие, что достигается организацией полноценного диалогического общения в коллективе.

Цель психотерапии (как и любого воспитательно-коррекционного процесса) — помочь человеку компенсироваться за счет личностных факторов и реальных достоинств и достижений, создавая для этого специальные «помогающие» условия. По К. Роджерсу, цель психотерапии — динамика основных жизненных смыслов пациента. И мы в своих исследованиях логопсихотерапевтического процесса в эти годы пришли к некоторым результатам и выводам относительно его содержательных и динамических характеристик. Покажем это в контексте наиболее близкой нашему пониманию теории В.Г. Асеева (см. его статью в данном сборнике).

Отмечая значимость структурного строения смысловой сферы личности для решения вопроса о смысле жизни человека, В.Г. Асеев говорит об уровневом характере этих образований: соотношении осознаваемого и неосознаваемого, текущего и перспективного, содержательного и динамического, устойчивого и изменчивого, ситуативного и общеличного, процессуального и результативно-целевого компонентов смысловой системы. Мы полностью поддерживаем такой подход, поскольку практика постоянно убеждает в том, что психотерапия во многом строится на преобразовании высокозначимых для пациента и его родственников смысловых образований (типа «заикание не позволяет реализоваться в жизни», «речевые запинки — главная преграда в общении») в низкоконтрастные, что позволяет освободить смысловое пространство личности для реализации более важных и значимых для человека смысловых установок. И этот процесс, безусловно, развивает смысловой потенциал и самого заикающегося человека, и членов его семьи.

Возвращаясь к утверждению В.Г. Асеева о том, что смысловой потенциал действительно выполняет функцию потенциала, еще раз подчеркнем: актуализация его невозможна без мотивационно-смыслового обес-

печения. Наш опыт показывает, что во многих случаях активность пациентов по преодолению своего недуга (даже достаточно сильного) невысока именно потому, что они не видят смысла в изменении своего наличного бытия, или, напротив, осознанно (или подсознательно) страшатся его изменить, поскольку во многом уже адаптировались к обстановке и даже имеют определенные выгоды (как откровенно говорят подростки, учителя порой их жалеют, не спрашивая лишнего раз или завышая отметку, — другое дело, что не каждому заикающемуся это нравится).

Образование «типично невротической двухзональной структуры смысловой системы личности» (по В.Г. Асееву) при мотивационном вакууме, когда человек рассуждает: «это я могу, но не хочу», а «другое я хочу, но не могу», — опасно как на ситуативном, так и на общеличностном уровне. Именно здесь проходит «граница» между логоневротиками и заикающимися людьми, которые невротиками не являются, успешно решая свои учебные, социальные, профессиональные и личностные проблемы, — они никакие трудности не списывают на свой речевой дефект (заикались У. Черчилль, Ч. Дарвин, М. Монро, Ф. Раневская, Р. Рождественский и другие знаменитости, а Демосфен, родившись косноязычным, стал величайшим оратором, явив собой пример гиперкомпенсации, который в психологии назван его именем — «феномен Демосфена»). Дефект может быть не только тормозом, но и мощным стимулом к развитию утраченных или неразвитых способностей.

Возвращаясь к рассматривавшейся нами ранее (Карпова, 2002) проблеме длительности, высокой интенсивности и эмоционально-стрессовой насыщенности социореабилитационного курса семейной групповой логопсихотерапии (в этом ее плюсы и минусы), мы также видим подтверждение теории В.Г. Асеева о существенных различиях зоны обычных, рутинных возможностей и соответствующих достижений — и зоны деятельности у пределов функциональных возможностей личности: стратегии поведения человека в пределах этих зон очень отличаются, вплоть до противоположности.

Эмоционально-стрессовая терапия для абсолютного большинства ее участников (не только пациентов) является «переломным» периодом, поставив человека в ситуации жизнедеятельности, требующие сверхзначимых состояний: сам сеанс эмоционально-стрессовой логопсихотерапии, когда заикающимся предлагается говорить со сцены перед большим залом зрителей; далее — во время полугодового курса — большая ежедневная многочасовая интеллектуальная, физическая и эмоциональная нагрузка, открытые занятия, встречи с новыми людьми и еженедельные публичные «экзамены»; ответственность не только за свое речевое поведение, но и за речь близких и товарищей по группе и т.д. В этих ситуациях многие люди раскрываются абсолютно по-новому даже для близких и для самих себя, поскольку сверхзначимые состояния

актуализируют и «бесконечно значимые» для личности соответствующие смысловые образования, реализация которых становится возможной из-за высокого энергетического потенциала группы единомышленников и возрастающего собственного жизненного потенциала. Об этом пишут и пациенты, и их родственники: «Время своей жизни я теперь отсчитываю “до” и “после” сеанса» (22-летний Ш.А.); «На сеансе мы увидели своих детей словно другими глазами» (мама 17-летнего Н.Д.); «Такое ощущение, что силы с каждым днем прибывают, — время занятий пролетает быстро, — мне интересен и ценен каждый день в группе» (42-летняя М.Л.); «Каждое утро я с нетерпением жду, когда же начнутся занятия, кажется, мне никогда еще не было так интересно» (23-летний Д.С.). Отец 22-летней Ш.Е. — 65-летний Ш.В.И. — по окончании курса активной логопсихотерапии написал: «Я специально взял отпуск и старался приходиться на каждое занятие, — давно у меня не было такого полезного и насыщенного времяпрепровождения». А дедушка 8-летнего К.А. признался: «Никогда еще мы вместе с внуком так не выросли!»

В то же время мы помним, что для абсолютного большинства людей (и это нормально!) естественно избегание как высокозначимых, так и низкозначимых установок, поскольку первые требуют чрезмерного функционального напряжения, а вторые сопровождаются чувством неудовлетворенности и депривации. Методика семейной групповой логопсихотерапии позволяет на всех этапах активной групповой работы, начиная с сеанса эмоционально-стрессовой терапии, выработать и поддерживать почти у всех участников оптимально высокий уровень мотивационной включенности во все виды деятельности и стимулировать высокозначимые установки, поскольку сам групповой процесс требует, провоцирует и поддерживает высокое интеллектуальное, эмоциональное и функциональное напряжение. Основная наша задача — вывести каждого человека на уровень успеха в разных формах общения (межличностного, внутриличностного, группового) и видах речевой деятельности (монологической, диалогической, актерской, ораторской), показав и многократно подтвердив как можно более широкий диапазон его творческих возможностей¹.

¹ Обратимся снова к книге Дж. Фаулза, к весьма важному для нас рассуждению: «Быть художником — не значит быть членом тайного общества; это не та деятельность, которая по каким-то непостижимым причинам заказана большинству человечества. ... что действительно важно — это единичность того, кто создает произведение искусства, а не пресловутая пропасть, которая, как любят повторять, пролегла между, скажем, Леонардо и среднестатистическим человеком... Художник в сегодняшнем понимании этого слова — это тот, кто от природы умеет делать то, что все мы должны были бы уметь делать благодаря образованию. ... Бесплезно создавать все новые и новые возможности для того, чтобы наслаждаться искусством других, пока не будут созданы соответствующие возможности для собственного творчества» (Фаулз, 2003, с. 201—203).

Ввиду слабости и высокой истощаемости нервной системы (а в абсолютном большинстве и в силу слабой физической подготовки), невротик, как правило, самостоятельно не выдерживает длительных занятий; иное дело — в группе, тем более разновозрастной, где также активно участвуют абсолютно «на равных» многие родители и родственники (в нашей практике возраст родственников пациентов был от 2 до 79 лет — и в этом тоже специфика групповой логопсихотерапии: при 8—15 заикающихся пациентах общий состав на занятиях — 20—40 человек, поскольку помимо родственников приходят помогать выпускники предыдущих групп, а также бывают студенты и многочисленные гости). Памятуя о том, что низкая функциональная нагрузка, как правило, не дает развивающего эффекта, а чрезмерная нагрузка может привести к деструктивным последствиям, мы также принимаем важный в акмеологическом аспекте вывод о том, что «зона высших достижений человека, включая профессиональные достижения, разворачивается не у самого предела функциональных возможностей человека и его мотивационно-смысловых ресурсов, а в некоторой оптимальной зоне». И в этом плане мы, безусловно, максимально используем мобилизующий и психотерапевтический потенциал группы, помогая каждому участнику выйти на свой «максимум» в речевом общении и обрести свой устойчивый «оптимум». Абсолютно верным с психолого-акмеологических позиций является определение: «высшие достижения личности следует... характеризовать не как максимальные, а скорее как оптимальные, достаточно далеко отстоящие от зоны действительно предельных, но флуктуирующих и неустойчивых функциональных возможностей человека» (Асеев, 2004).

Трудность состоит именно в том, чтобы как можно ближе подойти к зоне риска, используя все реальные возможности достижения, но тем не менее не войти в нее, подчеркивает В.Г. Асеев. А в нашем фильме «Человек может все — 2» есть такой разговор между героями — выпускниками логопсихотерапевтических групп Ю.Б. Некрасовой 80-х годов: «Я не знаю, что могу, но я твердо знаю, что я НЕ могу», — говорит Наталья С. — «Чтобы понять, что ты можешь, а чего не можешь, ты должна выйти ЗА пределы своих возможностей», — отвечает ей Николай А. И Наташа рассказывает, что именно работа с новыми группами в качестве помощника руководителя дала ей возможность резко раздвинуть границы своего «могу» — через радостную силу преодоления (прежде всего себя самой) выйти на сцену в качестве ведущей сеанс эмоционально-стрессовой терапии. Думается, это один из самых высоких результатов логопсихотерапевтической работы: вчерашний заикающийся на глазах у сотен зрителей, на сцене, то есть в максимально фрустрирующей обстановке, ведет сеанс «снятия заикания» (добавим, что через год такой же сеанс с новой группой успешно помогал нам проводить и Николай).

Таким образом, семейная логопсихотерапия подтверждает, что рациональный смысл стратегии реализации смысловой установки сверхвысо-

кой значимости состоит в том, что она помогает актуализировать неизвестные человеку и окружающим, но объективно имеющиеся функциональные и иные резервы (Асеев, 2004), — профессионализм воспитателя, педагога, врача, психотерапевта в том и состоит, чтобы грамотно и ответственно использовать данный психологический механизм.

В нашей работе особо значимо исследование мотивационной характеристики области предельных возможностей участников группы. С какой целью человек приходит в группу? Что его больше привлекает — результат собственных изменений или коллективный процесс работы? Зачем ему нужна хорошая речь? Какой результат (его собственный или родственника) его удовлетворит? Очень разные ответы на эти вопросы мы получаем на подготовительном этапе (в ходе динамической психотерапевтической диагностики, методика которой разработана Ю.Б. Некрасовой на основе библиотерапии) и на этапе активной групповой работы — во время психотерапевтических бесед и в дневниковых записях пациентов и их родственников...

Здесь также проявляется временной аспект сложного структурного строения смысловой сферы личности, о котором говорит В.Г. Асеев (2004): существуют текущие — и перспективные, актуальные — и потенциальные временные зоны, и каждая из них выполняет свои необходимые функции. В пределах актуальной зоны решаются в основном рутинные, текущие потребностные установки, «в то время как перспективные выполняют функцию своеобразного смыслового резерва, смыслового потенциала, светлого огонька надежд и уверенности в будущем» (*там же*). Но потенциал семейной групповой логопсихотерапии состоит и в том, что на всех своих этапах в разных формах (индивидуальной — на подготовительном этапе, индивидуально-групповой — во время сеанса, коллективно-групповой — на этапах активной логопсихотерапии) в силу своей парадоксальности (как подчеркивала Ю.Б. Некрасова, работа в основном строится от сложного — к простому, от общего — к частному, от неизвестного — к известному) он дает возможность постоянного смещения и смещения временных зон — текущих с перспективными, актуальных с потенциальными, — поддерживая и обучая делать более ярким «светлый огонек надежд и уверенности» и в будущем, и в настоящем. Иначе это не была бы психотерапия! И это подтверждают выпускники, отсутствуя новые группы: «Это не лечение, а скорее обучение — интересное и творческое обучение» (С.А., 30 лет); «Группа — это определенный значимый и интересный кусок жизни. И хорошо, что вы сюда попали» (О.И., 45 лет); «По большому счету методика заикание не лечит. Она вводит человека в новое состояние — состояние оратора: делает его сильнее и увереннее, позволяя свободно общаться с аудиторией и стать из ведомого ведущим. Тем самым попутно решаются проблемы заикания» (А.Н., 47 лет).

В пределах актуальной зоны на ежедневных многочасовых занятиях методом «повторения без повторов» осуществляем в основном «рутин-

ные, текущие» потребностные установки: на хорошую речь, полногла- сие и эффективное общение, творческое самовыражение и саморегу- ляцию. При этом стараемся максимально использовать смысловой ре- зерв и смысловой потенциал перспективных установок — на доверие, взаимопомощь, творческое сотрудничество. Иначе невроз общения (не только речевого) не преодолеть. Этот настрой и атмосферу, которые из раза в раз удается создавать и воссоздавать в каждой группе в разных городах, видят и отмечают большинство из тех, кто приходит к нам в группу и кто смотрит наши видеофильмы: «Такое ощущение, что ра- ботает одна большая дружная семья...»; «Больше всего удивляет и поражает атмосфера открытости и доброжелательности в группе»; «Ка- жется, что в наше время такого огромного поля доброты уже не встре- тишь, — но я это видела собственными глазами...».

Понимание личности, разработанное школой Б.Г. Ананьева — А.А. Бода- лева, которому мы следуем, позволяет включить речевую деятельность в иерархию более общих свойств личности и учесть при этом ее взаимосвя- зи как автономной, независимой функции. Такой подход приводит к не- обходимости объяснения речевой деятельности как минимум на трех уров- нях: а) собственно механизмов речепорождения, б) в связи с индивиду- ально-типологическими особенностями личности, в) в системе взаимодействия человека с человеком². Осознание этого факта помогает заикающемуся более активно включиться в работу не только над своей речью, но и над личностными особенностями, что ведет и к переформи- рованию стиля речевого общения, а у взрослых родственников — к более адекватному отношению к процессу и результатам логопсихотерапии.

В свете всего вышесказанного особо значимой становится проблема подготовки кадров для работы в области социореабилитации, в частно-

² Смысложизненный и акмеологический потенциал логопсихотерапев- тического процесса, как и его терапевтическая энергетика, формируется и проявляется в результате группового взаимодействия. И в подтверждение осо- бой значимости процессуальной стороны методики и уникальности происхо- дящего при множестве повторяющихся элементов обратимся к мысли М. Бубера, высказанной более полувека назад. Он утверждал, что фактом существования не являются ни отдельный человек, ни общность как таковые, — это только абстракции: «Фундаментальным фактом человеческого существования являет- ся человек с человеком. Характерно обозначает мир людей прежде всего иного ТО, что возникает здесь МЕЖДУ (выделено нами. — *Н.К.*) существом и существом, подобного чему нигде в природе не найти. Язык для него только знак и коммуникативное средство, вся духовная работа пробуждена через это». М.Бубер называет эту сферу «Между», считая ее «исходной категорией чело- веческой реальности»: «“Между” есть не вспомогательная конструкция, а ре- альное место и носитель междулических событий; оно... формируется каждый раз по-новому соответственно человеческим встречам; поэтому в том, что ка- сается его, возникает естественная связь с непрерывными элементами, душой и миром» (*Бубер, 1998, с. 92—93*).

сти, в логопсихотерапии. Специфика педагогической профессии предполагает глубокое овладение ее психологическими основами. Коррекционная педагогика должна исходить из того, что в каждом конкретном случае имеет место не механическое взаимодействие «дефекта», «наследственности» и «среды», а сложное взаимопереплетение биологического и социального, включая то, как та или иная психосоматическая особенность, информация или переживание воспринимается, оценивается и закрепляется сознанием и самосознанием субъекта.

Необходимо грамотное решение проблемы поиска и нахождения смысла жизни для людей различных возрастов, нуждающихся в помощи в физическом, психическом или социальном восстановлении в разных условиях: а) в общеобразовательных учреждениях, б) в специализированных школах-интернатах, в) в специальных лечебно-оздоровительных и воспитательных учреждениях, г) в лагерях и коллективах Детского ордена милосердия или работающих по программе «совместной педагогики», д) в различных психотерапевтических и психокоррекционных группах, е) в системе индивидуального, группового или семейного консультирования или психотерапии и т.д. Также требуется решение вопросов, значимых в профессиональной деятельности для самих специалистов коррекционной педагогики и практических психологов, психотерапевтов и социальных работников: каков смысл жизни и потенциал нравственно-психологического развития личности в условиях различных деприваций, как работать с проблемами эгоцентризма и суицидальных установок при потере смысла жизни, как глубже понять психологию ребенка, брошенного родителями или воспитывающегося в детском доме, и т.д. Тема вектора и механизмов смыслостроительства в процессе жизнедеятельности человека приобретает здесь особое звучание.

Как подчеркивает В.Э. Чудновский, высокие смысложизненные ориентации и акмеологическое видение своей профессиональной деятельности необходимо формировать у будущего педагога и воспитателя со студенческой скамьи. Анализ анкетирования студентов психолого-педагогических вузов Москвы, Самары, Муром, проведенного нами в 2001—2003 гг. по проблемам ценностно-смысловых ориентаций и акме (всего 210 человек), показывает, что принципиальной разницы в подходах к осмыслению вопросов о смысле жизни и акме у студентов столичных вузов, вузов полуторамиллионного города и города с населением в сто тысяч человек не отмечается. Определенная направленность к осмыслению данных проблем у всех студентов имеется (хотя большинство отмечают, что вопросы анкеты впервые заставили их серьезно задуматься о жизни в целом и обратиться к осмыслению своего жизненного пути и достижений в частности), но практических умений и понимания, как грамотно вести работу в данном направлении с учащимися, мало кто имеет — тем более, что большинство опрошенных студентов далеко не школу и педагогов называют своими Учителями жизни.

Здесь же отметим, что четверть опрошенных оставляют вопросы об акме без ответа, хотя в предисловии к анкете наш исследовательский коллектив дал определение этого феномена как «периода наивысшего развития, «вершины жизненного пути» человека как личности и как профессионала» (текст анкеты прилагается к данному сборнику). На наш взгляд, отказ от ответа на следующие «акмеологические» вопросы анкеты:

3. Какое содержание Вы вкладываете в понятие «акме человека» в личностном и профессиональном плане?

11. Изменилось ли у Вас представление о вашем акме, которого Вы хотели бы достичь, в последние годы? Каким образом и почему?

15. Что, на Ваш взгляд, влияет на достижение человеком акме? — а также отсутствие ответов на конкретные вопросы о «жизненном планировании» (№ 19 и 20) говорят либо об особой сложности этих вопросов для человека, либо о том, что он над ними еще и не задумывался, либо не желает ставить себе конкретных целей и задач, либо по каким-то причинам предпочитает их не проговаривать, оставляя информацию только в себе и для себя.

Готовность студентов к осмыслению и обсуждению поставленных в анкете вопросов (треть анкет заполнены подробно, ответы развернутые, с приложениями на дополнительных листах, встречаются даже ответы в стихах) сочетается с формальным отношением к ответам и «закрытостью» некоторых из них, на наш взгляд, не столько по причине нежелания говорить о данной проблеме, сколько из-за неразвитости рефлексии и саморефлексии, слабо сформированной диалогичности мышления и боязни самовыражения. И в этом плане нас такжестораживает полная неготовность студентов педвузов и будущих психологов-практиков к контактам и работе с людьми, имеющими различные физические и психические отклонения, и даже страх и растерянность перед этой проблемой, хотя мировая статистика свидетельствует об угрожающем росте психофизической и социальной патологий среди населения.

Односторонность в профессиональной подготовке будущего учителя и воспитателя, отсутствие подготовки к активному и продуктивному взаимодействию с различными категориями учащихся — не только «трудными» в смысле усвоения знаний, но и с девиантным поведением, с различными физическими и психическими недостатками, — формирует искаженное ценностно-смысловое отношение к педагогической профессии только как к «урокодательству». В данном случае речь идет не о целенаправленной профессиональной работе в области социореабилитации — для этого есть специальные дефектологические факультеты, где готовят специалистов-дефектологов по реабилитации детей и взрослых с различными патологиями (тифло-, сурдо-, лого-, психо-...), — а о готовности педагога и практического психолога к организации максимально полноценного контакта такого ребенка или взрослого со всеми членами учебного, трудового или любого времен-

ного коллектива, именно о СОЦИОреабилитации его в коллективе и через коллективно-групповую работу.

Именно в формировании готовности к подобной деятельности мы видим одну из задач своего спецкурса «Основы семейной логопсихотерапии», в ходе которого демонстрируем научно-документальный фильм «Человек может все — 2» о методике и видеозаписи групповой работы. Более 500 письменных отзывов студентов 3—5 курсов из разных вузов — будущих педагогов, психологов, социальных работников, логопедов, получающих первое и второе высшее образование (соответственно в возрасте от 19 до 53 лет) — подтверждают необходимость их ознакомления с проблемами социореабилитации. Можно выделить основные темы в отзывах студентов после просмотра этих фильмов:

а) абсолютное большинство говорит об эмоциональном впечатлении от увиденного (диапазон называемых состояний велик: от «понравилось», «удивлена», «озадачен» — до «потрясена», «полное снятие», «шоковое состояние», «радость и восторг от прикосновения к чуду»);

б) многие отмечают, что впервые так наглядно столкнулись с проблемой невроза и увидели глубину страданий заикающихся людей;

в) пишут, что фильм заставил задуматься над высокой ценностью человеческого общения и обратить внимание на свою далеко не совершенную речь;

г) во многих отзывах — слова восхищения душевной красотой, силой и мужеством людей, выходящих на сцену перед большим залом для преодоления своего недуга;

д) многие отмечают наглядные изменения не только в речи, но и в личности, и во внешности людей, прошедших курс логопсихотерапии;

е) некоторых фильм заставил пересмотреть взгляды на жизнь и взаимоотношения людей, на проблему болезни и здоровья;

ж) есть отзывы, где студенты благодарят за возможность воочию убедиться в действительности получаемых знаний и реальности психологической помощи людям;

з) есть и вполне конкретные высказывания: «Огромное Вам спасибо — у меня самой сложное заболевание, и Ваш фильм помог мне поверить в себя и свои силы»; «Если эти люди смогли преодолеть такой сложный барьер общения, то я просто обязана справиться со своими страхами и тревогами»; «Я особо четко поняла, как невероятно трудна и ответственна эта работа, но я хочу научиться работать так же».

Отзывы людей разных возрастов, специальностей и уровней образования убеждают в том, что методика семейной логопсихотерапии сохраняет свой действенный смысло-жизненный и акмеологический потенциал и в «видеовоплощении», заставляя абсолютное большинство зрителей активно сопереживать увиденному и задаваться серьезными смысло-жизненными вопросами.

Проведенные нами за последние годы исследования психолого-педагогических аспектов феномена смысла жизни и акме выявили ряд психо-

логических условий, способствующих становлению у пациентов логопсихотерапевтических групп и их родственников нового смысла жизни в процессе «лечебного перевоспитания» и поставили перед необходимостью всестороннего рассмотрения проблемы подготовки специалистов в области новой профессии — логопсихотерапии. Напомним, что эта профессия, объединяющая в себе три специальности — логопеда, психолога и психотерапевта, — разработана и воплощена в жизнь в конце 60-х годов прошлого века Ю.Б. Некрасовой, которая и стала первым логопсихотерапевтом.

С начала 90-х годов мы продолжаем разработку ее методики в направлении семейной групповой логопсихотерапии и видим целью своей работы не просто «лечение заикания», а социореабилитацию заикающегося человека, то есть восстановление нарушенной речевой коммуникации прежде всего с ближайшим окружением через психотерапевтическое преобразование его семейной среды. Правомерность такого подхода уже подтвердила работа наших 17 групп в пяти городах — Москве, Таганроге, Самаре, Новосибирске, Владивостоке. Практика убеждает, что только в совместной интенсивной творчески организованной лечебно-обучающей деятельности дети, подростки и взрослые — «больные» и «здоровые» — становятся более грамотными и уверенными в решении смысложизненных вопросов, в умении более адекватно оценивать свои возможности в ситуациях различных ограничений и деприваций (вплоть до инвалидности — в наших группах участвовало несколько заикающихся ребят с диагнозом ДЦП, ограничениями слуха и зрения) и противостоять им, не опускаясь до «инвалидной психологии».

Особо подчеркнем следующее: работа с большими группами заикающихся подростков и взрослых и с членами их семей позволяет говорить о том, что данный групповой процесс социореабилитации можно рассматривать как путь личностного роста каждого из его участников, путь реализации каждым собственного смысла жизни и гармонизации личности, и это в полной мере относится и к руководителям группы — логопсихотерапевту и его помощникам.

Проведенное нами исследование деятельности логопсихотерапевта на собственном опыте и примере девяти человек, прошедших у нас обучение и работающих в рамках семейной групповой логопсихотерапии в разных городах (в Москве — Н.А. Ситникова, Ю.Ю. Лотоцкая, Н.В. Волкова; в Таганроге — И.В. Янченко, А.Ю. Кругликова, Н.В. Глухова; в Самаре — А.Д. Яковистенко; в Новосибирске — Ю.Ю. Лотоцкая; во Владивостоке — Е.З. Загородникова, В.В. Аксиучиц), подтверждает, во-первых, что сама эта сложная многомерная деятельность «по плечу» людям с уже достаточно сложившимися ценностно-смысловыми профессиональными ориентациями и достаточно высоким уровнем осмысленности собственной жизни. Все работающие сейчас в области семейной групповой логопсихотерапии ранее хорошо учились в школе и вузе (четверо имеют музыкальное образование, трое — второе высшее психологическое), обладают высокой работоспособностью и любят свою работу (педагогический стаж —

от 2 до 23 лет). Отвечая на вопросы анкеты о смысле жизни и акме, все 10 человек отметили, что достаточно полно реализовали себя в прошлом, но видят и свои еще нереализованные потенциальные возможности. То есть можно говорить, что через ряд микроакме (под «микроакме» понимается успех в различных областях учебной, творческой, педагогической или организаторской, научной деятельности) все они пришли к осознанию своих возможностей в новом виде деятельности, активно объединяющем теорию и практику, научное исследование и постоянный поиск и эксперимент в области речевого общения и коммуникативных способностей человека (хотя только 4 из 10 имеют логопедическое образование и 2 — филологическое). Показательно, что все 10 человек считают, что в жизни больше смысла, нежели бессмыслицы, а наличие смысла жизни положительно сказывается на судьбе человека. Также все логопсихотерапевты отметили, что на становление их смысла жизни в большей мере повлияли родители, чтение литературы и учителя (причем для большинства более значимым был период обучения в вузе), а также собственный опыт.

Во-вторых, хотя не для всех логопсихотерапия является основной работой, но 9 человек из 10 среди значимых событий своей жизни (в частности, повлиявших на выбор или смену профессии) отметили знакомство с данной методикой и опыт участия в логопсихотерапевтической группе. И далее 8 человек, которые провели уже не одну группу, отмечают при оценке своих достижений и неудач на каждом особо значимом отрезке жизненного пути, что теперь «отсчет» во многом идет от группы к группе, поскольку каждая — это веха профессионального и личностного роста, поскольку способствует более полной реализации собственного смысла жизни и профессиональному становлению (в настоящее время из девяти человек трое являются аспирантами, трое — соискателями и трое начали вести активную научно-исследовательскую работу в области логопсихотерапии). Другими словами, групповая семейная логопсихотерапия обладает существенным смысло-жизненным и акмеологическим потенциалом для данной категории людей.

В-третьих, особенность методики семейной групповой логопсихотерапии состоит в умении длительно и интенсивно работать с разновозрастным коллективом, то есть уметь учитывать одновременно многие психологические и социальные факторы, подчиняя все цели логопсихотерапии. Это требует не только гибкости и творческого подхода к работе, но и умения постоянно учиться у более опытных коллег, привнося в методику новое на основе хорошо освоенных базовых принципов и положений и соблюдая преемственность основных форм и приемов работы. Также необходима включенность в систему профессиональной взаимопомощи, поддержки и взаимозаменяемости (все мы уже работали в группах 2–4-х городов в разных условиях и статусах) — это заставляет более четко выстраивать свои личностные и профессиональные горизонты и корректировать жизненные планы.

В-четвертых, исследование особенностей профессионального общения при активном использовании методики эмоционально-стрессовой психотерапии делает особенно актуальным исследование феномена «сгорания» в профессии «семейный логопсихотерапевт», поскольку данная профессия есть сложное единство педагогики, теоретической и практической психологии, логопедии и немедицинской психотерапии, — а все перечисленные области деятельности, связанные с высоким динамизмом процесса, ломкой устоявшихся стереотипов мышления и поведения, непрерывным повышением напряженности в обучении и умением работать с невротическими реакциями, предъявляют особые требования к эмоциональной устойчивости личности *и ее способности поддерживать и восполнять свой энергетический потенциал, грамотно решая собственные смысложизненные проблемы.* Характерно, что почти все работающие в групповой логопсихотерапии так или иначе отметили, что смысл своей жизни видят в нахождении «согласия с самим собой», «гармонизации своих душевных проблем и межличностных отношений», поскольку логопсихотерапевт всей своей деятельностью (и речевой, в частности, которая отражает психические состояния) должен помогать участникам группы находить адекватные решения личностных проблем, уходя от невротических реакций. Показательно здесь и то, что 7 человек из 10 отмечают, что сам групповой процесс дает в этом плане хороший энергетический заряд, заставляя «держаться высоту». И дело здесь не только в чувстве ответственности руководителя за группу и результат работы, а в том, что логопсихотерапия в силу своей комплексности и многомерности оптимизирует многие личностные установки, делая жизнь более динамичной, духовной, творческой и интересной. И в этом также состоит ее смысложизненный и акмеологический потенциал.

Таким образом, рассмотрение проблемы, заявленной в названии статьи, позволяет сделать следующие выводы:

1. Смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии может быть представлен как в содержательном, так и в динамическом планах. Он определяется самим составом наших комплексных разновозрастных групп, в которые входят: заикающиеся пациенты (10—45 лет, уже многократно, но безуспешно лечившиеся), их родители и родственники, выпускники предыдущих групп, которые приходят помогать новичкам, руководитель группы и его помощники, — все они объединены общей целью восстановления нарушенного речевого общения через организацию полноценной интенсивной коммуникации.

Естественно, состав групп постоянно обновляется, но принципы его подбора постоянны, поэтому складывается определенный «костяк» активных участников. На основе четко выстроенной по этапам методики и сложившихся традиций при творческом подходе ко всем ее элементам происходит постоянное ее дополнение, корректировка и обновление, поэтому можно говорить и об акмеологическом потенциале самой методики.

2. Смысложизненный и акмеологический потенциал логопсихотерапии содержательно заключается:

а) в самой организации процесса, предусматривающего включение в работу всех участников группы на всех этапах социореабилитации;

б) в соблюдении основных принципов социореабилитационной и, в частности, логопсихотерапевтической работы;

в) в формировании и поддержании на всех этапах интрагенной активности и высокого уровня мотивационной включенности в деятельность всех участников группы.

3. Подготовка и проведение еженедельных творческих «экзаменов» на этапах активной групповой работы, в которых участвуют и родители, и родственники, а также «старики» — выпускники предыдущих групп, позволяет всем постепенно и «поступенно» выстраивать и корректировать ближнюю и дальнюю перспективы своих речевых и творческих успехов, проверять свои возможности в сверхзначимой ситуации, то есть можно говорить о создании методикой для каждого возможности достижения многих «микроакме», без которых невозможно достижение «макроакме» в любой деятельности. Здесь же проходит групповой анализ причин спадов и неудач, то есть идет работа по выстраиванию адекватного уровня притязаний и оптимального для каждого человека акме в данной социореабилитационной деятельности.

4. Укреплению смысложизненного и акмеологического потенциала методики способствуют наши удивительные гости — ученые и преподаватели вузов, инженеры-исследователи и представители опасных профессий — летчики, испытатели, люди сильные, яркие и творческие, открытые общению и готовые делиться своими знаниями и опытом преодоления трудностей, убеждающие своим примером в возможности созидательного выстраивания жизни.

5. Безусловно, помогает поддерживать и восполнять смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии дружба с хорошими профессиональными творческими коллективами — в Москве это театр «Сопричастность» (главный режиссер Игорь Сиренко), в Таганроге — Молодежный театр Нонны Малыгиной, в Самаре — «Театр Слова» Клары Саркисян, во Владивостоке — Приморский краевой драматический Театр Молодежи (художественный руководитель — Виктор Галкин). Интереснейшие встречи и сотрудничество — проведение совместных занятий, присутствие на репетициях и участие в обсуждениях спектаклей — мощно стимулируют индивидуальное и коллективное творчество участников наших групп. И здесь незаменим опыт и наставничество нашего самого старшего «старика» — кинорежиссера Александра Шувикова, снимавшего как первый фильм «Человек может все» (1986, Т/О «Экран») о работе группы Ю.Б. Некрасовой, так и фильм «Человек может все — 2, или 15 лет спустя» (2001, Центр «СКИП-фильм») о работе наших групп семейной логопсихотерапии.

6. Смысложизненный и акмеологический потенциал логопсихотерапии проявляется в каждой категории участников — прежде всего, конечно, у пациентов и у их родителей и родственников, поскольку наши группы с полным основанием можно считать «группами личностного роста»; это сказывается и на руководителях групп и их помощниках, поскольку именно они осознанно регулируют создание этого группового потенциала, его развитие и укрепление.

7. Смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии проявляется не только у непосредственных участников группы — он сказывается и на тех, кто приходит на консультацию в качестве гостя (прежде всего студенты), и на тех, кто получил представление о методике только из фильмов и видеозаписей групповой работы. Многим это помогает больше поверить в себя и потенциальные возможности человека как таковые, сверить свои взгляды на общение и принципы взаимодействия с людьми с теми, что поддерживаются в наших группах. А главное — еще раз задуматься о своем месте в этом мире и о своих **человеческих** силах, проявлениях и возможностях.

Как и в любом длительном и сложном групповом процессе — тем более связанном со здоровьем человека и преодолением им многих болезненных личностных проблем — в нашей работе много трудностей субъективного и объективного плана: далеко не все объяснимо и решаемо, но, как сказала мама одного подростка, побывавшая на наших занятиях, «у вас трудно, но не тяжело, потому что дружно и интересно». И результаты десятилетней работы убеждают, что смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии неисчерпаем, как и сама жизнь.

Литература

- Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1.
- Асеев В.Г.* Особенности структурного строения смысловой системы личности // Смысл жизни и акме: 10 лет поиска: Материалы VIII—X симпозиумов ПИ РАО. М.: Смысл, 2004.
- Бодалев А.А.* Смысл жизни и акме человека: соотношение «будничного» и «высшего Я» // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: Материалы I—II симпозиумов. М.: ПИ РАО, 1997. С. 29—32.
- Бодалев А.А., Ганжин В.Т., Деркач А.А.* Человек и цивилизация в зеркале акмеологии // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI—VII симпозиумов ПИ РАО / Под ред. А.А.Бодалева и др. М.; Самара: НТЦ, 2002. С. 13—42.
- Бодалев А.А., Рудкевич Л.А.* Как становятся великими или выдающимися? М.: Институт психотерапии, 2002.
- Бубер Мартин.* Проблема человека / Пер. с нем. К.: Ника-Центр; Вист-С, 1998.
- Карпова Н.Л.* Мотивационная включенность и динамика осознания жизненных смыслов в процессе социореабилитации // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: Материалы I—II симпозиумов ПИ РАО / Под ред. В.Э. Чудновского и др. М., 1997. С. 111—127.

Карпова Н.Л. О векторе и механизмах «смыслостроительства» в процессе социореабилитации // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III—V симпозиумов ПИ РАО / Под ред. В.Э. Чудновского и др. М.: Ось-89, 2001. С. 255—264.

Карпова Н.Л. Смысл жизни и акме в процессе социореабилитации // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI—VII симпозиумов ПИ РАО / Под ред. А.А.Бодалева и др. М.; Самара: НТЦ, 2002. С. 363—370.

Карпова Н.Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: МПСИ: «Флинта», 2003.

Мясищев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева / Вступ. статья А.А. Бодалева. М.: Изд-во «Институт практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.

Некрасова Ю.Б. Активная логопсихотерапия при восстановлении речи взрослых заикающихся при амбулаторных условиях // Расстройства речи и методы их устранения. М., 1975. С. 150—156.

Некрасова Ю.Б. Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся: Дис. в форме научн. докл. ... докт. психол. наук. М., 1992.

Пономаренко В.А. Размышления о здоровье (Круг чтения). М.: ИД «МАГИСТР-ПРЕСС», 2001.

Суворов А.В. Совместная педагогика: Курс лекций. М.: УРАО, 2001.

Фаулз Джон. Аристос: Философская эссеистика / Пер. с англ. Н. Роговской. СПб.: Симпозиум, 2003.

Франк С. Смысл жизни. 2-е изд. Брюссель: «Жизнь с Богом», 1992.

Чудновский В.Э. Смысл жизни как психологическая реальность // Психолого-педагогические и философские аспекты проблемы смысла жизни: Материалы I—II симпозиумов / Под ред. В.Э. Чудновского, А.А. Бодалева, Н.Л. Карповой. М.: ПИ РАО, 1997. С. 14—22.

Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба: Кн. для учителя. М.: Ось-89, 1997.

Чудновский В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни // Вопросы психологии. 2003. № 3.

Мордовцева Т.В., Кругликова А.Ю., Янченко И.В. ***(Таганрог)***

Полифония логопсихотерапевтического диалога и смысла жизни

Акмеологическая направленность современных исследований в области человекознания выявила важную проблему осмысленности и ценностной значимости жизни личности в различных ипостасях бытия: психической, социальной, культурной, исторической и пр. Проблема смысла жизни как критерия личностного развития отражает степень индивидуального участия человека в процессе «самотворения» (А.А. Бодалев); именно процесс достижения и реализации смысловых целей ставит эту проблему в ряд психологических. Вообще же тема самоопределения и ценности жизни является весьма характерной для русской религиозной философии, и в

работах Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и других философов она нашла свое оригинальное решение. Философия здесь определяет, скорее, феноменологическую и экзистенциальную суть, нежели служит реальным орудием (органом) практики достижения смысла. Роль философии заключается в гуманистической акции реабилитации жизни на фоне ее конечности — другими словами, она призвана избавить человека от чувства абсурдности и *ничто*нности существования. Несколько иные задачи стоят перед психологией, которая воздвигает на фундаменте философской рефлексии свое здание конкретных замыслов наиболее полного воплощения жизни, то есть достижения акме. Однако философия и психология одновременно исходят из принципа мотивационно-смысловых образований личности, которая, во-первых, должна хотеть быть личностью и находиться в процессе постоянного самосовершенствования, а во-вторых, стремиться к самореализации. По отношению к смысловому самоопределению это значит, что личность не только обладает пониманием смысла жизни, но и стремится к его воплощению.

Философской основой нашей работы служит мысль о том, что общение в форме диалога выступает важнейшим фактором становления и реализации жизненных ценностей и смыслов личности. Именно в диалоге личность обретает свое «Я», открытое «Другому», через которое происходит осознание себя как самостоятельной субстанции мысли, слова и дела. Диалогическое общение выступает «зеркалом», отражающим Я в оценках людей, а это значит, что личность обретает смысл жизни и реализует его в процессе взаимодействия с другими. Без диалога, скорее всего, не возникает даже потребности в смысловом самоопределении, ибо смысл рождает ответственность, то есть ответ другой личности на вопрос о том, что есть «мое Я». Обретение смысла как ответственности за собственное бытие перед другими людьми приводит к поиску адекватных способов реализации замысла жизни.

Способность к осмыслению себя, своей жизненной позиции и стратегии актуализируется в значимых для личности периодах жизни. Таким важным периодом для лиц с заиканием (логоневрозом) становится процесс социальной реабилитации по методу групповой семейной логопсихотерапии (Ю.Б. Некрасова — Н.Л. Карпова). Каждый участник логопсихотерапевтической группы оказывается перед выбором: остаться в плену привычного «ухода» от речевого контакта или приобрести новый опыт общения; спрятаться в безопасном мире наработанных психологических защит или рискнуть в пользу наработки стратегии собственного личностного роста; пребывать в покое или быть готовым к интенсивному приложению всех физических, психических и духовных сил. Пациенты, которые выбирают нелегкий путь излечения, преобразования собственной личности из ограниченной логоневрозом и неуверенной в себе в личность коммуникабельную, социально активную, независимо от конкретного содержания личностного смысла жизни становятся на путь достижения,

путь покорения вершины, возможно, самой первой в своей жизни. Подобное происходит и с родственниками заикающихся, которые активно участвуют в семейной логопсихотерапии на всех ее этапах.

Рассматривая логоневроз как модель нарушенного речевого общения, основную методологию его восстановления мы видим в организации полноценного диалогического общения, при котором становится возможным становление и развитие смысложизненных ориентаций всех участников «лечебного диалога». Следует учитывать, что нарушение общения при сложном речевом дефекте — логоневрозе — происходит на всех уровнях: коммуникативном, перцептивном, интерактивном. Во многом этому способствует предыдущее долгое и зачастую неэффективное лечение болезни. Фиксация на речевом дефекте, недостаточно развитые речевые и личностные притязания, потребности в самовыражении и самореализации — во многих случаях все это искажает ориентацию личности в окружающей среде, усложняет процесс развития личности как субъекта познания, общения, деятельности и тем самым ведет к утрате смысла жизни.

Характеризуя речевое поведение заикающихся, мы можем сказать, что им свойственны закрытость, доминирование (не видит и не слышит другого человека) или подчинение (не видит и не слышит себя). Обладая низкой коммуникативной компетенцией, наши пациенты часто подменяют потребность в диалогическом общении потребностью в монологической речи (исследования Л.М. Кроля, Е.В. Михайловой). Другими словами, нарушение общения при заикании обусловлено несформированностью или искаженностью диалоговых связей на внешнем и внутреннем уровнях. Заикание становится призмой, через которую человек, страдающий этим недугом, и его ближайшее окружение (родители, родственники) смотрят на мир и на себя. Заикание очень часто накладывает отрицательный отпечаток на личностные качества человека, во многом изменяет его «линию жизни», которая выстраивается в русле недуга (*Карпова*, 2002, с. 358).

На примере восстановления нарушенного речевого общения у пациентов, страдающих логоневрозом, мы можем проследить содержание, направленность, степень осознанности смысложизненных ориентаций и возможности их психологической коррекции в условиях логопсихотерапевтической группы. В исследовании мы опираемся на положение В.Э. Чудновского о том, что «смысл жизни — это не просто определенная идея, усвоенная или выработанная человеком, но особое психическое образование, которое имеет свою специфику возникновения, свои этапы становления и приобретает относительную устойчивость и независимость от породивших его условий» (*Чудновский*, 2002, с. 62). Однако в каком бы контексте мы не рассматривали эти условия (культурном, историческом, социальном и т.д.), смыслопорождающим центром внутри каждого из них является диалог.

Что следует понимать под диалогом? Для ответа на этот вопрос наиболее подходящей нам видится метафора полифонии, предложенная М.М. Бахтиным при исследовании текстов Ф.М. Достоевского. При полифонии в музыке голоса взаимодействуют, но при этом развиваются независимо, образуя «суперструктуру», обладающую своим собственным смыслом. Будучи разъятыми, голоса полифонии теряют смысл, но не теряют своего существования — их бытие независимо, но смысл они обретают только во взаимодействии. Методику семейной групповой логопсихотерапии мы рассматриваем именно как такую полифонию голосов, где «ты во мне, а я в тебе». В ней можно выделить ряд аспектов: разнообразие форм общения (формальное / неформальное, звучащая речь / внутренняя речь, говорит один / говорят двое / говорят многие / говорят все, непосредственное / опосредованное); разновозрастной и разноуровневый состав участников (встреча разных поколений, культур, вкусов, предпочтений, соприкоснувшихся друг с другом лишь определенными гранями), многообразие вносимых жизненных смыслов (принятие чужого личностного смысла, нахождение общих жизненных ориентаций).

Основываясь на принципе безоценочного доверительного диалога (А.А. Ухтомский, Т.А. Флоренская, А.А. Бодалев), мы считаем, что важнее всего развивать следующие способности и навыки:

- способность быть в общении субъектом и принимать другого как равного по значимости субъекта;

- способность не только сообщать другому свое понимание, но и мысленно сопоставлять свое мнение с мнением другого, видеть общее и различное;

- способность достигать баланса между самооценкой и оценками других;

- навыки конструктивного общения через овладение его техникой (визуальный контакт, выбор позы и позиции, организация контакта в пространстве, использование мимики как приема прочтения и трансляции эмоционального состояния себя и партнера и т.д.).

Работа в группе через тематику психотерапевтических бесед, через спонтанное общение в различных видах деятельности постоянно ставит перед каждым участником вопросы: «Что происходит со мной? Почему? Кто я? Какой я? К чему я стремлюсь? Что важно для меня? Как жить? Для чего? Как живу я?». Смыслопорождение диктуется этими вопросами, и особенно отчетливо это видно у подростков. В условиях разновозрастной группы через «овзросление» детского опыта происходит выявление и формирование первичных смысложизненных ориентаций (выбор профессии, расширение интересов, предпочтении видов деятельности, смысл которых — «я для других»). У других участников логопсихотерапевтического процесса отмечается повышение степени осознанности и устойчивости собственных жиз-

ненных смыслов при уточнении внутренней иерархии смысложизненных ориентаций.

Формирующийся смысл жизни определяет выбор тех жизненных задач, которые личность берется решать и в условиях группы, и в реальных жизненных ситуациях. Программа-минимум — ориентация на мотивацию избегания неудач. В процессе социореабилитации происходит — мы это наблюдаем постоянно — рост мотивации достижений, то есть смена ориентации на максимум. Стремление наших пациентов к коммуникативному совершенству можно выразить так: «говорить плохо мы не хотим, говорить как все мы не можем, нам остается говорить лучше всех». И неслучайно работа в группе ведется под лозунгами «Человек может все!», «Каждый заикающийся может и обязан стать оратором!». У наших выпускников, которые приходят на помощь новым участникам групп (мы называем это феноменом «стариковства»), линия жизни выстраивается совершенно по-иному: они выбирают пути профессиональных руководителей, переводчиков высокого уровня, артистов театра, а до этого становятся активными участниками школьного самоуправления; их родители тоже открывают в себе новые возможности и таланты, что способствует переходу на новый уровень и «внутрисемейного» диалога.

Таким образом, восстановленный внешний диалог инициирует изменения во внутреннем диалоге человека, а это, в свою очередь, выступает фактором первичного формирования и преобразования смысложизненных ориентаций. Смысл жизни, поднятый на новый уровень, словно «буферный механизм», словно «система сдержек и противовесов» (по *Чудновский, 2002*), блокирует возможность возврата речевых нарушений. Нахождение тождественности внутреннего и внешнего диалогов, достижение согласия и гармонии с самим собой и с миром — то есть «воссоздание целостности человека» — на наш взгляд, это и есть подлинный смысл жизни.

Литература

- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Наука, 1977.
- Дьяконов Г.В.* Экзистенциально-онтологическая концепция диалога // Материалы международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ». Р.-на-Дону: Изд-во РГУ, 2003.
- Карпова Н.Л.* Изменение смысложизненных ориентаций — изменение линии жизни // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI—VII симпозиумов ПИ РАО. М.; Самара: НТЦ, 2002.
- Чудновский В.Э.* Смысл жизни как единство теоретического и практического мышления // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI—VII симпозиумов ПИ РАО. М.; Самара: НТЦ, 2002.
- Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии. Автореф. дис. ... докт. психол. наук. М.: ПИ РАО, 1993.

Лотоцкая Ю.Ю. (Москва)

**Логопсихотерапевтическая группа:
акмеологический аспект***

Акмеологически ориентированная логопсихотерапия определяет направленность в создании оптимально благоприятных условий для развития личностного и субъектного потенциала участников социореабилитационного процесса. Данное утверждение основывается на выводах, сделанных нами в ходе пятилетней работы в группах семейной логопсихотерапии (рук. Н.Л. Карпова), самостоятельной организации и проведении занятий в двух группах в Новосибирске, а также в процессе индивидуальной работы с заикающимися подростками и взрослыми.

Полученные в ходе работы с заикающимися пациентами объективные диагностические данные (по тестам Рикса—Уэссмана, Тейлор, Айзенка, Розенцвейга, Томаса, Дембо—Рубинштейн, опроснику Некрасовой по исследованию мотивационно-потребностной сферы личности, по методике измерения ригидности, Торонтской алекситимической шкале, диагностике уровня субъективного контроля Роттера и др.), а также изучение семейной истории каждого из участников логопсихотерапевтического процесса позволяют нам говорить об общих тенденциях в развитии направленности личностных изменений заикающегося человека. Предыдущие и настоящие исследования по логопсихотерапии показывают, что к *общему* можно отнести такие личностные особенности большинства пациентов, как: высокая степень ригидности, истероидности, зависимости от мнения окружающих, неверие в свои психические, социальные (а порой — и физические) возможности, фиксация на своем речевом дефекте (проявляющемся в логофобии), стереотипность и ограниченность в выборе форм поведения и направленность на конечный результат при отсутствии интереса к самому процессу деятельности. Кроме того, было замечено, что большинство участников групп (и пациентов, и их родителей) не обладают «здоровой рефлексией», что проявляется в наличии патогенной направленности внимания на свою ущербность как субъекта межличностных отношений. Такие участники либо вовсе не могут рефлексировать, осознавать свои внутренние душевные процессы, либо обладают гиперрефлексией, что в конечном итоге также приводит их к интроспективному ступору и тормозит развитие самопознания (как в истории о сороконожке, задумавшейся о том, с какой ноги она ходит).

Учет возрастной специфики членов логопсихотерапевтических групп (заикающиеся от 8-и до 45-и лет и их родители и родственники от 2 до 79 лет), их общих и индивидуальных особенностей, а также понимание того, что в некоторых городах (Владивосток, Новосибирск), где проводились группы, нет опытных в данной методике специалистов,

*Работа выполнена в рамках конкурсной программы РГНФ № 02-06-0258а.

за квалифицированной помощью к которым можно было бы обратиться после занятий в случае рецидива заикания, указывают на важность акмеологически ориентированной работы с заикающимися. Такая направленность позволяет обозначить первоочередную задачу — выявить и установить *акмеологические механизмы логопсихотерапевтической группы как среды, аккумулирующей ресурсы личностной и субъектной самостоятельности ее членов*. Среди главных акмеологических механизмов мы выделили механизмы, которые условно можно назвать «рефлексивными», что означает в данном случае развитие здоровой рефлексии как особой склонности к размышлению над самим собой в процессе самопознания и саморазвития. Процесс такого самопознания включает, на наш взгляд, следующие важные составляющие: 1) осознание собственных проблем (и в первую очередь не речевых, а личностных); 2) определение зон ближайшего личностного и субъектного роста; 3) осознание путей решения своих проблем за счет экстерииоризации и актуализации собственных личностных и субъектных возможностей.

Часто сами пациенты и их родители не произносят слово «заикание», подменяя его словами «это», «речевая особенность», «недуг» и т.п. Такое отношение к «этому» означает для нас, прежде всего, что сам пациент и/или его родители не осознают до конца комплексности и глубины своих проблем, отрицая тем самым правду о реальном положении дел, (горькую) правду о самом себе (или о своем ребенке). В нашей практике даже имели место случаи, когда в конце работы с заикающимися, не замечая изумленных лиц своих детей, родители серьезно утверждали: «Мой сын таким и был» или недоуменно спрашивали: «А разве у него было заикание?». Порой и сами приходящие заниматься в группу считают, что если бы они не заикались («если бы не было этого»), то их жизнь стала бы другой и была бы намного счастливее, а наличие личностных проблем (описанных нами выше как общих в направленности развития личности заикающегося), которые в основном и препятствуют полноценной реализации себя в жизни, не замечаются ни пациентами, ни их родителями. На наш взгляд, осознание и проговаривание в группе своих речевых и личностных проблем означает знание правды о себе, указывает на то, что необходимо решить и к чему должен стремиться каждый член группы. Это также позволяет определить готовность, «настрой» и степень ответственности человека для совместного разрешения целого комплекса трудностей.

Знание правды о самом себе, разумеется, означает не только осознание своих проблем и степени неполноценности — оно ни в коей мере не исключает знаний о своих речевых и внутриличностных ресурсах. Выявленная нами направленность большинства заикающихся на конечный результат в ущерб интересу к самому процессу не является показателем отсутствия творческой составляющей в личности заикающегося. Так, уже на пропедевтическом этапе (особенно в том, что касается библиотера-

пии) можно заметить, что большинство будущих пациентов обладают неким потенциалом («объем» которого строго индивидуален) для личностного и субъектного развития, но зачастую он отражается только на листе бумаги, либо находится в зачаточном состоянии и пока не актуализирован. Понимание пациента — члена логопсихотерапевтической группы — как потенциально творческой личности и включение ее в «психотворческий» групповой процесс является одним из основных принципов методики, разработанной Ю.Б. Некрасовой на основе идей К.М. Дубровского, который подчеркивал, что «ключ» к свободе, к излечению лежит в самом человеке. Поэтому перед логопсихотерапевтом стоит сверхзадача: помочь пациенту не только найти свой собственный «ключ», «запустить» механизм движения к самоактуализации и самореализации личностно-субъектного потенциала, но и аккумулировать и использовать этот потенциал как в процессе занятий в группе, так и за ее пространственными и временными пределами.

Одним из способов решения этой задачи, на наш взгляд, является создание *оптимальных условий* для продвижения членов группы в личностно-субъектном развитии. Эти условия определяют динамику стратегии всего процесса логопсихотерапии: от более простых форм проявления творческого потенциала каждого к более сложным и многоуровневым.

К простым проявлениям мы относим, прежде всего, речевые и физические способности приходящего на занятия в группу, так как это — лежащая на поверхности данность, легко заметная как для терапевта, так и для пациента. Уже на сеансе эмоционально-стрессовой терапии — в самом начале группового процесса — почти каждый из присутствующих слышит свою «новую», красивую речь, а чуть позже в режиме особого произношения навык хорошей речи закрепляется. В начале группового процесса занятия строятся в основном на игровых, двигательных моментах (специально подобранные упражнения, помимо лечебной физической нагрузки, дают возможность снять хронические зажимы, имеющие невротическое происхождение (В. Райх), и наладить процесс глубокого дыхания), а, как известно, игровые моменты способствуют установлению среди играющих положительных межличностных взаимосвязей, которые затем экстраполируются на связи с другими людьми вне данной группы.

К сложным и многоуровневым проявлениям творческого потенциала мы относим такие проявления личности, когда пациент самостоятельно (без прямого вмешательства терапевта) выходит на творчество и сотворчество, когда он самостоятельно (как в группе, так и за ее пределами) начинает проявлять инициативу, не избегая решения сложных задач, встающих на его жизненном пути, используя свой внутренний (как психический, так и физический, речевой), потенциал, применяя знания, навыки и личный опыт, полученные в группе. Подчеркнем, что *уровень личностно-субъектной самостоятельности повышается за счет ее актуализации и реализации вовне (сначала в группе, а затем за*

ее пределами) и накопления нового лично-субъектного опыта. Таким образом, осознание и актуализация собственного лично-субъектного потенциала каждым членом группы становятся главными составляющими лично-субъектной самостоятельности, проявление которой способствует накоплению ее же ресурсов.

Понимание и достижение поставленной цели требуют от ведущего-логопсихотерапевта особого отношения к участникам терапевтического процесса, иной расстановки акцентов в работе «на выезде» в иногородних группах. Прежде всего сюда входят: 1) априорная вера логопсихотерапевта в лично-субъектные и речевые возможности каждого члена группы; 2) создание для продвижения членов группы в лично-субъектном развитии оптимальных условий, определяющих динамику стратегии всего процесса логопсихотерапии (от простого к сложному и глубинному); 3) гибкость в выборе стиля руководства (от авторитарного к либеральному).

Первое, на что следует обратить внимание логопсихотерапевта: приходящие за помощью заикающиеся люди, особенно те из них, кто уже неоднократно лечился в различных учреждениях, часто не верят в свои психические и речевые возможности. На первый взгляд такое положение дел может свидетельствовать о неразрешимости проблем заикания. По нашему мнению, такая установка неверна, так как само обращение пациента к специалистам-логопсихотерапевтам — уже надежда и первая составляющая его победы над недугом. Кроме того, создание оптимальных условий (о которых мы говорили выше) определяет динамику в стиле самого руководителя: от «авторитарного» в начале работы с группой (требование выполнения заданий, проведение сеанса эмоционально-стрессовой терапии, требование к поддержанию речевого режима и т.п.) через «демократический» к «либеральному» или «попустительскому». Такая динамика обусловлена тем, что в начале группового процесса необходимо строгое соблюдение психотерапевтических предписаний и речевых правил, что создает чувство безопасности и надежности — требовательность к пациентам становится в конечном счете продвижением к самовоспитанию, облегчающему отказ от стереотипных патогенных тенденций поведения. Далее, когда устанавливаются определенные групповые правила и увеличивается продолжительность психотерапевтических бесед (в ходе которых прорабатываются не только личные проблемы, но и формируется навык «правильной» речи), логопсихотерапевт лишь направляет дискуссию и поддерживает активность ее участников. К концу прохождения курса логопсихотерапии члены группы становятся более самостоятельными в лично-субъектных проявлениях, руководящая роль логопсихотерапевта отходит на второй план и заключается лишь в позитивном подкреплении этих проявлений или в тактичной их корректировке.

Таким образом, создание для продвижения членов группы в лично-субъектном развитии *оптимальных условий*, определяющих ди-

намику стратегии всего процесса логопсихотерапии (от более простых форм проявления творческого потенциала члена группы к более сложным и многоуровневым), позволяет каждому не только актуализировать собственные личностно-субъектные возможности и использовать их как в группе, так и за ее пределами, но и способствует накоплению этого потенциала и не дает этим ресурсам иссякнуть.

Шинкаренко Е.В. (Кировоград, Украина) **Обсуждение смысла жизни в процессе** **психокоррекционной работы**

В. Франкл считал, что в жизни не существует ситуаций, которые действительно были бы лишены смысла. Это можно объяснить следующим образом: стороны человеческого существования, которые представляются нам негативными, — в частности, трагическая триада, включающая в себя страдания, вину и смерть, — также могут быть превращены в нечто позитивное, в достижения, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой (Франкл, 1990, с. 41).

В кризисных ситуациях человек всегда стоит перед неосознаваемым выбором: принять данную ситуацию либо как исходную позицию для духовного саморазвития, либо как потерю смысла жизни с дальнейшим (моральным или физическим) уходом от действительности и замыканием на жалости к себе. Исходя из этой дилеммы, в процессе воспитания необходимо все больше внимания уделять формированию активности личности, с детства обучать творческому подходу к ситуации, прививать навыки управления своим эмоциональным состоянием. Нужно учить человека использовать внутренние резервы своей психики для духовного личностного развития. Путь духовного саморазвития человечество выработало достаточно много. Если человек осознанно подходит к решению такой задачи, как духовное саморазвитие, у него почти всегда есть возможность приемлемого выбора одного из таких путей для себя. В данной статье мы хотим уделить больше внимания рассмотрению причин возникновения и способам коррекции проблем межличностной коммуникации.

На практике нами установлено, что в подавляющем большинстве случаев потеря смысла жизни у человека связана с нарушением взаимоотношений с окружающими. Мы считаем, что корни проблемы взаимовосприятия и построения взаимоотношений между людьми стоит искать в особенностях отношения человека как к обществу в целом, так и к самому себе в частности, а это зависит от многих факторов становления личности, в том числе и от уровня ее самооценки. В отношении самооценки мы придерживаемся определения, данного в «Словаре практического психолога»: самооценка — это оценка личностью самой себя, своих возмож-

ностей, качеств и места среди других людей. Она принадлежит к ядру личности и является живым регулятором поведения. От нее зависят взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам (Словарь практического психолога, с. 583). На важность данного фактора указывает и то, что христианская религия весьма негативно оценивает такое человеческое качество, как гордыня (которая, по нашему мнению, очень тесно связана с неадекватной самооценкой). По Священному писанию, ни один человеческий недостаток не осуждается божьим судом так, как недостаток, имеемый гордыней (Нравственные богословия, с. 137).

Для того, чтобы иметь возможность целенаправленного влияния на вышеуказанный структурный элемент личности, необходимо установить механизмы происхождения и развития данного явления. Существует много факторов становления и развития самооценки, которые могут иметь уровневый характер, отличаться большей или меньшей адекватностью и т.д. Мы рассмотрим только некоторые из них, на наш взгляд, наиболее важные, с большой вероятностью благоприятствующие формированию личности с неадекватной самооценкой, что препятствует ее духовному развитию.

Корни подобной проблемы обычно находятся в детстве, когда маленький ребенок начинает познавать мир, учится общаться с окружающими его людьми. Человек устроен так, что не может выжить без себе подобных. Онтогенетически весьма логичным выглядит тот факт, что человеческий детеныш рождается беспомощным настолько, что не способен выжить без опеки извне. Но уже с первых дней и недель жизни маленький ребенок не просто выживает, а выживает, приспособившись к совершенно новой для него окружающей среде и обучаясь такому приспособлению. В этот период «научение», очевидно, происходит на уровне «стимул—реакция» и закрепляется в неосознанном ребенка. Если действия родителей по отношению к малышу носят хаотичный характер, то в конечном результате возможны, по крайней мере, два варианта: сформируется личность либо с достаточно гибким подходом к решению стоящих перед нею задач (но с большой вероятностью — не испытывающая особого доверия к окружающим), либо личность с аморфными проявлениями характера. Во втором случае личность может плохо осознавать границы дозволенного и недозволенного, теряться во взаимоотношениях с другими, создавать конфликтные ситуации (если ее агрессивность направлена вовне) или замыкаться, всячески уклоняться от конфликтных ситуаций (если ее агрессивность направлена внутрь нее самой). При этом человек плохо осознает, что проблема в нем самом. В ряде исследований показано, как и почему в нашем постсоветском обществе при общении достаточно часто срабатывает такой защитный механизм, как проекция, что, безусловно, мешает духовному развитию личности.

Одна из причин неадекватной реакции в общении может заключаться в том, что в условиях подобного воспитания ребенок не может определить, что «плохо», а что «хорошо» не только во внешней среде, но и определиться, насколько он сам «плох» или «хорош» с точки зрения общественных отношений. У него практически нет стабильной точки отсчета, нет базы определенных и неизменных ценностей — а это необходимо для самостоятельной коррекции самооценки на протяжении всего периода жизнедеятельности человека — отсюда трудности установления паритетных взаимоотношений в обществе и духовного саморазвития.

Формированию неадекватной самооценки благоприятствует и взаимодействие в семье: поскольку каждый человек подсознательно стремится к самозащите, приспосабливается к выживанию в тех или иных условиях, в детском возрасте он прежде всего старается получить признание родителей, присутствие которых часто является тем условием, которое гарантирует выживание. В зависимости от типа устанавливающихся взаимоотношений между ним и родителями каждый ребенок вырабатывает свой способ привлечения их внимания. Подобный тип взаимоотношений вырабатывается во многом спонтанно: изначально ребенок не знает, «что такое хорошо, а что такое плохо», — он просто что-то делает. В зависимости от его действия и его результатов, а также от ситуации следует определенная реакция окружающих. Родители и другие взрослые дают ту или иную оценку происходящему, чаще всего оценивая не поступки ребенка, а его самого. Поэтому, если одни поступки не вызывают ожидаемой реакции родителей и не привлекают их внимания, а на другие родители так или иначе реагируют, у ребенка закрепляется стремление совершать те поступки, на которые есть реакция родителей. Эта реакция не обязательно должна быть положительной — главное, что она есть. У ребенка закрепляется стереотип того или иного поведения как источника, дающего возможность получить внимание родителей. Таким образом происходит и формирование самооценки как фактора взаимоотношений с окружающими. Так, если родители уделяют мало внимания ребенку как личности, достойной этого внимания, его самооценка может быть как завышенной, так и заниженной. Завышенной она может быть в том случае, если ребенок во что бы то ни стало стремится доказать (в первую очередь) родителям, что он стоит их внимания, и ему это чаще всего удается. Победа, которая достается нелегко, придает ему значимость в собственных глазах, а от окружающих требуется соответствующее затраченным усилиям вознаграждение. Но вознаграждение поступает не всегда, и это вызывает обиду, высказать которую нельзя. Значит, нужна психологическая защита, которая нередко выражается в форме завышенной самооценки, но с неосознанной недооценкой себя как личности, по каким-то причинам не всегда принимаемой родителями, по отношению к которым формируется чувство обиды.

Если личность достаточно долгое время пребывает в такой ситуации, то у нее, с одной стороны, возникает привыкание к нажиму, с

другой — как защитная реакция — формируется неосознанный протест против угнетения. Однако такой протест не может вырваться наружу через сформированное обществом подчинение. Поэтому в личности срабатывают механизмы психологической защиты, которые, во-первых, проецируют ее собственные угнетенные чувства злости и протеста на другой объект, а во-вторых, усиленно ищут такой объект, на который можно было бы достаточно безопасно спроецировать собственные неосознанные желания и влечения. Поскольку такие процессы существуют вне времени, с расширением кругозора в качестве объектов для реализации неосознанных желаний могут выбираться как отдельно взятые личности, так и то или иное сообщество в целом.

Как указывалось выше, у личности в условиях недостаточного принятия ее родителями может сформироваться и заниженная самооценка. Один из способов защиты своего Я-образа состоит в нахождении подходящего оправдания собственной неудачи. Это оправдание может вначале быть вербализованным во взаимоотношениях с родителями. Но поскольку в ситуации невнимательного отношения к ребенку родители прореагируют на подобное оправдание крайне негативно, будут постоянно сравнивать ребенка с кем-то, либо просто говорить, что кто-то (имярек) очень хороший, либо реакция будет отсутствовать, — для сохранения своего «Я» ребенок тоже будет искать способ самозащиты. И тогда оправдание себя перейдет во внутренний план: «я такой хороший, а вы этого не замечаете, значит вы...», — и начнется навешивание ярлыков на тех, кто «не замечает». Во избежание дальнейших неудач часто происходит занижение уровня притязаний, что со стороны выглядит как заниженная самооценка. Здесь опять же велика вероятность формирования проекции как защитного механизма. Выбор объекта проекции будет происходить в достаточно широком диапазоне в соответствии с получаемой извне информацией. Ребенок в детстве на примере родителей (или одного из них) обучается модели общения, при которой самозащитой выступает и завышенная самооценка при взаимодействии с личностью, проявляющей чувство превосходства (причем данный подход тоже предполагает неприятие себя, исходя из родительской оценки), — чувство неполноценности, «вспоминающееся» в такой момент, требует возвышения своего «Я».

Личность познает себя в сравнении с другой личностью. Поэтому для того, чтобы удовлетворить возникшую потребность в самоуважении, ей необходимо не просто сравнить себя с кем-то, но и получить от этого сравнения удовольствие. Оно может рассматриваться как выигрыш, ради которого личность порой прибегает к искусственному унижению другого только ради получения положительных эмоций от того, что партнер по общению в данной ситуации будет испытывать чувство растерянности (а на самом деле — продолжаться неосознанное «соревнование» с родителями). Из опыта общения мы знаем, что все вышесказанное достаточно часто приводит к ответной демонстрации превосходства со стороны парт-

нера. Однако, получая удовольствие от соперничества, человек часто игнорирует неосознанное желание просто получить превосходство в подобной ситуации. В качестве партнера здесь может выступать как отдельная личность, так и некое сообщество или другая культурная среда, причем чаще всего человек обвиняет либо только себя, либо только других. Так срабатывают механизмы психологической защиты (находящиеся в области неосознанного), которые помогают избежать психологической травмы, связанной с нарушением самооценки.

Неосозанным, или системой неосознанного, мы считаем определенный уровень психических процессов, своеобразный резервуар иррациональных реакций и импульсов, биологических по своей природе. Это основа деятельности личности, психическая инстанция, которая руководствуется своими собственными законами, имеет свою структуру и специфические свойства. Поскольку в психике человека, по теории З. Фрейда, имеет место постоянный конфликт между уровнями личности («Super-Ego», «Ego», «Id»), для смягчения ситуаций напряжения и вины, вызванных таким конфликтом, психика выработала ряд защитных механизмов, призванных неосознанно подавлять или не допускать в сознание ту информацию, которая противоречит требованиям совести, определенных моральных качеств личности и может ее травмировать. Но неосознанное проявляется через рефлексy, инстинкты, обычные автоматизированные действия и определяет стремления, чувства и поступки, причины которых не осознаются; отсюда — ошибочные действия, выразительные движения, свободные ассоциации, сновидения, аффективные комплексы, невротические реакции.

Если говорят, что человек хорошо «психологически защищен», то имеют в виду, что его психика относительно быстро уравнивается, то есть приходит в состояние, близкое к своему условному среднему. Защита, которая используется по назначению, с соблюдением внешней оптимальности, и служит развитию и обучению применяющего ее человека, дает продуктивный результат и может быть оценена как положительная. Защита же, основанная на сильных моделях, которые включаются при первом удобном случае и тем самым блокируют возможность трансформации проблемы в задачу принятия более конструктивного варианта ее решения, может быть оценена как тормоз, или бег по кругу, а не по спирали. Показательны в этом отношении выраженность (сила) защиты, степень ее осознанности и объективности.

Для того, чтобы преодолеть сопротивление защитных механизмов, мешающих стабилизации психических процессов, — то есть дать личности возможность осознать свою психологическую защиту, что обычно способствует более объективному анализу потребностей и мотивов поведения, — существует много методик. Выбор той или иной методики зависит, с одной стороны, от типа личности клиента, его психологических особенностей, вида сопротивления и силы его проявления,

наличия чувства вины, степени ее проявления и т.д., а с другой — от психологических особенностей самого психотерапевта и от того, на какую психологическую систему он ориентирован.

В своей практике в качестве основной стратегии работы с клиентом мы используем логотерапию. Эта система тесно связана с ценностями отношений, с нахождением людьми смысла своего существования в ситуациях, представляющихся безысходными и бессмысленными. Мы пытаемся помочь человеку обрести утраченную личностную опору. Наш подход предусматривает, что личность терапевта должна быть главным инструментом, помогающим изменить личность клиента. В центре внимания находится сам процесс, а не содержание терапевтического вмешательства. Клиента побуждают измениться, копируя то, что есть процесс, а значит, терапевт использует и учит использовать первичное обсуждение этого процесса.

Для того, чтобы уменьшить сопротивление клиента изменениям в собственном поведении и принятию новых моделей общения с другими людьми, в соответствии с методиками Э. Эриксона, Д. Гордона, В. Сатир и др. во время проведения психотерапевтической консультации используются психотерапевтические метафоры как основной прием нашего метода. Источником для них служат любые выдуманные или соответствующие действительности истории, сказки, басни, поговорки, пословицы, поговорки и т.д.

При конструировании метафор важно учесть такие факторы:

1. Метафора должна помочь психотерапевту установить взаимоотношения с клиентом.

2. Истории должны быть безобидными, помогать клиенту свободно себя чувствовать в общении с терапевтом.

3. Метафоры должны быть индивидуально подобранными и целенаправленными.

4. Истории должны не отвлекать клиента от его симптомов, а помочь ему поверить в себя и, используя собственные потенциальные возможности, изменить себя, сформировать гибкое и творческое отношение к жизни.

5. Метафоры должны иметь многозначные ссылки, что облегчает их проникновение в неосознанное клиента.

6. Они должны служить не только для снижения сопротивления клиента, преодоления его скованности и комплексов, но и для неосознанного восприятия им программы изменений своего поведения, скрытой психотерапевтом в метафорах.

7. При выборе персонажей метафор не имеет значения, кто они, главное — как они взаимодействуют.

8. В метафоре должен быть описан персонаж, у которого есть понимание схемы ситуации, превращающейся в «проблему», и средства, с помощью которых эта проблема может быть понята. Должно быть по-

казано разрушение старых схем проблемы (персонаж, который это делает, — клиент с его проблемами) и т.д.

9. Метафоры должны подаваться ненавязчиво, незаметно для клиента.

10. Метафора должна совпадать с моделью мировосприятия клиента. Истории достигают наибольших результатов, если они индивидуально подобраны и направлены. Слушая их, клиент должен ощущать себя в своей обычной системе жизненных ценностей. Тогда ожидаемое улучшение совпадает с обычными поступками и представлениями самого клиента и будет восприниматься как их следствие. В человеке пробуждаются силы, способные его исцелить. Через предложенный опыт клиент учится одолевать свои комплексы и скованность, приобретая большую гибкость и волю в общении с окружающей средой.

Д. Гордон указывал, что с клиентами, которые ведут себя демонстративно (а это является скрытым предупреждением о том, что они будут нарочно или ненамеренно препятствовать осуществлению внутренних и пережитых изменений), возможно, целесообразнее применять скрытые метафоры. В принципе, любой человек, который обращается за помощью в изменениях, внутренне глубоко заинтересован в их реализации; тем не менее, некоторые люди могут быть заинтересованы и в получении удовлетворения от противодействия усилиям терапевта в содействии процессу их изменения.

В своей работе мы используем как специально подобранные и адаптированные блоки психотерапевтических метафор, так и отдельные слова-метафоры, помогающие личности не только самой эмоционально приспособиться к окружающей среде, но и конструктивно влиять на ее изменение. Примером такого использования речевых возможностей может послужить анализ работы с метафорой, состоящей из одной фразы. Установлено, что в таких случаях достаточно высока эффективность метафоры «Каждому свое — за свое и вовремя». Проверено, что она хорошо запоминается и в дальнейшем в большинстве случаев применяется в модели поведения личности. Эта фраза, если ее подать соответствующим образом, несет несколько посылок в неосознанное личности, например:

1) принуждает ощутить ответственность за собственные поступки, а не перекладывать ее на других (для тех, у кого довольно часто срабатывает такой механизм психологической защиты, как экстернализация);

2) демонстрирует ответственность других за ту ситуацию, которая сложилась на данный период определенного взаимодействия двух или нескольких субъектов (для тех, у кого довольно часто срабатывает такой механизм, как самоунижение);

3) указывает на то, что с течением времени количество перерастает в качество, а качество в количество и т.д.

В результате опроса установлено, что при проведении работы с метафорой через некоторый промежуток времени (у каждого личностно определенный) клиенты (как, впрочем, и студенты) обращают внимание не

только на внутреннее состояние своей психики, но и начинают лучше понимать причины собственных деструктивных отношений. Метафора, оставшись в подсознании, помогает направить умственную активность личности на анализ как своих поступков, так и поступков других людей. Если человек сопротивляется восприятию подобных образов, такой анализ действительности постепенно все же закрепляется в неосознанном. Клиент вспоминает если не всю фразу в целом, то какой-то ее элемент. Это подтверждают и наши студенты педуниверситета: меняется не только восприятие окружающей действительности, но и внутренний мир человека, то есть происходит постепенное осознание действительности с постоянным подключением для анализа все новых и новых явлений и факторов, почти в каждом случае неизбежно складывающихся в (разноуровневое для каждой личности) осознание систем устройства окружающего мира.

Литература

- Бендлер Р., Гриндер Дж., Сатир В.* Семейная терапия. Воронеж, 1993.
Гордон Д. Психотерапевтические метафоры в НЛП. Подольск, 1994.
Зарайский Д.А. Управление чужим поведением. Дубна, 1997.
Нравственное Богословие. Первые четыре заповѣди десятизакония, опредѣляющие отношения Бога къ человеку. Часть первая. Издание Свято-Успенско-Псково-Печерского монастыря, 1994.
Семинар с доктором медицины Милтоном Г. Эриксоном / Под ред. Дж.К. Зейга. М.: 1994.
Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск, 1998.
Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Ефимова О.И. (Ульяновск)

Аутоагрессивное поведение: особенности ценностно-смысловой сферы личности

Проблема смысла жизни является одной из традиционных проблем философии и теологии, а также художественной литературы и эстетики. В психологической науке последних лет можно отметить тенденцию повышения интереса к изучению различных аспектов ценностно-смысловой сферы личности. В.Э. Чудновский выдвигает идею возникновения смысла жизни в результате взаимодействия «внешнего» (социального) и «внутреннего» (биологического). Впоследствии, эмансипируясь от того и другого, смысл жизни начинает действовать как «буферный механизм», как «система сдержек и противовесов», не допускающих одностороннего подчинения «внешнему» и препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, своих непосредственных ситуационных интересов (*Чудновский, 1995*). Аналогичная идея высказывается Н.Л. Карповой и Ю.В. Александровой. Эти авторы подчеркивают существ-

ование трех сторон смысла жизни, или трех «дорог», на развилке которых находится человек при определении смысла своей жизни: одна из них ведет к телесному смыслу жизни, другая — к социальному, а третья — к духовному (Карпова, Александрова, 1998, с. 177).

Способность ценностно-смысловой структуры личности регулировать поведение человека заложена в самом определении ее феномена как «особым образом организованной совокупности смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающей смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» (Леонтьев, 1999, с. 154). Естественно, смысловой регуляции подвергается не только социальное поведение человека, но и его деструктивные проявления. Результаты ряда исследований девиантного поведения свидетельствуют об особенностях смысловой сферы девиантов — юношей и девушек, — которая характеризуется несформированностью системы собственных ценностей, что обуславливает «закрытость» для таких субъектов общечеловеческих ценностей и идеалов, приводит к сужению перспективы личностного развития. Социальные девианты в значительной большей степени воспринимают свою жизнь как лишённую интереса, смысла и перспектив. Цели в их жизни либо отсутствуют, либо набор их очень ограничен, поведение нередко носит ситуативно-обусловленный характер (Васильева, 1995). Например, при ранней алкоголизации ценностно-смысловые способы переживания и осмысления событий своего прошлого, настоящего и будущего, интеграция их в целостную картину жизни выступают как механизмы детерминации реального жизненного пути личности (Хомик, 1985).

Наш исследовательский интерес в большей степени концентрируется на изучении роли смысловой сферы в регуляции кризисных и посттравматических состояний личности. Д.А. Леонтьев, обобщая современные исследования по смысловой регуляции кризисных состояний, утверждает, что при переживании сложных жизненных ситуаций, «когда на первый план выступает драматическая смена или крушение смысловых ориентиров и всей направленности жизнедеятельности, возможность преодоления кризиса и восстановления нарушенной жизнедеятельности во многом определяется сохранностью или возможностью восстановления динамических механизмов смысловой регуляции и саморегуляции» (Леонтьев, 1999). Человек принимает решение о суицидальном способе разрешения ситуации тогда, когда его существование утрачивает смысл: «Истинное самоубийство предполагает жестокий поединок жизни и смерти, в котором терпит поражение все, что удерживало человека на этом свете» (Тихоненко, 1992, с. 19). Наряду с этим происходит и переоценка смерти, которая приобретает нравственный смысл и превращается в некую цель, к которой стремится человек. В своем знаменитом психологическом этюде Н. Бердяев писал: «Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды. Психология самоубийства есть прежде всего

психология безнадежности. Безнадежность же есть страшное сужение сознания, угасание для него всего богатства Божьего мира. Когда есть надежда, можно перенести самые страшные испытания и мучения, потеря же надежды склоняет к самоубийству» (*Бердяев, 1992*).

В этическом аспекте кризисные состояния можно охарактеризовать как «перекрытия» источников жизненного смысла: блокаду жизненных целей, представление о невозможности самоактуализации, разрыв между «должным» и «сущим», между собственной и окружающей жизнью (*Тихоненко, 1992*), вследствие чего «человек попадает в темные точки, из которых не может вырваться» (*Карандашов, 1999, С. 1*).

Проведенный обзор публикаций показывает недостаточную исследованность особенностей смысловых образований у лиц, проявляющих различные формы аутоагрессивного поведения при переживании жизненного кризиса. Это послужило основанием для проведения собственного эмпирического исследования смысложизненных ориентиров личности в кризисных ситуациях. Вместе с тем, данное исследование, осуществленное аспирантами Ульяновского госуниверситета Е.В. Козицкой и А.В. Бинеманом, стало частью многолетнего исследования социально-психологических и психологических факторов суицидального риска (научный руководитель О.И. Ефимова). В качестве методического инструментария были использованы: тест смысложизненных ориентаций (СЖО) в редакции Д.А. Леонтьева, методика «Ценностный спектр», метод мотивационной индукции (МИМ) Ж. Нюттена и методика ценностных ориентаций М. Рокича.

Результаты исследования смысложизненных ориентаций показали наличие у суицидентов более низких показателей осмысленности жизни по сравнению с людьми, не имеющими склонности к суицидальному разрешению жизненных кризисов. Такая низкая степень осмысленности жизни проявляется у суицидентов по-разному: у одних отсутствуют ясные, осознаваемые цели, которые могут придать жизни осмысленность, направленность и временную перспективу; другие низко оценивают саму свою жизнь, поскольку не воспринимают ее как наполненный смыслом процесс. Многие суициденты низко оценивают прожитую часть жизни, что проявляется у них в невысокой степени удовлетворенности самореализацией. И, наконец, у большей части людей, совершивших суицидальную попытку, наблюдаются низкие показатели локуса контроля, им присущ некий фатализм, то есть убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Результаты диагностики основной и контрольной групп с помощью методики «Ценностный спектр» свидетельствуют о существовании значимых различий в оценке испытуемыми таких категорий, как:

- необходимость жизни;
- необходимость смерти;

- необходимость человека;
- уникальность прошлого;
- смысл настоящего;
- полнота будущего;
- смысл будущего (уровень значимости $p < 0,05$);
- полнота жизни;
- уникальность жизни (уровень значимости $p < 0,05$).

Суициденты, в отличие от испытуемых контрольной группы, значительно чаще приписывают жизни такую характеристику (ценность), как необходимость (то есть некоторую вынужденность, обреченность), в то время как люди из контрольной группы, наоборот, чаще отмечают необходимость смерти. Мы предполагаем, что данные результаты иллюстрируют действие механизма инверсии отношения к жизни и смерти, а именно: у суицидентов наблюдается уменьшение «плюсов» жизни и возрастание «плюсов» смерти — смерть перестает пугать человека, а жизнь становится чем-то угрожающим, «необходимым», когда человек ощущает, что живет потому, что просто «надо жить» (даже если жизнь не доставляет ему радостей).

Результаты оценки полноты жизни показывают, что суициденты существенно реже оценивают жизнь как полную (заполненную интересными делами, «непустую»). Люди с аутоагрессивными тенденциями реже склонны считать свою жизнь чем-то особенным и уникальным. Об этом свидетельствуют значимые различия контрольной и экспериментальной групп в оценке уникальности жизни. Интересно отметить, что суициденты значительно чаще по сравнению с контрольной группой при оценке человека используют такие характеристики, как легкость, необходимость и простота. Таким образом, у людей с аутоагрессивными формами поведения наблюдается несколько упрощенное восприятие человека, которое сочетается с признанием некой обреченности, необходимости человеческого существования.

Особенности оценки временных категорий (прошлого, настоящего и будущего) у суицидентов проявляются в недооценке уникальности прошлого. Полученные результаты соответствуют данным теста СЖО, который показал преимущественно низкую степень удовлетворенности суицидентов самореализацией, то есть низкую оценку пройденного жизненного пути. Эти люди не видят смысла также и в настоящем, что, впрочем, может быть связано с последствиями суицидальной попытки и обусловлено нахождением в больнице. Работая с данной методикой, мы столкнулись с рядом нестандартных ответов. Так, например, мужчина 40 лет при оценке категории «жизнь» отказался от предложенных ему ценностей и использовал категорию «прошлое», пояснив, что «жизнь есть прошлое». При оценке категории «смерть» он использовал категории «настоящее» и «будущее», сказав, что «смерть есть настоящее и будущее», а при оценке категорий «настоящее» и «будущее» ответил: «Настоящего нет, будущего

нет». По сравнению с испытуемыми контрольной группы у суицидентов наблюдается слабая ориентация на будущее. Это проявляется в недооценке полноты будущего, его самодостаточности и смысла, что свидетельствует о несформированности, аморфности образа будущего, отсутствии реальных целей и планов. Эти данные соотносятся с низкими показателями по шкале «Цели в жизни» методики «Смысложизненные ориентации».

В результате обработки данных по методике «Ценностные ориентации» (с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена) была выявлена высокая положительная корреляция ($r = 0,82$) между терминальными и инструментальными ценностями суицидентов и людей контрольной группы (уровень значимости $p < 0,01$). Основные расхождения между иерархиями терминальных ценностей суицидентов и испытуемых контрольной группы приходятся на такие ценности, как «общественное признание» и «уверенность в себе». Так, суициденты более высоко по сравнению с людьми контрольной группы оценивают общественное признание и значительно ниже ценят уверенность в себе. Гипотетический психологический механизм связи данных эмпирических индикаторов с суицидальным выбором можно представить следующим образом: терпя неудачи в жизни, попадая в кризисные ситуации, когда велика вероятность получить низкую оценку в глазах других людей, человек, не будучи уверенным в своих возможностях конструктивными способами справиться с кризисом, выбирает единственный, на его взгляд, возможный выход — суицид. Данные результаты также являются косвенным подтверждением того, что суициденты придают большое значение сфере социальных контактов, часто «растворяясь» в ней, делая общение и взаимодействие с другими людьми (как правило, со значимыми другими) приоритетными в своей жизни. Если в сфере социальных контактов возникают какие-либо сложные ситуации, они настолько психологически поглощают человека, что он часто не видит другого варианта разрешения ситуации, кроме совершения суицида. По терминологии В. Франкла, человек попадает в «вакуум», не видя дальнейшего смысла своего существования. При этом возможны как демонстративные акты аутоагрессии, так и истинные самоубийства. Именно в этих случаях суицид носит «диалогический» характер и приобретает особый личностный смысл («крик о помощи», «месть» и т.п.).

Выявлены также значимые расхождения при определении важности таких инструментальных ценностей, как «аккуратность» (чистоплотность), «исполнительность», «ответственность» и «эффективность в делах». Суициденты среди ценностей человеческой жизни придают наибольшее значение аккуратности, исполнительности, значительно ниже по сравнению с контрольной группой оценивают ответственность и эффективность в делах. Из выявленных расхождений наибольший интерес для нас представляет отличие в оценке «эффективности в делах». Низкое значение, которое придают этой ценности суициденты, может служить еще одним

показателем того, что жизнь человека, выбирающего аутоагрессивные способы преодоления сложных ситуаций, не наполнена интересными, значимыми делами, которые способны придать жизни смысл и направленность. Как видим, это соотносится с низкими показателями по шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» и «Цели в жизни» методики «Смысложизненные ориентации», а также с низким баллом показателя L метода мотивационной индукции, свидетельствующего об отсутствии реальных, осознаваемых желаний и стремлений чем-либо обладать, что-либо приобрести.

Использование метода мотивационной индукции и анализ ответов испытуемых на незаконченные предложения (МИМ-мотивы) позволяет сравнить содержание мотивации людей контрольной и экспериментальной групп. Так, у суицидентов мотивы реже связаны с удовлетворением собственных потребностей («Я ничего не пожелал бы для себя»), чем у людей контрольной группы, что свидетельствует о низкой оценке своих возможностей, об отсутствии желаемых для достижения целей, а также о принижении роли самореализации и низком уровне личностных притязаний. На это указывает и тот факт, что суициденты, в отличие от людей, которым не свойственны аутоагрессивные формы поведения, при ответах на вопросы практически не использовали мотивы, связанные с желанием обладать чем-то, получить что-то конкретное, или мотивы, характеризующие направленность личности на интересный досуг, отдых, игру. В то же время в контрольной группе довольно большой процент ответов касался именно материальной стороны жизни («Я хочу выиграть много денег», «Я хочу новую квартиру», «Мне очень хотелось бы путешествовать»). Таким образом, сам процесс жизни представляется людям, склонным к проявлениям аутоагрессии, менее насыщенным, разносторонним и увлекательным. Реальные жизненные цели либо отсутствуют, либо не осознаются.

Была выявлена еще одна важная особенность ценностно-мотивационной сферы испытуемых экспериментальной группы. Ответы суицидентов на вопросы методики МИМ характеризуются меньшей вариативностью: часто отмечается заикливание человека на какой-либо одной области (на социальных контактах, практической деятельности, собственной личности), вызывая предположение о том, что какая-то ситуация именно в этой области явилась «источником» кризиса. Видение личностью в данной сфере ядра всей жизни, с которым связаны все ценностные представления, ожидания и смысловые аспекты, делает для нее возникшую кризисную ситуацию всеобъемлющей и не имеющей конструктивного выхода. При этом в оценке категории социальных контактов испытуемые экспериментальной группы чаще демонстрируют ожидание чего-либо от других. Приведенные результаты согласуются с данными, полученными по шкале «Управляемость жизни» теста смысложизненных ориентаций, об особенностях локуса контроля у суицидентов. Обращает на себя вни-

мание и несколько удивляет тот факт, что и в контрольной, и в экспериментальной группах малое количество ответов касалось области мотивации, связанной с религиозными и трансцендентальными ценностями.

Весьма эффективной в диагностическом плане оказалась работа по сопоставлению индивидуальных результатов испытуемого по всем использованным методикам. К примеру, выявленная у некоторых суицидентов устойчивая саморазрушающая установка («Я хочу, чтобы все закончилось», «Я боюсь, что буду жить слишком долго») часто согласуется с приписыванием этими же испытуемыми характеристики «завершенность» не только категории «смерть», но и категории «жизнь» в методике «Ценностный спектр». Замечена еще одна важная особенность: если человек раскаивается в совершенном суицидальном поступке и желает исправить ситуацию поиском другого пути выхода из кризиса, что выявляется с помощью ответов на вопросы МИМ («Я сожалею о том, что сделала с собой», «Я ничего не пожалел бы для того, чтобы исправить то, что сотворил»), а также если он осознает, что в жизни все же имеются важные цели («Я буду очень счастлив, если достигну своей цели»), — суицидент, как правило, при оценке категорий методики «Ценностный спектр» приписывает категории «смерть» малое количество ценностей, часто ограничиваясь характеристикой «завершенность», тем самым как бы отвергая другие смысловые составляющие смерти. Примечательно и то, что испытуемые, отвечая на вопросы методики «МИМ-мотивы», высказывают желание как можно скорее забыть прошлое («Моя большая надежда — забыть прошлое») и в «Ценностном спектре» не приписывают ни одной ценности категории «прошлое», что может быть связано с переоценкой совершенных ими поступков и желанием каким-либо образом исправить ситуацию. Напротив, в случаях истинных суицидов, когда у человека сохраняются устойчивые аутоагрессивные тенденции, категории «смерть» приписывается множество характеристик, в том числе позитивных («добро», «красота», «жизненность», «смысл»), а категории «жизнь», напротив, дается характеристика «завершенность». В этом случае можно сделать вывод о том, что человек, не найдя смысла в жизни, ищет его в смерти, приписывая ей все «жизненные» ценности. Смерть становится чем-то привлекательным, порой являющим собой единственный выход из тяжелых жизненных ситуаций.

Все полученные результаты логически согласуются между собой и в целом свидетельствуют о наличии особенностей в ценностно-смысловой сфере суицидента. Заметим, что, с одной стороны, эти особенности являются пусковым механизмом суицида, способствуя выбору акта аутоагрессии в качестве способа выхода из кризиса. С другой стороны, знание этих особенностей раскрывает большие возможности их использования в программе социально-психологической реабилитации, в разработке методов смысловой терапии кризисных состояний.

Литература

Бердяев Н.А. О самоубийстве. М., 1992.

Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1995.

Карандашов В. Жить без страха смерти. М.: Смысл; Академический проект, 1999.

Карпова Н.Л., Александрова Ю.В. III Симпозиум «Психологические аспекты смысла жизни» // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 173—179.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.

Тихоненко В.А. Жизненный смысл выбора смерти // Человек. 1992. № 6. С. 19—29.

Чудновский В.Э. Психологические проблемы смысла жизни // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 147—150.

Хомик В.С. Деформация субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.

Филиппова Е.В. (Армавир)

Эмоциональное в эффективной регуляции произвольной активности

Развитие теоретических проблем смысла жизни и акме многопланово и разносторонне. Неоднократно подчеркивалась необходимость «заземлить» эту проблематику и рассмотреть ее в свете насущных задач человеческой практики (А.А. Бодалев, В.Э. Чудновский).

Акме — базовая категория науки акмеологии, вбирающая в себя физические, социальные, нравственные, профессиональные, ментальные и многие другие высшие достижения в развитии человека. А.А. Бодалев выделяет следующие акмеологические черты, свойственные российскому менталитету: с одной стороны, *стратегия построения жизни; власть над собой, предполагающая постоянное движение к осуществлению новых, более трудных, чем прежде, замыслов; предельная самоотдача, мобилизация на преодоление трудностей*, а с другой — *активное отображение действительности с прогнозированием последствий своих поступков, стремление к объективности и способность к принятию решения, вне зависимости от мнения окружающих*. Мы намеренно сгруппировали признаки акме таким образом, чтобы сначала подчеркнуть собственную активность человека, а затем показать, что и отображение «мира» приобретает при этом новую окраску. Естественно, что данная категория все время пополняется новыми значениями.

Разработке эффективных стратегий деятельности, успешному решению текущих задач и в результате — достижению и сохранению акме — могут способствовать осмысленное знание о возможностях саморегуляции и накапливаемый человеком регуляторный опыт (*Осницкий*, 1981, 2001). В рамках концепции осознанной саморегуляции дея-

тельности, разработанной в Психологическом институте РАО О.А. Конопкиным (1978), сотрудниками его лаборатории (Ю.С. Жуйковым, И.И. Кондратьевой, Н.Ф. Кругловой, В.И. Моросановой, А.К. Осницким, Н.О. Сипачевым, В.И. Степанским) были раскрыты основные механизмы саморегуляции деятельности, прослежены связи системы саморегуляции с личностными особенностями и эффективностью деятельности человека. Также было выявлено, что эффективная деятельность, эффективное использование знаний и умений требуют от человека сформированности психологических механизмов саморегуляции и самоуправления.

Человеку, живущему в современных условиях развития общества и научно-технического прогресса, наряду с недостаточной эффективностью деятельности свойственна и дезинтеграция эмоциональной жизни: высшие эмоции не вполне сформированы и организованы. Наиболее остро это проявляется в различных стрессовых ситуациях, в малой продуктивности деятельности, «аффектах неадекватности» и соответствующих им формах поведения — в растерянности, упрямстве, негативизме, раздражительности, заторможенности и т.д. Нередко дезинтеграцию деятельности объясняют именно недостаточной сформированностью эмоциональной сферы личности. Но только ли в этом причина наблюдаемых нарушений в деятельности и, как следствие, снижения ее эффективности? Этот и многие другие вопросы, связанные с эмоциональными процессами, побудили нас к исследованию взаимосвязи эмоциональных проявлений с осознанной саморегуляцией деятельности.

Эмоции объективно занимают центральное место в системе регуляции человеком своих психических состояний и процессов. Ничто так сильно не изменяет характер протекания того или иного психического процесса, не оказывает такого сильного влияния на природу личностных и поведенческих детерминант, как эмоции. На наш взгляд, эмоциональный аспект саморегуляции связан с определением цели деятельности, которое приводит О.А. Конопкин: «Именно цель деятельности — в том ее виде, как она *понята и принята* субъектом, — определяет не только общую осознаваемую направленность деятельности, но и многие особенности отношения человека к разным моментам процесса саморегуляции». Заметим, что понимание и принятие цели не являются «чисто» рациональными процессами: поставленная цель и всякое задание могут быть переформулированы человеком в более близких ему понятиях и представлениях. Важнейшая образующая этого процесса — эмоция; это мнение разделяют многие психологи (Л.М. Аболин, Б.И. Додонов и др.).

А.К. Осницкий отмечает необходимость пересмотра отношения к цели (как осознанию необходимости осуществления некоторого преобразования) и фиксирует внимание на том, что побудительный характер цель приобретает лишь при условии наличия, хотя бы в эскиз-

ном виде, представлений человека о модели условий, программе действий, оценке результатов и их коррекции. В своих последних работах он подчеркивает, что специфическими признаками цели являются осознанность, направленность и технологичность (что в совокупности и определяет субъектность цели, то есть ее соотнесенность с авторской активностью человека). Анализируя механизмы осознанной саморегуляции, он отмечает их тесную связь с непосредственно-чувственным опытом, способствующим субъективации моментов саморегуляции, и, в частности, с логикой развития эмоциональной сферы человека. Особый акцент делается на значении *эмоциональной оценки в контексте саморегуляции произвольной активности*.

Эмоция является своеобразным мостиком между восприятием и последующим действием. Именно эмоциональное отношение во многом определяет силу, детализацию, пристрастность последующих действий человека. В то же время малоисследованной является область взаимодействия эмоциональной и рациональной составляющих в контексте саморегуляции произвольной активности при осуществлении человеком той или иной деятельности, при решении той или иной задачи. Эмоциональная составляющая в системе активности человека фиксирует общебиологическую и психическую (в меру ее культурной опосредствованности) реакцию человека на значимые события в процессе организации, регуляции и осуществления деятельности. Эта реакция характеризуется такими показателями, как степень возбуждения (или мобилизации), знак направленности, личностный смысл (содержание), и в силу их наличия — влиянием на последующее поведение человека со своей долей участия в регуляции деятельности. Согласование эмоционального сопровождения активности в общем контексте саморегуляции деятельности и поведения способствует адекватной мобилизации усилий и с точки зрения аффективных затрат, и с точки зрения организации деятельности, и с точки зрения организации отношений с окружающими людьми.

В условиях современного общества нередко необходимы особенно четкий самоконтроль и высокое самообладание. Неумение регулировать психические состояния, управлять своим поведением и эмоциями часто приводит к отрицательным ситуационным последствиям и становится серьезной помехой в реализации жизненного потенциала. Поэтому вопрос о специальных исследованиях в этой области имеет большое социальное и моральное значение.

РАЗДЕЛ VI. СМЫСЛ ЖИЗНИ И АКМЕ — ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

Протоиерей Владимир Архипов
(с. Новая Деревня, Московская область)

В поисках смысла жизни

Постичь совершенство дано только тем,
которые к нему стремятся
с единой целью приобщиться к нему.

П.Я. Чаадаев

Почему так много бессмысленности в мире, где царствует «венец творения» — человек? Почему он так часто использует великие дары — быть образом и подобием Творца, мыслить, творить, «наполнять землю и обладать ею» — не для сотворчества с Богом, а для противодействия Ему как смыслу всего бытия? Отчего в сознании и в головах большинства современных людей не возникает вопрос: «Зачем я живу на земле, каковы цель и смысл моего присутствия в этом мире?» Как выполнить свое предназначение и обрести счастье в этом бурлящем потоке добра и зла, страдания и красоты, несправедливости и смерти? Почему же не буравит этот вопрос нашу самоуверенную и робкую голову с той остротой, которая толкает человека на поиск Истины?

Падающие изящные снежинки не отдают себе отчет в том, что, собравшись вместе, они понесутся чудовищной лавиной на горную деревушку. И семейство «мудрых» бобров не откажется от ежедневных трудовых будней, чтобы, созерцая красоту и суровость природы, создать поэму о любви к родным озерам. Перед ними не стоит такая задача.

Но человек не снежинка, не болотная трава и не бобер. Он должен знать, зачем живет. Истинный ответ на этот вопрос, который надлежит ставить прежде всего перед самим собой, только один. Его нужно неустанно обсуждать со всеми, кто о нем что-нибудь знает, искать до тех пор, пока мятущаяся душа не поймет и не примет его как сокровище. Известно, как часто (особенно в немощи и старости) посещают человека «необъяснимые»: тоска, недовольство собой (или пустое самодовольство), апатия, уныние, опустошенность, потеря интереса к самой жизни. А это значит, что рядом ходят вспышки гнева или приступы необъяснимого раздражения, озлобления и осуждения всех и вся, внутренняя закрытость. В юности эти состояния сильно разбавлены и сглажены обильным потоком развлечений, простых положительных эмоций, неуправляемой вулканической энергией. И поэтому в юности задумываться о смысле жизни еще некогда, а в старости — уже некогда.

Конечно, основная часть людей стихийно или осознанно, более или менее настойчиво преследует определенную цель (ею могут быть деньги, власть, слава, семейный очаг, наслаждения, наука, творчество, спорт и т.п.), в чем и находит на какое-то время интерес, азарт, удовлетворение, смысл. Но достаточно ли этого такому созданию, как человек? Только ли на это и подобное рассчитан он, или на нечто большее?

Размышляя о том, стоит ли писать данные заметки, я столкнулся с тремя удивительно похожими друг на друга реальными эпизодами. Это были: дебаты депутатов по телевидению, разговор «интеллигентов от бизнеса» в офисе и общение студентов в больнице. В соответствии со стереотипом следовало ожидать, что интеллектуальный уровень людей окажется не самым низким, однако будет иметь место довольно большой разброс по статусу, опыту, претензиям. Но насколько оказались схожими (как три экземпляра одной детали на конвейере) желания, стремления, эмоции, критерии успеха! Как будто царствуют в человеческом организме только три центра управления — пищеварительный, сексуальный и агрессивный. Тождественность социальных срезов дает острый сюжет для трагикомедии в духе М. Салтыкова-Щедрина или А. Платонова. Глубина интересов и радостей неправдоподобно мала. Тема разговоров, жизненных историй, шуток — одна-единственная. Язык — сплошные общие слова. В конце концов, все сводится к одному: как было замечательно в то недавнее советское время получать надежную пайку, пусть маленькую, почти что эковскую, но зато надежную и внушающую уверенность в завтрашнем дне. А всякие там свободы и духовности — подрывная работа ЦРУ. Можно сказать, генеральное направление всех душевных и физических сил большинства из нас — окунуться с головой и существовать в глубине тех искушений, которые отверг Иисус в пустыне.

И захотелось вновь понять, существует ли смысл жизни как замысел, к исполнению которого необходимо стремиться, или только как тема для проповедей и семинаров; почему он трудно уловим и так легко ускользает от внимания людей. П.Я. Чаадаев объяснял это так: «Болезнь одна лишь заразительна, здоровье — нет. То же самое с заблуждением и истиной. Вот почему заблуждение распространяется быстро, а истина медленно».

Общезвестны исторические примеры, когда люди, одержимые властолюбием и манией величия, забираются на Олимп и становятся деспотами всех времен и народов. Охваченные наркотическим стремлением господствовать над людьми, они увлекают за собой огромные потоки серой массы, которые покорно позволяют своим вождям пользоваться неограниченной властью. Но неизбежно, рано или поздно, создание, взлетевшее к небесам и поначалу соперничающее с ними, стремительно полетит в бездну, создавая тектонические сдвиги уже в мировом масштабе. Подобные подмены истинного смысла жизни погоней за миржом наиболее заметны в политике, ибо касаются миллионов людей. Подмена приводит к трагическому изменению человеческого

сознания. Человек уже не способен отличить правду ото лжи, не способен понять, где искушение, а где желанный выбор, и становится похож на камикадзе, который выбирает самоуничтожение.

Что же может помочь найти выход из столь печального положения? Я думаю, пример тех, кто является маяком, спасательным кругом, несокрушимой скалой и столпом света, к кому стекаются потоки ищущих людей.

Мне хочется вспомнить здесь отца Александра Меня. Находясь рядом с ним (при жизни или сегодня через книги и проповеди), можно понять, что значит настоящий смысл жизни, отбрасывающий свой свет даже на такую бессмыслицу, как смерть. С точки зрения обыденного сознания, дебет его жизни во многом не соответствует кредиту. Он обладал таким количеством творческих способностей, что их хватило бы на нескольких человек и позволило бы им стать преуспевающими. Музыкальный слух, приятный голос, поэтический дар, любовь к природе и людям могли бы сделать его первоклассным бардом или поэтом. Удивительно выразительная, красивая внешность — лоб Сократа и светящиеся глаза, — талант чтеца и богатейшая душевная энергия могли обеспечить ему яркую карьеру выдающегося артиста. Смелая и деликатная рука, дар видеть в обилии факторов главное и умение скупыми средствами графически выражать суть явления могли бы сделать из него заметного художника. Его голова, непрестанно генерирующая потоки творческих идей в различных сферах человеческой деятельности, — не прожектерских, а вполне конкретных и реализуемых, — вобрала в себя уникальные энциклопедические знания многих веков, культур и народов. Поистине титаническая работоспособность человека, бесконечно любящего сам процесс труда и не потерявшего на пустые разговоры, мечтательность, сетования, осуждение или зависть ни минуты из отведенного ему времени, обеспечили бы ему успех в любой области — будь он бизнесменом, политиком, ученым или врачом.

Был он, фактически, и талантливым режиссером, оператором, сценаристом, биологом, психологом, дипломатом, археологом, кулинаром. Казалось, какую профессию ни назови, он мог везде преуспеть, достичь высот, совершить открытия и быть лидером по существу. И вполне вероятно, что приобрел бы известность, славу, деньги, власть — все, к чему обычно стремится человек и ради чего тратит все свои интеллектуальные, душевные, нравственные и физические ресурсы. Отец Александр не сомневался, что его таланты, в буквальном смысле, — дары свыше. Но не те пылящиеся и бессмысленные символы «щедрости» дарителей, проявляемой в юбилеи, а истинно евангельские таланты, которые должны быть пущены в прибыльное дело. И только в случае «целевого» их использования — для развития и прославления замысла Дарителя (то есть в согласии с духом и природой Источника даров и самих даров) — достигается желанный и должный результат. Поняв это, а скорее, родившись с понима-

нием этого, он вдохновенно и безостановочно себя тратил. И не только по горизонтали (проявляя обыкновенную доброту и отзывчивость), но прежде всего по вертикали — в преданности и благодарности к Первопричине всего сущего. При таком подходе и сбывался закон миропорядка — «ибо всякому имеющему дастся и приумножится...» (Мф. 25:29); «...давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною...» (Лк. 6:38). В этом убеждались и он сам, и все, имевшие возможность наблюдать его и быть рядом с ним.

Чем больше о. Александр отдавал себя, чем больше отказывался от служения и прибыли себе, тем глубже становились его духовные дары, тем больше у него появлялось сил противостоять царящим в материальном мире злу и бессмыслице. Что же он получал в ответ от мира, которому старался быть всемерно полезным? За редким исключением — настояженность, неприятие от собратьев по духовному цеху, неблагодарность. Книжки не издавались, лекции, беседы, встречи — запрещались. Одиночество, клевета, непонимание. В итоге — смерть от руки наемника. Сегодня мы, конечно, понимаем, насколько велик смысл жизни этого человека, видим его всемирную известность и славу. Но ведь важно то, как сам человек шел к этому смыслу, преодолевая искушения и сомнения, сохраняя верность своему выбору. Тот, кто захочет всмотреться в пройденный отцом Александром путь (можно сказать, — в его судьбу), чтобы нечто уяснить в проблеме смысла жизни, должен принимать во внимание следующее: Александр Мень открывал свой опыт понимания жизни, а не предлагал неопробованные постулаты. Он жил так, как говорил. Звал к свободе духа и ценил свободу как таковую. Он говорил о поиске «единого на потребу», неизменно сам это первостепенное выбирал и держался его. Постоянно напоминал, что человек — это прежде всего существо неба и духа, и сам был таким. Говорил о недопустимости духовной теплохладности и лени, о стремлении к душевной юности, динамичности, горению духа. И вся его жизнь была постоянным восхождением к вершинам духа. Он говорил о посвященности человека славе Любви и Разума и стал примером незатухающего творчества, неподдельной любви и глубокой мудрости.

Судьба таких людей может побудить нас к поискам настоящей цели своего бытия. Можно уже не только определить ее с помощью умственных выкладок, но найти ее в убедительном опыте таких людей, как отец Александр, для которых сутью жизни стал принцип «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом Божиим» (Лк. 4:4). Такая установка не обещает беззаботного и счастливого существования по меркам мира сего. Более того, Создатель этого закона предупреждает: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь, Я победил мир» (Ин. 16:33); «...если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15:20). Самим поверить и проверить страшно. Вместе с апостолом Петром можно было бы спросить Христа: «Вот мы оставили все и последовали за Тобой, что же будет нам?» (Мф. 19:27). В ответ — казалось бы, странное обещание: «...когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сяде-

те и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28). По сути, это означает обретение мудрости, глубины любви, ответственности, доверия, сотрудничества с Богом.

Хотелось бы сопоставить психологические мотивы нахождения в «поле смысла» и в «поле бессмыслицы» следующим образом:

Поле смысла	Поле бессмыслицы
Условием и средой обретения является духовная жизнь.	Фундаментом является главенство и торжество плоти.
Необходимым понятием и ориентацией является Вечность.	Высшей целью является успех на земном, преходящем уровне.
Установка на познание себя, принятие себя, борьбу внутри себя.	Бегство от себя, рабство своему «хочу», отказ от любой аскезы.
Готовность на любую жертву ради свободы и верности духовному началу.	Жертвование всем высшим (верой, свободой, совестью, честью) ради хлеба, власти, славы.
Стремление жить в соответствии с обретенным смыслом, борьба за верность ему, за углубление его.	Обоснование своей позиции философией потребления; полное отрицание духа.
Динамика восхождения и развития; готовность слышать, размышлять, творить.	Стагнация, оправдание всех низменных мотивов. Консервативность. Жесткость.
Постоянный поиск истины.	Пассивность, апатия, косность.
Радость и благодарность как состояние, интерес к каждому мгновению, внутренняя свобода.	Поверхностная веселость и легковесность, либо давящая тяжесть и глубинная апатия.
Правдивость и достоверность перед самим собой.	Внутренняя запутанность и лукавство перед самим собой.
Самоотречение, жизнь для других.	Жизнь для себя с использованием для этого любых средств.

Приведенное приблизительное сравнение психологии смысла и бессмыслицы дало мне самому несколько ответов на вопрос о смысле жизни и возможность перепроверить его истинность. Итоги размышлений изложены ниже:

Во-первых, смысл жизни можно искать и обрести только в среде духовных понятий и реалий, главное место среди которых занимает

Вечность — не как бесконечная продолжительность времени, а как его отсутствие, становящееся возможным благодаря воссоединению с высшей Любовью как Началом мироздания. Соответственно, вне Творца, вне Божественной среды найти полноту смысла невозможно, ибо все понятия и ориентиры искажены, иногда до своей противоположности.

Во-вторых, пробуждение и развитие в себе духовного начала означает не вступление в жесткую систему религиозных понятий, а преодоление рабской зависимости от телесно-эмоциональных потребностей в пользу высших, нетленных достоинств души человека, как-то: свободы, любви, творчества в привязке не к земным целям славы, корысти, эгоизма, а к небесным — к желанию прославить не себя, а Бога.

В-третьих, смысл проявляется только в борьбе за него с тянущей вниз бессмыслицей, узурпирующей все права. За смысл необходимо приносить себя в жертву для обретения вечной жизни. Бессмыслица приходит и навязывает себя сама. Смысл мы выбираем и каждое мгновение подтверждаем его внутренним усилием. Бессмыслица выбирает нас и не отпускает, выдавая себя за благоразумие, логику, очевидность.

В-четвертых, смысл жизни обретается в ежеминутном противостоянии внутреннему злу, в согласии считать себя творением Божиим, в готовности познать и исполнить Его замысел. Русский богослов М. Тареев считал, что смысл жизни — не в счастье и не в совершенстве, а в том, чтобы в уничижении и безвидности, среди позора и страдания являть собой Слово Божие.

В-пятых, если Вселенная — не случайное образование материи, то с необходимостью должна присутствовать идея, замысел этого образования. И важно действовать в согласии с этой идеей, а не в противовес ей.

В-шестых, для нас безразлично, как достичь радости самоотдачи, самоотречения, самозабвения, служения, жертвования, умирания ради высшего. Разве комсомольцы 20-х годов жили не так? Да, такова была их жизнь, но цель была ложная.

Критериями найденного истинного смысла жизни являются не слава, не власть, не признание, а внутренний мир, безусловная любовь, свободное предание себя воле Творца, тихая, не уходящая радость и благодарность за все, верность себе.

Примем в себя слова Христа: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8:35).

Протоиерей Владимир Архипов
(с. Новая Деревня, Московская область)
Жизненный путь отца Александра Меня

По плодам их узнаете их,
Собирают ли с терновника виноград,
Или с репейника смоквы?
Не может дерево доброе приносить плоды худые,
Ни дерево худое приносить плоды добрые.

(Мф. 7, 16-18)

Большинство людей на земле хотели бы для себя и для своих детей счастливой жизни. Каждый рассуждает и мечтает о счастье по-своему, но лишь немногие достигают его, немногие могут назвать себя счастливыми, и уж совсем единицы способны научить истинному счастью. Но когда мы встречаем человека, на котором лежит печать неподдельного счастья, мира и внутренней красоты, невольно возникает ощущение, что ему открыта Истина с большой буквы. Она непреодолимо влечет к человеку, вызывая желание узнать его как можно ближе и научиться от него мудрым законам жизни. Для этого нет лучшего пути, чем быть с ним рядом, слышать и видеть его, общаться и работать с ним, любить его. Но очень редко мы можем разглядеть величие человека при его жизни, даже если он жил на одной улице с нами. Пока человек существует, современникам трудно оценить его величие и понять, кто рядом с ними. Смерть и время изменяют масштаб всего происходящего. Умершее семя начинает приносить плод. Если только после смерти человек привлек ваше внимание своей жизнью, то лучший способ узнать его и научиться чему-либо на его примере — это личное и обязательно честное изучение того, что он успел сделать за свою жизнь.

Строитель может успеть построить дом, в котором либо живут, либо мучаются; городской глава может благоустроить город либо привести его к запустению; изготовитель автомобилей может заслужить от водителя слова проклятия либо благодарности.

Дело священника — свидетельствовать своими жизнью и словом о Божьей Истине, о любви к Богу и к людям, о спасении через Иисуса Христа. Поэтому, чтобы правильно понять священника, нужно научиться отличать: истину от фальши, дух свободы от буквы закона, любовь от поучений о любви, служение божьей правде от угождения человеку. Священник служит Богу, Церкви и людям, он — проводник к спасению, поэтому так важно, кого верующий избирает себе в проводники. Понять, каков был или есть священник, каждый человек может только сам, стремясь при этом к правде и к Богу, а не идя на поводу чужого мнения. Истина открывается тому, кто ее честно ищет, кто открыт ей всей широтой своего сердца. И тогда сам Бог открывается нам через обстоятельства жизни, через природу и уж тем более через

людей. Если же искать истину «по своей мерке», в соответствии со своими партийными интересами, для оправдания национальных или идеологических амбиций, то сердце человека заполнится не Богом-Истиной, а идолом его собственного горделивого «Я».

Летом 1970 года в Сретенской церкви села Новая Деревня появился новый священник, которому незадолго до этого исполнилось 35 лет, — отец Александр Мень. Ранее он служил 12 лет в различных местах Подмосковья: Одинцово, Алабино, Черкизово. Жил он к этому времени рядом с Троице-Сергиевой Лаврой в поселке Семхоз. Хотя семья его была коренная московская, судьба ее оказалась тесно связанной с родиной преподобного Сергия Радонежского. Жизнь в Загорске во время войны, духовное окормление матери и тети о. Александра у архимандрита Серафима (Батюкова), вынужденного скрываться здесь (в Загорске) от большевистских разорителей церкви; крещение Александра о. Серафимом, предвидение его судьбы и многое другое невидимыми молитвенными узами соединило семью будущего священника с преподобным Сергием.

В 35 лет отец Александр — уже опытный священник, прошедший период хрущевских гонений на Церковь, горячий и мудрый проповедник живого Божьего Слова, сложившийся религиозный писатель и неустанный духовный делатель во славу Православной Церкви. Государство преследует и запрещает почти все, что является главным в церковной жизни: проповедь об Иисусе Христе, о свободе и любви, милосердие к больным и нищим, просвещение и воспитание детей и молодежи; любое общение с людьми помимо богослужения в церковном здании. Недопустимо посещение больниц, появление на улицах в священнической одежде, посещение домов и квартир, и даже могил на кладбище. Государство приветствовало выполнение священниками обрядов для народа (отпевания, освящения воды и плодов земли, молебна как видов ритуальных услуг) в ограде церкви.

Для отца Александра христианство было самой жизнью, основным ее стержнем и целью. Наиболее важными в христианстве он считал личность самого Иисуса Христа и личную встречу человека с Ним. Главной задачей отца Александра было стремление открыть путь к Богу, показать Его красоту и любовь как можно большему количеству людей, вернуть их к полноценной жизни из путаницы понятий и бесконечных хитросплетений проблем. Он видел свое призвание в том, чтобы помочь людям открыть в их жизни Радостную Весть — Евангелие — и вручить им ключи к Царству Божьему, которое находится внутри нас. Отец Александр осознавал, какая книжная пустыня была создана вокруг человека по самым основным вопросам, касающимся веры, церкви, религии, первых духовных шагов верующего человека. На эти темы и книги был наложен государственный запрет; церковь не могла его нарушить, и люди задыхались от отсутствия человеческого и печатного слова о самом главном — о смысле жизни. И отец Александр написал свою первую книгу — очерк евангельской исто-

рии об Иисусе Христе. Благодаря тому, что книга создана человеком, влюбленным в личность Спасителя, снабжена глубокими духовными комментариями, историческими справками, написана хорошим слогом, читатель становится соучастником событий и следует за Спасителем по дорогам Палестины. У читателя возникает привязанность к Христу, желание идти за Ним и сострадать Ему в жестоком и злом мире. Эта книга — «Сын Человеческий», — изданная в 1968 году в Брюсселе, неизменно приводила и приводит непредвзятых читателей к самому Евангелию и к церкви, подвигает их принять обдуманное решение и пройти обряд крещения.

Книга «Таинство, Слово и Образ» — это путеводитель для человека, впервые пришедшего в храм (в 1969 году она вышла под названием «Небо на земле» — тоже в Брюсселе). В ней даются первоначальные сведения о православном богослужении, о поведении в храме, о церковных праздниках. Для человека, который первый раз вступает в храм и не знает, что в нем происходит, куда ступить, что можно, что нельзя, она была прекрасным помощником. Эти книги — первый глоток живой воды для тех, кто, проходя через пустыню запретов, искал Бога.

С 1960 по 1982 г. отец Александр пишет серию из 6-ти книг под общим названием «В поисках Пути, Истины и Жизни» — этими словами в Евангелии Христос называет Самого Себя: «Я есть Путь, Истина и Жизнь». Цель этого 6-томника, как говорил сам отец Александр, — дать картину духовного развития дохристианского человечества, показать, как человек прошлого искал Бога.

Первая книга, которая называется «Истоки Религии», — о природе и сути религии и веры как неизбежной потребности человека, о величии, красоте и немощи человека, о его взаимоотношениях с Богом, о христианстве, содержащем ответы на вечные вопросы человечества. Первое издание было осуществлено в Брюсселе в 1970 году под псевдонимом Эммануил Светлов. Следующая книга, «Магизм и Единобожие», издается в 1971 году там же и под тем же псевдонимом. Автор ярко описывает происхождение религии в доисторическом мире, многообразие первобытных верований, в доступной форме повествует о характере магического миро-созерцания, о язычестве, дает основное представление о цивилизациях, культуре и верованиях Египта, Греции, Индии, Израйля. Более подробно он останавливается на истории израильского народа, на долю которого выпал тяжелый, но великий жребий — быть богоизбранным.

Третья книга серии, «У врат молчания», — о духовной жизни Китая и Индии первого тысячелетия до Рождества Христова. Будучи православным священником, отец Александр не считал, что имеет право пренебрежительно относиться к другим культурам и религиям. Он с большим уважением и доброжелательностью рассказывает о феномене человеческого духа и разума: о Конфуции в Китае, о Будде и Кришне в Индии. Рассказывая об истории поиска истины, нельзя не упомянуть об опыте Древней Греции, ее философии и религиозной системе. Этой теме отец

Александр посвящает книгу «Дионис, Логос, Судьба». И сразу в сознании читателя занимают нужное место известные с детства мифы Древней Греции, имена великих мудрецов Пифагора, Эхила, Сократа, Платона. Нам представлены главные точки взлета человеческого разума и религиозных воззрений: от первобытных стремлений обожествить непонятный окружающий мир до сложных философских и религиозных систем.

И вот приходит время поведать современному богоискателю о непохожем на все остальное опыте Израильского народа, в котором многие века звучит голос Единого Бога через призванных Им людей — пророков. Пятая книга носит особенно торжественное и возвышенное название — «Вестники Царствия Божия». Речь в ней идет о тех, кто возвещал людям о воле Божьей, открытой им самим Богом. Обращения к своему народу они начинали словами «Так говорит Господь». Через своих избранников — пророков — Бог обращается к еврейскому народу с призывами, указаниями и предупреждениями о грядущих событиях истории человечества. Видно, что сердца этих особых избранников Божьих чрезвычайно близки и дороги отцу Александру, и поэтому он рассказывает о них так, будто является одним из них, разделяет их судьбу, их любовь к Богу и готовность служить Ему всемерно и до конца — в этом заключается все счастье их жизни. Амос и Осия, Исаия, Иеримия и Иезекииль, наперекор собственной немощи, предстают перед читателем как титаны духа, образцы верности Богу, попираемые людской косностью и злобой.

Отец Александр своими книгами укрепляет в читателе мысль о великом достоинстве человека, обретшего Бога. Духовные поиски наших предков побуждают нас открывать в своем сердце место для возвышенных и вечных истин. Вновь невозможно считать себя человеком, если жизнь бессмысленно тратится только на самого себя и свое «Я».

И, наконец, последняя книга шеститомника — «На пороге Нового Завета», — изданная в Брюсселе в 1979 году, охватывает период от эпохи Александра Македонского до времен Иоанна Крестителя. Снова перед нами проходит мир Ближнего Востока, Греции, Рима, Индии, Израиля. Человечество уже совсем приблизилось к тем Великим дням, когда начнут свершаться пророчества Исаии о явлении в мир Спасителя. Напряжение в мире с приближением дня, когда ангелы запоят «Слава в Вышних Богу...» возрастает, и отцу Александру удастся прекрасно это передать читателю. Книга показывает логическое завершение поисков человечества пришествием в мир Сына Божия, Его жизнью, Его Крестом и Воскресением.

Помимо этого большого труда, отцом Александром создан словарь по библеистике в шести томах (который еще ждет своего издателя). Им также подготовлено множество статей, выступлений, учебных пособий, комментариев. Но над чем бы ни трудился отец Александр, для него все было единым ансамблем, единым духовным восторгом прославления Бога.

У тех, кто не любит утруждать себя чтением, может возникнуть вопрос: а сделал ли он что-нибудь для «простого» человека, так называемого обывателя? Сделал! «Простой обыватель» любит рассуждать и мечтать о порядке и патриотизме, о беспорядках в городе, о нехватке лекарств и о том, что ныне на фронте безопаснее, чем в родном городе. Так вот: сельский священник из Новой Деревни был олицетворением верности и преданности своему делу, находился на своем месте, самозабвенно любил тех, кому служил, — Бога, Церковь, каждого человека, приходящего в храм, свою Родину — Россию. Его трудолюбие и умение ценить время поражали всех, кто его знал; истинное уважение к любому человеку, а не корыстное лицепрятие, запомнилось каждому, кому довелось с ним встречаться — даже чинам из КГБ. Для всех, кто к нему приходил, отец Александр был эталоном чистой совести и справедливости, и поэтому ему доверяли очень разные люди. Для детей и молодежи он организовывал встречи, беседы, показ фильмов о самом главном — о смысле жизни, о человеке, об Истине, — и было все правдиво и живо. Он одним из первых открыл воскресную школу для местных детей; пришел со своими прихожанами в больницы к тяжелобольным детям и старикам, принес им лекарства и поддерживал их.

Александр Мень начал широко проповедовать евангельские истины и повел живой и понятный разговор с погибающим от бездуховности и несвободы народом, как только появилась малейшая возможность. Его лекции и беседы проходили на заводах, в клубах, институтах, школах Москвы и Московской области. И все, кому удалось его услышать, вспоминают об этих встречах с благодарностью и светлой радостью. Его появление перед широкой аудиторией было похоже на сильный теплый дождь после многолетней засухи.

Двадцать лет каждый мог обратиться к нему в любое время для решения любых вопросов. Двадцать лет рядом с нами и для нас жила его мудрая любящая душа, готовая научить любить каждого, кто хотел пустить в свое сердце любовь. Двадцать лет этот человек своим присутствием на нашей земле являл красоту разума, любовь к жизни и человеку, достоинство и силу свободы, благородство и мужество. А самое главное — неоспоримое величие и блаженство в единственном смысле человеческого призвания — быть любящим и преданным чадом Божиим. От чего он отказался ради проповеди о спасении для нас, его земляков, ради служения Иисусу Христу? От славы и чести земной; от власти над людьми; от денег и земных благ; от служения себе многочисленными талантами — все вернул с прибылью своему творцу — Богу; от «тихого, обычного, земного» счастья для себя — Бог ему дал блаженство кротких, алчущих и жадующих, гонимых и терпящих поношение за имя Божие.

Многие люди в России продолжают открывать для себя отца Александра, слушая в записи его проповеди, читая его книги и воспоминания. Люди России и зарубежья продолжают искать Бога. И очень многие нахо-

дят Его и Православную Церковь благодаря отцу Александру — нашему земляку и современнику. На одной из последних лекций он говорил: «Отдать себя до конца — значит совершить евангельский подвиг. Только этим спасается мир». Эти слова вполне можно отнести к его собственной жизни.

Вахромов Е.Е. (Москва)

Человек как проблема для окружающих и самого себя

Главное в феномене Жизнь — ее туманный характер, ее существенная проблематичность.

Х. Ортега-и-Гассет

Важнейшие практические проблемы в жизни человека во все времена возникают в связи с опасностями, исходящими из внешнего мира, для защиты от которых требуется дифференцировать, выделить в нем объекты, несущие угрозу, и определить для себя оптимальные способы поведения по отношению к каждой из обнаруженных опасностей. Решение этой задачи требует от каждого человека постоянного наблюдения за объектами мира действительности и процессами, в нем происходящими. Согласно К. Лоренцу, вся жизнь есть не по своей воле начинающийся познавательный процесс, приносящий любому живущему знание. Потребность в фиксации, систематизации и передаче накопленного в опыте практического знания соплеменникам и потомкам в интересах видового и личного выживания породила науку и ученых, педагогику и педагогов.

Первыми учеными Древнего мира были те, кто обладал особым даром видеть иначе, чем обычные люди, — поэты, умевшие различать в циклически воспроизводимом в природе знакомом зарождение и проявление иного (Аристотель). Первые попытки осмысления увиденного, сведения о которых дошли до нашего времени, имели мифологическую форму сказаний, песен, легенд, эпосов и литературных произведений. Древнейший (из известных) пласт легенд и мифов — это мифы о сотворении мира. Они повествуют о мире как едином организме, его зарождении или создании и законах существования в нем. Важнейшая из функций мифа — объяснительная: через миф человечество впервые строит поэтические по форме гипотезы о собственном происхождении и предназначении, пытается объяснить существующий порядок вещей и ход событий.

Из истории мировой культуры известно, что в каждой из локальных культур эпические произведения, описывающие жизнь внешнего мира, появляются на века раньше интимной лирики, описывающей внутреннюю жизнь человека. Так и в науке: психология, изучающая процессы, происходящие во внутреннем мире человека, долгое время развивалась в недрах философии, взгляд которой был прикован к внеш-

нему миру, где человек неизбежно возникал как Другой, как объект философско-поэтического наблюдения и умозрения.

Мир действительности

Важнейшей чертой наблюдаемого мира действительности, которая отмечена во всех локальных культурах, является его изменчивость (Гераклит, Веды, Книга Экклезиаста, Книга Перемен). Жизнь всех существ в Космосе понималась поэтами Древнего мира как воспроизводящаяся и поддерживающаяся богами, титанами, асурами, демонами и т.п. замкнутая цепь перемен. Изменчивому миру жизни — Космосу — противопоставлялся в древнейшем пласте мифов Хаос, характеризовавшийся отсутствием перемен; в смерти видели непреодолимую границу между Космосом и Хаосом. Космос во всех культурах Древнего мира рассматривался как единое живое существо, в котором все живущие объединены поддерживаемым богами принципом гармонии. Наилучшим поэтому считался такой ход событий, когда существующий порядок поддерживается и воспроизводится всеобщими усилиями изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из поколения в поколение.

В Древней Индии считали, что «мир, с твердо установленными разграничениями между ариями при установлении каст и разграничении ступеней жизни, охраняемый Ведами, процветает и не гибнет. Соблюдение каждым своего закона ведет на небо и к вечности. При нарушении этого закона мир погибает от смешения каст» (Артхашастра). Порядок устанавливается только через наказание, при наложении которого не должно быть никаких колебаний. Законы Ману гласят: «Весь мир подчиняется закону только посредством Наказания, ибо трудно найти человека чистого. Только из страха Наказания весь мир служит пользе».

В Древнем Египте полагали, что время, когда солнечный бог Ра был властителем над богами и людьми, жившими на земле бок о бок, прошло. Боги удалились на небо, мир оказался брошенным на произвол судьбы, и только фараон своей властью противостоит угрозе утраты существования. Религиозный принцип Маат, на котором была основана жизнь египтян, представлял собой моральный принцип, распространяющий справедливость, ранее действовавшую в узких пределах родовой группы, на целую страну и, более того, на весь космос: земное государство фараона считалось одной из провинций вселенского государства великого бога, а в самом фараоне долгое время видели бога. Смысл творения, согласно верованиям египтян, заключается в изобилии. Там, где есть изобилие, царят порядок и справедливость, там нет места насилию и страданию. Фараон способствует утверждению Маат, верша суд над людьми и умиротворяя богов. Для этого он вооружен «пониманием» (сиа) и «действенным словом» (ху). Счастье мыслится как изобилие земных плодов и их справедливое распределение. О первом заботятся боги, о втором — фараон. Кроме того, считалось, что он выполняет функцию гаранта загробного существования для своих подданных.

Позднее фараон рассматривался уже в качестве посредника между людьми и богами, как носитель справедливости и защитник слабого от произвола сильного. Фараон не только творит Маат, но и уничтожает Исефет — изъяны, отклонения от первоначального плана творения мира. Маат — это песнь, которая языковыми средствами описывает картину изобильного бытия. Исполнение этой песни посредством действительного слова должно способствовать реализации Маат как полноты жизни. Вся земля Египта для тех, кто его населял, была священной, и каждый ее участок находился под управлением бога. Святынями считались и Город, и его стены, хранящие богов.

В Древнем Китае чувственно воспринимаемый мир рассматривался как единственная реальность бытия. Все божества, бессмертные и сверхъестественные существа помещались китайской традицией в пространство между Небом и Землей. В «Книге Перемен» мировой процесс рассматривается как последовательность процессов возникновения, бытия и исчезновения. Жизнь всего сущего мыслится чередованием реализующих принцип всеобщей изменчивости «ситуаций», которые возникают в результате борьбы противоположных сил (света и тьмы, напряжения и податливости). Всего в жизни «Книгой Перемен» выделяются 64 типические ситуации, образующие некоторую логическую последовательность. Каждой из этих ситуаций соответствует символ — «гуа», — в европейской китаеведческой литературе называемый гексаграммой.

Предполагалось, что использование гадательных практик позволяет человеку, угадав с помощью ритуальной процедуры символ, характеризующий наличную ситуацию, судить о том, что эту ситуацию породило, и о том, что его ждет. К каждой гексаграмме в «Книге Перемен» приведены поэтический по форме комментарий, где говорится об опасностях и возможностях, которые таит в себе соответствующая ситуация, и поэтический намек на оптимальную стратегию поведения человека в данной ситуации. Общий дух этих комментариев определен гексаграммой № 1 («Цянь» — творчество), где все существующее в мире рассматривается как олицетворение и реализация творческой силы, которая лежит в начале всего. Эта сила является совершенной и абсолютно стойкой, поэтому в своем развитии может преодолеть все препятствия.

В Ветхом завете, в книге Экклезиаст, говорится: «Что было, то и будет; что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Если нечто и кажется кому-то новым, то только потому, что память человека слаба, а век короток, и многое ранее познанное просто забывается. Бог, в своей заботе о людях, создал все в мире наилучшим образом, но люди не могут самостоятельно постичь божественные планы и оценить созданное для них. Поэтому «участь сынов человеческих и участь животных одна: как те умирают, так умирают и эти, и нет у человека преимуществ перед скотом; потому что все — суета!.. все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов

человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?».

Поэт Овидий в «Метаморфозах» пишет: «Говорят также, что бог всего сущего — кем бы он ни был, поскольку некоторые называют его “Природа”, — неожиданно появившись из Хаоса, отделил землю от небес, воду от земли и верхний воздух от нижнего. Он привел стихии в тот порядок, который мы видим сейчас. Наконец, он создал человека, который — один из всех зверей — обратил свой взор на небеса и увидел солнце, луну и звезды, если только не правда, что Прометей, сын Иапета, сам вылепил первых людей из земли и воды, а душа у них появилась благодаря блуждающим божественным стихиям, сохранившимся со времен творения».

Философия с момента ее зарождения выступала как искусство суждения о мире и считалась производной от поэзии: «Но все же знание и понимание мы приписываем скорее искусству, чем опыту, и ставим людей искусства выше по мудрости, чем людей опыта, ибо мудрости у каждого имеется больше в зависимости от знания. Люди опыта знают фактическое положение дел (что дело обстоит так-то), а почему так — не знают; между тем, люди искусства знают “почему” и постигают причину. Люди оказываются более мудрыми не благодаря умению действовать, а потому, что они владеют понятием и знают причины» (Аристотель).

«Все находится в движении, и нет отдыха и покоя. Никто не был дважды в одной и той же реке, потому что ее воды, постоянно текущие, меняются; она разносит и снова собирает их; она переполняется и снова спадает; она разливается и снова входит в берега», — констатировал Гераклит. Идея жизни понималась им как движение, перемены. Как всякое движение, жизнь кажется направленной к чему-то, к какой-то цели. В ходе развития жизни выясняется, что цель, казавшаяся конечной, при приближении оказывается переходной, открывающей перспективу движения к следующей цели. Гераклит предполагал, что жизни, как и Огню, присуще неясное стремление к чему-то, для удовлетворения которого она принимает определенные формы, но без всякого намерения удерживать их, а, напротив, с постоянным желанием сменить их на иные. Гармония рождается в результате столкновения противоположных стремлений и усилий; все состоит из противоположностей. Вся жизнь есть изменение, изменение же всегда есть результат борьбы.

В подобном полностью предопределенном мире предопределена и судьба каждого живущего. Единственно правильной жизненной стратегией считалось безоговорочное следование предписанному порядку. Необходимые образцы действия человека на все случаи жизни задавались системой ритуалов и табу. Ритуальные акты считались не просто знаками поклонения какому-то божеству, а рассматривались как действия, направленные на воспроизводство Космоса. Считалось, что если этих действий произведено не будет, то и Космос распадется, и жизнь прекратится.

Человек глазами Других

Первый раз человек попадает в поле зрения поэтов и философов как Другой, свой или чужой, друг или враг, действующий во внешнем мире. В качестве друга он должен быть надежным и предсказуемым, чтобы на него можно было опереться. Но и в качестве врага он тоже гораздо менее опасен, пока действует предсказуемо. Однако уже в древности было замечено, что в процессе жизни человек подвержен «загадочным» изменениям: так, во взрослом, полном сил и энергии мужчине трудно угадать черты беспомощного ребенка, из которого он вырос, а в немоющем старике почти невозможно угадать того взрослого, каким он был в прошлом. В цикле мифов о царе Эдипе именно это наблюдение лежит в основе «загадки Сфинкса»: кто утром ходит на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех? Согласно античной литературе и мифам, эта загадка для людей того времени была настолько сложной, что многие из них погибли, прежде чем трагический герой Эдип нашел ее решение.

Было замечено, что человек, не меняя внешнего облика, способен приобретать новые убеждения и вносить коррективы в уже имеющиеся, что в корне изменяло его поведение и, тем самым, радикальным образом выделяло его из всех живых существ (Сократ, Платон). В то же время, несмотря на изменения во внешнем облике, испытания горем и радостью, получение новых знаний, обретение и потерю веры, смену убеждений и многочисленные разочарования, — ибо «в многотрудности — много печали; и кто умножает познание, умножает скорбь» (Экклезиаст), — практически каждый человек несомненно знает, что во всех этих событиях он остается самим собой. Те немногие, кто сам замечал в себе присутствие Иного, Другого либо воспринимался в качестве носителя Иного своими близкими, становились и почитались Избранными: жрецами, шаманами и магами (в лучшем случае), либо изгонялись, что означало для них смерть.

Отмеченная выше двойственность породила в мифах и религиях представление о том, что в человеке определенным образом «смешаны» две природы: с одной стороны, в нем есть нечто вечное и неизменное; с другой стороны, в нем присутствует и нечто материальное, изменяющееся в соответствии с неумолимыми законами природы. Это представление впервые было оформлено в концепции Ка и Ба в Древнем Египте около 5–6 тысяч лет тому назад. С тех пор в языках подавляющего большинства известных культур существуют различные термины для обозначения того в человеке, что считается подверженным изменениям, и того, что полагается сущностным, принадлежащим вечности.

Тема Человека впервые формулируется в цикле мифов о рождении и жизни Героя, бросающего вызов хтоническим чудовищам, демонам и даже богам — и это несмотря на то, что жизнь человека очень коротка, смерть неотступна и неустраима, а идея посмертного существования, к примеру, в виде зыбких теней в царстве Аида, откуда нет выхода, не

вызывала оптимизма. Так, Ахилл из Аида обращается к Одиссею со следующими словами:

О, Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся:
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать мертвый.

Жизнь Героя, воина, страстно любящего жизнь, любящего просто-душно и плотски каждый ее момент и подвергающего это свое самое ценное достояние риску во имя неосязаемого этического принципа без надежды получить компенсацию для себя лично, — это нечто принципиально иное, нежели героизм рыцаря-христианина или мусульманина, жертвующего временным ради обретения вечного блаженства.

В мифах о Герое, по сути, повествование идет о человеческой жизни, ее происхождении и цели, а также о том, как следует поступать, чтобы достичь настоящего успеха в жизни. Как правило, такой миф имеет форму повествования о путешествии (приключении) Героя, которому предстоит познать себя и мир, выйти за рамки обыденного. В процессе такого движения он переживает счастье и печаль, вступает в борьбу и получает уроки успехов и неудач. Мифы описывают его движение от неведения и тьмы к свету и мудрости. Таким образом, в мифах проявляется не только идея познания и объяснения мира, но и мысль об идеале как цели для мира и человека. В дальнейшем идея познания мира такого, какой он есть в действительности, — идея нахождения истины — стала центральной и структурообразующей для науки; идея познания того, какими мир и человек могут и должны стать, — идея нахождения идеала — стала центральной и структурообразующей для религии. Жизнь мира и человека с этого момента гипотетически рассматривается как необходимое совместное движение от того, что есть, к тому, что может и должно быть, от истины к идеалу.

В Древнем Египте считалось, что только тот, кто служит богу на земле, будет вознагражден им в ином мире. В тексте «Наставление Мер-Ка-Ре» фараон рассказывает своему сыну о важности исполнения в жизни правильных действий, поскольку после смерти его будут судить представители Маат — инстанции высшей справедливости: «Знай, что они беспощадны, когда судят жалких. Не рассчитывай на долгие годы, для них человеческая жизнь — лишь час. После смерти человек продолжает существовать, и его деяния накапливаются за его спиной. Жизнь в ином мире вечна, и тот, кто предстанет перед судом Маат без греха, станет там Нетером (богом) и будет ходить свободно, как эти владыки вечности».

Жизнь человека ассоциируется с рекой Нил, верхнее течение которой находится под управлением бога Сета, а нижнее — бога Гора. Сет символизирует жизнь вне истины, основывающуюся на эгоистических устремлениях. Как и Гор, Сет — сын Осириса, зачатый, однако, в результате интриги, а не любви. Сет старше Гора, и Гору приходится в

ходе изнурительной борьбы доказывать свое право управлять наследием Осириса. Человек изображается в древнеегипетских текстах с двумя головами на плечах: головой Сета и головой Гора. На протяжении жизни он должен добиться передачи управления Гору, для чего следует совершить переворот, духовное возрождение.

В античной традиции появлению религиозных и философских понятий о душе человека предшествовало существование в легендах и мифах персонажей, так или иначе обретавших бессмертие. Психея — это смертная девушка, обретшая бессмертие. Сделав это имя нарицательным, античные поэты-философы решили обозначить им то искомое и пока не найденное в человеке, что «сильнее» смерти, отразив мечту смертного человека обрести бессмертие. Изучение условий обретения бессмертия привело философа-неоплатоника Прокла в «Первоосновах теологии» к идее о том, что бессмертие прямо связано со способностью к самостоятельным движению и активности, которые не детерминированы внешними по отношению к субъекту причинами и факторами: «Все первично движущее само себя, все самобытно сущее в себе — неуничтожимо. Все самобытное вечно».

Необходимо отметить, что Человек рассматривается в древности как «малый космос» (*micros kosmos* — термин Демокрита), во всем подобный «большому космосу». Более того, Аристотель в «Физике», рассуждая о движении тел как одушевленных, так и неодушевленных, приходит к выводу, что верно и обратное: все, что происходит в человеке и с человеком, может происходить и со всей вселенной. Он пишет: «Если это возможно для живого существа, почему это не может происходить и со всей Вселенной? Ведь если это имеет место в маленьком космосе, значит и в большом».

В религиозно-философских учениях Древнего Китая активной деятельностью человека отдается предпочтение перед простым, пассивным созерцанием, но всегда особо подчеркивается, что нужны бдительность и учет ситуации, чтобы эта деятельность привела к благому результату. Человек, следующий Дао, может в своей деятельности проявлять такое творчество, которое благотворно отражается на всем его окружении. В «Большом комментарии к книге И Цзин» сказано: «На этом пути человек становится подобен небесам и земле, он не во вражде с ними. Мудрость его обнимает все сущее, и его Дао вносит порядок в мир; поэтому он никогда не блуждает и никогда не ошибается. Во всем он деятелен, но не позволяет себе увлечься чем бы то ни было. Радует-ся он небесам и умеет познать судьбу, а поэтому его сердце свободно от тревог и забот. Доволен он, что бы с ним ни случилось, доброта его непритворна, а потому обладает он способностью любить».

В иудаизме считается, что главная задача каждого человека в жизни — самоисправление, связанное с преобразованием эгоизма в альтруизм. Это не просто одна из целей, а прямая обязанность каждого человека, так как

это предусмотрено Творцом, даровавшим избранному народу Тору. Избранность заключается в том, что иудеи должны показывать всем народам пример в следовании Торе. Есть два пути достижения цели: добровольный, связанный с осознанным выполнением предписанных Торой правил, и путь страданий. Страдания — неизбежное следствие попытки уклониться от выполнения Закона. Страдания вынуждают человека рано или поздно вернуться на первый путь, по существу подчеркивая бессмысленность следования эгоистическим целям, и создают предпосылки для работы над собой. В Торе сказано: «все миры созданы ради человека». Все существа в мире тесно связаны с человеком, либо духовно возвышаясь, либо опускаясь вместе с ним. У Творца нет вещей хороших и плохих, таковыми их делают люди в своей практике. Мир может достичь своей цели — совершенства — только вместе с человечеством. Конечная цель, описываемая как состояние «воскрешения мертвых», достигается только после полного искоренения эгоизма, приобретения альтуизма и постижения Торы в масштабах всего человечества без единого исключения.

В христианской антропологии (апостол Павел, Г. Нисский) возникает идея о том, что душа человека находится в состоянии мучительного выбора в жизни между духовным и плотским, что привело к идее троичности в «составе» не только Бога, но и созданного «по его образу и подобию» человека. Бытие в мире действительности, с христианской точки зрения, ставит каждого человека перед проблемой нравственного выбора, обретения веры и проблемой реализации этого выбора в действиях, «ибо вера без дел мертва». В мире действительности есть соблазны, побуждающие человека забыть в текущих делах и заботах о своем высоком предназначении.

В христианской философии развитие человека понималось как его самотрансформация, направленная на искоренение в себе плотского в пользу роста духовного. Это развитие определяется общим представлением о цели каждого человека — совершенстве (в античной философии — арете), воплощенном в христианских представлениях о Царствии небесном: «Будьте совершенны, как совершен Отец наш небесный!». Философов интересовали пути к арете и то, насколько значимы усилия человека на этом пути: спасает ли только благодать, или же собственные усилия человека тоже играют определенную роль. В Средние века, в период между Возрождением и Просвещением, представление об арете как едином всеобщем ориентире, который направляет развитие и становление индивида, в философии было утеряно. Более того, многие традиционные представления о том, что может быть благом для индивида, субъекта, души, во многом изменились на противоположные.

Человек перед самим собой

В европейской культурной традиции призыв, обращенный к человеку: «Познай самого себя!», относится историками к VI веку до нашей эры, когда этот призыв появляется в форме надписи на храме Аполлона в

Дельфах. Он приписывается философу Хилону из Эфор, хотя подавляющее большинство его современников верили, что такова воля бога Аполлона. Сегодня культурологи считают, что в той же мере, в какой маленький ребенок до определенной поры не учитывает в своих мыслительных операциях самого себя, в той же мере это свойственно и человечеству как таковому. Именно поэтому циклы мифов о рождении и жизни Героя появляются много позже мифов о сотворении мира и жизни богов.

Мирча Элиаде высказывает мнение о том, что в эпоху античного мира человек постепенно пробуждается от дремы циклически воспроизводящегося существования-несуществования и устремляется в подлинную историю Бытия. Первая философская формулировка проблемы самопознания человека приписывается Платоном своему учителю Сократу, заметившему, что человек, в силу своей малой предсказуемости, является серьезной проблемой не только для других, но и для самого себя. Поэты и философы античности создали до сих пор сохраняющие для нас интерес произведения, в которых в центре внимания оказывается именно человек. Подчеркивалось, что он радикально отличается от всего иного в мире и его суть, судьба и предназначение заслуживают особого внимания. Это позволило Карлу Ясперсу считать это время осевым в истории человечества.

С этого времени в среде человечества регулярно появляются люди, видящие в человеке венец творения, носителя собственной активности, способного не только к самовыделению из мира посредством актов познания и понимания; начинается поиск идеала в общественном и личном развитии, выходящего за рамки обыденного опыта и норм. Помимо того, что эти идеалы описываются в произведениях искусства, люди претендуют на реализацию этих идеалов на практике. Наличие идеала, понимаемого как образ возможного будущего, и попытки движения к этому идеалу путем преобразования самого себя и мира делают жизнь человека осмысленной.

Философы со времен древности считают, что люди отличаются от животных тем, что сами придумывают себе запреты и сами же их нарушают. Сознательное нарушение запрета во имя движения к идеалу требует огромного мужества и решительности. Нарушение запрета в этом случае выводит нарушителя к новому качеству жизни. Прометей жертвует собой и приносит огонь человечеству, и загадка Прометея до сих пор будоражит философов, поэтов и писателей. Адам нарушает запрет и оказывается изгнанным из рая, определив этим экзистенциальную ситуацию для человечества. Его прямой потомок Иаков борется с ангелом, и в связи с этим избранный народ именуется Израилем (в буквальном переводе — «тот, кто боролся с Богом»). Сократ настолько преуспевает в своих майевтических занятиях, что в конце концов вынужден испить горькую чашу, следуя своему внутреннему закону. Возвышение над обыденной жизнью, переход в пространство, где не действуют обычные законы, часто приводит к тому, что даже благое дея-

ние, коренным образом меняющее условия жизни в социуме, отторгается. Так, в евангелиях говорится, что народ Израиля потребовал у прокуратора Иудеи отпустить не Иисуса, а Варавву.

Двадцать пять веков тому назад, в Древней Индии, Будда подверг критике эгоцентрированную установку на вечность в сочетании с неизменностью («атман» индуизма). Именно желание вечности в сочетании с неизменностью собственного «Я» всегда является причиной страдания, неудовлетворенности. Это страдание не определяется и не обособывается в буддизме логически, истина страдания открывается человеку в акте непосредственного переживания. Страдание — это стресс. Если стресс слишком силен для данного человека, то это его деморализует, приводит к апатии, что прекрасно выразил Гете в «Фаусте»: «Слаб человек, покорствуя уделу, он рад искать покоя...».

Другая реакция на стресс порождает вопрос, точно выраженный шекспировским Гамлетом: «Быть или не быть, вот в чем вопрос. Смириться ли под натиском судьбы, или стоит оказать сопротивление?» Какова форма этого сопротивления? Может быть, человеку стоит устремиться к Нирване, подавляя желание жить, или, отказавшись от себя, раствориться в безличном сиянии брахманджюти? Искать эликсиры, дарующие физическое бессмертие, вместе с даосами или устремиться к беспрепятственному существованию на райских планетах Кришны? А может, стоит просто наслаждаться каждым мгновением отпущенной нам жизни?

Соотношение числа желающих спастись и покорившихся своей участи менялось в зависимости от ряда факторов, но определяющим был темп перемен в конкретной стране, в конкретной жизненной ситуации. В отдельные эпохи мир представлялся большинству людей милым, уютным и обжитым до такой степени, что голоса искавших путь к светлому будущему или спасению были почти неслышны. М. Бубер делил в этом смысле все эпохи на эпохи обустроенности и эпохи бездомности. Когда человек живет в эпоху, внутри которой «представление о благоустроенности вселенной разрушается, размышления человека о его предназначении и судьбе приобретают особую глубину и самостоятельность».

Сократ во время суда над ним, описанного Платоном, утверждал, что «жить, не разобравшись в жизни, не стоит», и призывал каждого человека к самопознанию. Он считал, что почти все люди тратят свои жизни на достижение различных целей, но совершенно не задумываются над тем, важно ли это, для этого ли им дана жизнь. В это время, называемое сегодня «осевым», во всех культурах человек, ранее задумывавшийся над «внешними» вопросами (что есть мир? откуда он и для чего существует? есть ли в нем обязательные для всех законы и смысл?), задается качественно новыми вопросами «внутреннего» характера (кто я? откуда я и куда иду? в чем тайна рождения и смерти? есть ли в мире что-то важное именно для меня, к чему я должен стремиться? как я могу достичь подлинного блага, если оно существу-

ет?). В этом комплексе вопросов и попытках найти на них ответы заключается «проблема Человека».

Столкновение с данной проблемой и ее осознание изменяет жизнь каждого человека, обрекая его на поиски не только общей для всего человечества цели, но и смысла своего собственного существования. Тот устойчивый к внешним воздействиям ответ, который он дает сам себе на перечисленные выше вопросы на основании личного опыта попыток решения проблемы, является высшим регулятором его деятельности, личностным смыслом. Понимаемый таким образом смысл есть возможное прижизненное приобретение человека, результат его деятельности по преобразованию самого себя и окружающего мира, опыта осмысления успехов и поражений в этой деятельности, переживания любви и ненависти, надежд и разочарований, боли и радости; принятия на себя ответственности за собственную жизнь и жизнь своих близких. Осознаваемое человеком при жизни отсутствие твердой уверенности в заданности извне чего бы то ни было, кроме ситуационных обстоятельств, лишь декорирующих драму поиска смысла жизни, понимание невозможности вычитать «свой» смысл в написанных другими книгах ставят человека перед центральной экзистенциальной проблемой самостоятельного выбора ценностей бытия и их проверки на истинность ценой всей своей жизни. В заключение приведем слова Г. Гессе: «Каждый человек есть нечто большее, чем он кажется самому себе. Он представляет уникальную, неповторимую, всегда значимую и замечательную точку, в которой явления мира пересекаются только один раз и никогда более в таком сочетании».

Пашукова Т.И. (Кировоград, Украина)

Изменения смысла жизни и духовное преобразование человека

Проблемы поиска и реализации смысла жизни волновали людей уже в очень отдаленные времена. Прежде всего они рассматривались в культурно-исторических традициях духовного развития. Однако проблемы духовного преобразования и психического саморазвития личности являются едва ли не самыми малоисследованными в современной психологии. К их числу относится и вопрос о том, что побуждает человека к духовному развитию и психическому самосовершенствованию. Немаловажное значение имеет также установление взаимоотношений между духовным и психическим развитием личности.

Существующие мнения о взаимоотношении духовного и психического развития человека можно представить в виде континуума — от полного противопоставления психического и духовного развития до их полного отождествления. Мы считаем, что духовное и психическое развитие лишь относительно самостоятельны. Начало духовного развития связано с пре-

образованием смысловой сферы сознания, которое тяжело переживается личностью. Изменение смыслов сопровождается рядом симптомов, указывающих на неблагополучие физиологического и психологического состояний, поэтому его можно назвать духовным кризисом. Под духовным кризисом следует понимать период человеческой жизни, который может стать отправным моментом в духовном самопреобразовании человека. Кризис вызывается сильным потрясением, затрагивающим смысловую сферу сознания личности и отражающимся на состоянии ее здоровья и ее психофизиологическом функционировании.

К симптомам кризиса следует отнести сильные переживания человека по поводу несоответствия его основных жизненных ценностей и ценностей, которыми руководствуются другие, а также переживания за судьбы человечества, страны, значимых и близких людей. Возникающая в результате этого сильная фрустрация, переживания из-за несоответствия между ожиданиями и реальностью, между представлениями о том, что есть, и тем, как должно быть, вызывают диссонансное состояние сферы сознания, нарушая одновременно действовавшую ранее систему саморегуляции человека. В период такого нарушения, параллельно с ухудшением здоровья по причине сбоев психофизиологических функций и снижения потребностно-мотивационной активности вплоть до нежелания жить, у человека появляется и возможность самопреобразования, если для этого будут необходимые ресурсы. Но кризис может стать источником духовного развития личности только при условии нахождения ею новых смысловых ориентиров для продолжения жизни. Новые смыслы, по-видимому, могут выступать в качестве ориентировочной основы жизнедеятельности, если они превышают уровень антропоса и касаются разрешения общечеловеческих проблем и проблем смысла жизни вообще.

Анализируя культурные традиции духовного развития и психического совершенствования в йоге, буддизме, дзен-буддизме и религиозном подвижничестве, мы пришли к выводу о том, что духовные поиски начинаются у приверженцев этих традиций именно с кризисных состояний, когда возникает остро ощущаемая потребность в новых смыслах, без которых их собственная жизнь теряет свою значимость. В йоге, в буддизме и в религиозном подвижничестве эта потребность осознается как необходимость самоизменения, но в каждом из перечисленных направлений духовного развития по-своему.

В йоге потребность в самоизменении связывается с такой целью, как слияние с Изначальным источником. Для достижения этой цели йоги применяют трудную практику духовного развития и психического совершенствования, состоящую из восьми ступеней. Развитие здесь предполагает строгое следование морально-нравственным принципам и систему психофизиологических тренировок, в результате чего у адептов формируются новые психофункциональные органы, существенно расширяющие интеллектуальные и волевые возможности индивида. Сознание ученика в

йогe меняется как вследствие осознания морально-нравственных принципов, так и вследствие расширения психофункциональных возможностей.

В буддизме и дзен-буддизме смысл жизни ориентирован на осознание четырех Благородных Истин и следование Восьмеричному Пути спасения, которое представляет собой последовательное самоизменение человеком отношений к себе, к другим людям, к миру и преобразование им своего поведения согласно новому пониманию мира и себя в мире. Остановимся на этом поподробнее.

Достижения тысячелетних теории и практики психического самосовершенствования в буддизме весьма значительны: в разнообразных буддистских традициях и школах выработаны действенные приемы и методы психической саморегуляции и духовного самопреобразования личности. Интересен в этой связи и вопрос о смысле жизни, который рассматривается в четырех Благородных Истинах, провозглашенных Сиддхартхой Шакьямуни Буддой.

Первая Благородная Истина гласит: «Жизнь есть зло, поскольку жить — значит страдать». Рождение человека, его страсти, болезни и смерть — все это страдание. Следовательно, лучше не рождаться и не жить. Но коль скоро ты родился, твоя задача в жизни — достичь нирваны. «Нирвана» означает «затухание», «уничтожение». Под нирваной понимается состояние нематериального, невоплощенного в других существах духа. На первый взгляд, эта истина полностью отрицает смысл жизни, которая объявляется злом. Однако цель — избавление от последующих воплощений — придает психологический самопреобразовательный смысл жизнедеятельности человека, который осознал трагизм жизни, завершающейся смертью.

Смысл преобразования себя, выступающий в качестве сильнейшего мотива духовной самотрансформации индивида, представлен во второй и третьей Благородных Истинах. Причиной всех страданий, говорится во второй Истине, является жажда жизни. Она порождает деяния индивида и становится источником страданий. Деянию противостоит недеяние, покой, созерцание. Созерцанием же признается обращение человека к собственной самости, то есть к тому, что является его сутью и по природе представляет собой начало духовное. В буддизме считается, что избавится от страданий тот человек, который сумеет освободиться от желаний и деяний. Иначе говоря, свободу от них обретает тот, кто поставит под сознательный и волевой контроль свои побуждения, влечения и любую активность. В этом заключается суть третьей Истины.

Четвертая Истина указывает путь, следуя которому можно реализовать цель избавления от воплощений (от жизни). Это Восьмеричный (восьмистадийный) путь спасения, иначе именуемый Срединным. Суть его заключается в достижении буддистского идеала умеренности. Умеренность противопоставляется как стремлению большинства людей испытать максимум чувственных наслаждений, так и аскезе, характер-

ной для меньшинства, склоняющегося к другой крайности — к умерщвлению плоти.

Чтобы достичь синергетического состояния, в котором напряжение личности минимально, а отношения человека с природой и людьми равновесны, требуется следовать правилам этического поведения, развивать дисциплину ума и мудрость. Следование этическим правилам и дисциплинированность ума и мудрости обеспечивают развитие саморегулирования не на личностной основе посредством самооценки, уровня притязаний и других компонентов эго-системы, а на основе осознания и формирования новых систем значений и смыслов жизнедеятельности. К этическому поведению относятся: правильная речь, правильное действие и правильный образ жизни. Смысл соблюдения правил такого поведения сводится к невовлечению в напряженные системы отношений с людьми и к снижению напряжения в эго-системе индивида. Дисциплина ума предполагает правильные усилия, внимательность и сосредоточение. Фактически, это развитие у человека умения управлять познавательной деятельностью. Наконец, мудрость включает в себя правильное мышление и правильное понимание. Они вырабатывают устойчивую беспристрастность, любовь и ненасилие, а также понимание мира таким, каков он есть, с помощью Благородных Истин. Основным средством духовного развития и психического самосовершенствования является медитация, представляющая собой особое состояние сосредоточенности сознания.

В результате следования правилам Восьмеричного Пути и работы над осознанием Благородных Истин снимаются проблемы, порождаемые личностью, уменьшаются страдания и реализуется смысл жизни — духовное самопреобразование, которое сопровождается появлением особых познавательных способностей и саморегулятивных возможностей. Отвержение смыслового содержания жизни, понимаемой как страдание, завершающееся смертью, в процессе реализации буддистской практики ведет к достижению более высокого уровня в психическом развитии человека как сознательного существа.

В религиозном подвижничестве целью жизни становится избавление от греха и достижение бессмертия благодаря вере в Бога и самообразовательной активности по образцу личности Иисуса Христа. Для достижения этой цели подвижники применяют молитву и специальные приемы, направленные на обуздание так называемых «злых человеческих страстей».

В каждом из вышеуказанных направлений духовное развитие связывается со смыслом жизни, превышающим по объему и содержанию смысл жизни антропоса. При новых смыслах жизни теряют свое ведущее значение и смысл жизни как биологическое выживание, и смысл жизни как успешное функционирование в обществе или в системе деловых и межличностных отношений. Смысл собственной жизни соотносится у подвижников с жизнью всех живых существ, «всех тварей» на земле, которые

«совокупно страдают и мучаются». Ориентируясь на новые смыслы, человек успешно преодолевает состояние, вызванное духовным кризисом, и направляет свою активность на изменение отдельных свойств собственной психики и на самоизменение своей личности в целом.

Таким образом, духовное развитие личности — это осознанно осуществляемое самоизменение человеком самого себя. Такое изменение начинается с поиска и принятия новых смыслов, которые настолько сильно меняют систему отношений человека к себе и к миру, что в результате этого человек уже не хочет и не может оставаться прежним, а потому стремление к самосовершенствованию у него становится ведущим.

Кубинева Л.А. (Орел)

Смысл жизни, акме и религиозные традиции мира

Смысл жизни возникает как жизненная концепция человека, когда он соотносит себя с окружающим миром, определяет свое положение, назначение и возможности в нем. Это и перспектива на будущее на основе оценки и обобщения личностью уже достигнутого. Человек не может жить вне смысла. В. Франкл в книге «Человек в поисках смысла» показал, какое большое место в жизни человека занимает проблема смысла жизни и его поиска. Акмеологический подход (от греч. «акме» — вершина) предполагает возможность самореализации человеком своего творческого потенциала, формирование у него готовности двигаться к вершинам жизнедеятельности и профессионализма. Разные типы культуры, формирующие определенные идеалы, нравственные образцы личностного поведения, отражают широкий спектр подходов к вопросу о смысле жизни в свете глобальных проблем современности, предлагают возможные пути развития человека, что становится особенно актуальным в переходные, кризисные периоды, характеризующиеся крайней напряженностью.

Одной из важнейших функций религии называют функцию мировоззренческую, или смыслополагающую (Э. Фромм, К.Г. Юнг). Человек становится слабым и беспомощным, если утрачивает понимание смысла того, что с ним происходит. Религия позволяет человеку на мировоззренческом уровне разрешать противоречия реального мира, достойно преодолевать жизненные невзгоды, страдания и даже смерть, так как для религиозного человека они исполнены глубокого смысла.

Двумя основными понятиями — «сакрализация» и «секуляризация» — можно описать влияние религии на общественную жизнь, на жизнь личности, а также динамику этого влияния в ходе развития общества. «Сакрализация» (от *лат.* sacer — священный) — подчинение общественной и личной жизни религиозному влиянию, «секуляризация» (позднелат. *secularis* — мирской, светский) — освобождение от влияния религии, сужение круга выполняемых ею функций. Степень влияния религии меняется в контексте

те этих двух процессов. В каждой культуре, в каждом обществе процесс сакрализации имеет свое собственное выражение и свои особенности вовлечения в сферу религиозного сознания. На ранних этапах человеческой истории признание «священного», принятие определенных символов, обрядов, типа верований осуществлялось непосредственно в процессе общения. Позднее на основе клерикализации (от позднелат. *clericalis* — церковный) происходила канонизация и догматизация вероучения, регуляция личной и общественной жизни. В процессе секуляризации в современных развитых странах меняется положение религии в обществе. Человек критически оценивает мир и не видит необходимости в том, чтобы слепо подчиняться традициям, что-то принимать на веру, а считает вполне допустимым перестраивание мира в соответствии со своими целями и возможностями.

Непосредственная религиозная практика всегда ставит человека в определенные взаимоотношения с высшей реальностью. В поисках смысла человек пытается ответить на вопрос: «Как я живу (и должен жить, чтобы достичь высшей цели моей жизни?» В процессе персонального духовного поиска смысла, в стремлении к самореализации, раскрытию личностного потенциала человек может найти в религии идеал, которого трудно достичь, но который ведет человека к конечной цели, — например, «спасение» в христианстве или «просветление» в буддизме. Психологический, теологический и философский подходы к религии отражают именно эту «идеальную» ее сторону.

Прослеживается некое единство всей религиозной жизни человечества в целом от доисторических времен до наших дней, даже если область «сакрального» имеет свое собственное выражение в каждой отдельно взятой культуре. Религиозные традиции передаются из поколения в поколение, сохраняя при этом непрерывную самоидентичность и в то же время — способность к определенному обновлению и трансформации. Сравнивая ритуальную практику в различных религиозных традициях мира, почти везде можно увидеть три категории религиозных действий: 1) обряды, связанные с движением календарного года, которые из года в год повторяются без особых изменений; 2) ритуалы, которые связаны с этапами человеческой жизни, сопровождают человека от рождения до смерти и могут продолжаться и после его кончины; 3) индивидуальный религиозный опыт, связанный с потребностями каждого отдельного человека.

Любая религия, имеющая свои писания, мифологию, верования, символы, доктрины, институты, священнослужителей и т.д., может немало рассказать о том, как люди, живущие ее духовным наследием, находят смысл своего существования. Обратимся вначале к древним, давно не существующим цивилизациям майя и ацтеков, чьи величественные памятники архитектуры поражают воображение до сих пор: на их основе возможна реконструкция «центральноамериканского космовидения». Крупные ацтекские храмы запечатлели в камне предания о великих богах; ре-

лигия ацтеков отмечена также драмой человеческих жертвоприношений. Религия майя раскрывается в символике мирового древа, священного царского сана и в идее воспроизводства времени при помощи особого календаря. Религию современной Центральной Америки можно представить на примере культа Девы из Гваделупы — это сочетание христианского культа Девы Марии с ацтекским культом богини-матери. Северная Америка, так же как и Африка, характеризуется сотнями самостоятельных религий. В настоящее время местные религиозные традиции трансформируются и взаимодействуют с христианством.

В тесном родстве друг с другом находятся иудаизм, христианство и ислам, возникшие именно в таком порядке и имеющие много общих черт. Христианство (включающее три ветви — православную, католическую и протестантскую) — наиболее распространенная мировая религия, которую исповедуют преимущественно в Европе, Америке и Австралии. Второе место по числу верующих занимает ислам (мусульманство), который объявлен государственной религией почти в 30 странах мира (главным образом в Азии и Африке). Иудаизм (национальная религия) — одна из древнейших религий, многие положения которой были восприняты христианством. Так называемые библейские земли расположены в восточной части Средиземноморья. Народ, в библейские времена проживавший там, вместе со своей религией рассеялся по всему миру. Иудаизм не знает своего основателя, хотя в его преданиях фигурирует большое количество религиозных вождей, величайшими из которых были Авраам и Моисей. Религия иудеев была создана на основании договора (завета) между Богом и людьми, о чем имеются свидетельства в божественном Откровении, известном под названием Торы. Христиане веруют в Единого Бога и в Единое Откровение, зафиксированное в Писании (Новый Завет). Основателем своей религии они считают Иисуса Христа, чью божественную природу отрицают иудеи (это лишь один из спорных моментов, существующих между христианством и иудаизмом).

Родина ислама — Аравийский полуостров; места распространения — Африка, Европа, значительная часть Азии. Эта религия появилась позже иудаизма и христианства и много заимствовала из духовного наследия Авраама и Иисуса. Подобно иудаизму и христианству, ислам призывает к поклонению Единому Богу и вере в Единое Откровение, зафиксированное в Коране. Основателем ислама является Мухаммед, его почитают как пророка. В жизни общины важное место занимает формализованное богослужение, совершаемое пять раз в день. В настоящее время наблюдается рост мусульманского присутствия в западных странах. Исламу свойственна тенденция к фундаментализму (феномен, порожденный XX веком), характерная для многих религий мира. В противовес формирующемуся секулярному (светскому) мировоззрению традиционные религии пытаются сохранить веру в сверхъестественную реальность.

Еще одно из наиболее древних религиозных наследий мира — индуизм (также относящийся к национальным религиям). Для него характерно наличие большого пантеона божеств и обряды богослужения, которые совершаются дома и в храмах. Картину мира в индуизме можно рассматривать в пяти различных измерениях — через слушание, мифологизацию, классификацию Вселенной, возвращение Вселенной на круги своя и поглощение Вселенной.

На основе индуизма возник буддизм, которому принадлежит третье место среди мировых религий (после христианства и ислама). Он распространен в Центральной и Восточной Азии. Много позаимствовав из философских идей и мифологических образов индуизма, буддизм выработал собственное универсальное учение. Основанный Буддой, он связан с его личным опытом просветления, который стал для его последователей образцом для подражания и вызвал появление многочисленных монашеских центров. В монастырях сохранились приемы медитации, разработанные Буддой. Особое внимание здесь уделяется самодисциплине и развитию внутренних сил. Главная задача — победить самого себя. Для этого необходимо совершить десять добрых личных дел, приносящих заслуги и улучшающих карму, и следовать восьмеричному пути праведной жизни, который составляют правильное понимание, правильная мысль, правильная речь, правильные действия (мирные, честные, чистые), правильное усилие (самовоспитание, самообладание), правильное поведение (непричинение страдания), правильное внимание, правильное сосредоточение. Практически такая жизнь возможна только в монашеской общине. Монахи в буддизме рассматриваются как «поле благих заслуг», с которого благочестивые миряне, соблюдая пять заповедей (воздержание от нанесения зла, лжи, кражи, от чувственных излишеств и алкоголя), могут собирать урожай.

Буддизм был перенесен и в Китай, где с древнейших времен в рамках собственной культуры складывалась совершенно особая картина мира: мир здесь рассматривается как живая система, частью которой являются представления об «инь» и «янь». В Китае существует большое количество философских и религиозных традиций. Наиболее важные из них — религиозно-мистическая деятельность даосов («дао» — путь — основной закон бытия, вечное изменение мира, независимое ни от воли богов, ни от усилий людей; поэтому люди должны подчиняться естественному ходу событий) и этическое учение Конфуция (этика ритуала), с которыми и вступил во взаимодействие буддизм, в результате чего все три учения испытали взаимное влияние. Согласно китайским религиям, человек обретает силу приведением себя в гармоническое соответствие с сакральным пространством и сакральным временем. Китайское мировоззрение не проводит резкой границы между богами и людьми. Здесь люди и боги являются частью одной системы: человек может стать божеством, а боги часто принимают человеческий облик.

Долгое время объектом культурного и религиозного влияния Индии и Китая была Япония. Буддизм, конфуцианство и даосизм, попав в Японию, соединились там с исконной религией синто. Японскую картину мира рассматривают как «множество дорог, ведущих к единому священному пути».

Большинство религий, за исключением джайнизма (Индия) и буддизма, содержат развитую доктрину о сотворении мира. Оно сопровождается своего рода отчуждением от первоначальной чистоты; зло проникает в мир с момента его сотворения и проявляется в непокорности человека Богу. В христианстве, например, падение связывается с первородным грехом, в религиях Индии причиной страданий считается незнание человеком собственной природы, в буддизме — нарушение кармы. Во всех религиозных традициях доминирующей является тема вечной жизни. В христианстве это идея воскресения, в даосизме — поиск бессмертия. В религиях Индии подчеркивается процесс постоянных перерождений, который определяется законом кармы и продолжается до тех пор, пока душа не обретет освобождения, и от того, как мы живем сейчас, зависит то, кем мы будем в следующих воплощениях.

Центральное место в системе любой религии занимает вера. Исходя из гносеологической характеристики религиозной веры, можно выделить особенности ее соотношения со знанием. Нерелигиозная вера отличается от знания, но не противоречит ему; религиозная вера всегда несовместима с ним. Постичь Бога, «сакральное» (от *лат.* святость) можно лишь с помощью веры.

Социальная роль религии оценивается разнопланово. Э. Фромм в работе «Психоанализ и религия» выделяет две основные тенденции, которые присущи в той или иной степени всем религиозным учениям: гуманистическую и авторитарную. Под гуманизмом он понимает определенный тип мировоззрения, утверждающий самоценность человеческого бытия, стимулирующий возможности его самореализации. Это ранний буддизм, даосизм, учения пророка Исайи, Иисуса Христа. Гуманистический потенциал религии состоит и в том, что она возвышает человека над природой: христианство, например, изменило характер духовной жизни общества, подняв его на более высокий уровень. Иисус Христос фактом своего воскресения преодолел обреченность человека на смерть, предложил ему путь к бессмертию, победив природную необходимость. Христианский опыт, постигаемый мыслью и любовью, развивает способность любви к Богу, к другому человеку, позволяет почувствовать единство всех живых существ. Гуманистический потенциал религии реализуется через формирование духовной жизни человека. Духовность — это область связи человека с Абсолютом, с Бытием как таковым.

Авторитарная тенденция в религии связана с признанием некоей внешней силы, управляющей судьбой человека и требующей послушания и поклонения; отказ от послушания означает совершение греха.

Функционирование религиозных систем в социальном контексте связано с формированием отличающихся друг от друга и противоречащих друг другу вероучений и культовых систем. Содержание каждого вероучения считается безусловной, исключающей все остальные, истиной. Претензия каждой религии на исключительность, пишет Э. Фромм, — не аномалия, не извращение основ вероучения какими-то людьми. Она основывается на первоисточниках религии: Библии, Коране и других подобных документах. Она заложена в самом смысле понятия «откровение», которое Бог через пророков дает людям — точнее, только тем из них, кто в этих пророков верит. Более того, противостояния проникли вглубь самого христианства, между христианскими конфессиями — православием, католицизмом и протестантизмом. Факт наличия многообразных религиозных организаций со своими вероучительными документами и культом ведет к развитию дегуманизирующей, авторитарной тенденции. Религиозные противоречия часто переплетаются с расовыми и национальными, приводя к возникновению долго незатухающих очагов напряжения. Поэтому так важны взаимная терпимость в вопросах веры, уважение друг к другу верующих и неверующих, а также представителей разных конфессий и религиозных традиций, стремление решать конкретные проблемы их существования и взаимодействия на основе диалога.

Смысл жизни, высшие духовные ценности, совесть — это проявления духовности личности. Духовность человека позволяет ему ответственно следовать высшим образцам нравственности, мировой и национальной культуры. Православие свыше тысячи лет во многом определяло бытие человека на большей части территории России, и в то же время в XXI веке оно оказалось религией меньшинства. Незнание духовных ценностей и традиций православной культуры приводит к тому, что наши соотечественники начинают охотнее обращаться к разнообразным духовным практикам, техникам и средствам оздоровления, пришедшим с Запада и Востока и не имеющим корней в нашей жизни, поэтому увлечение ими чревато личностным кризисом. До принятия христианства Россия была языческой страной, поэтому проблема языческого сознания даже в среде верующих спустя тысячелетие после Крещения Руси очевидна. Языческие предрассудки генетически восходят к славянскому язычеству и другим языческим религиям, бытовавшим у народов России.

Из истории христианства известно, что первые восемь веков Церкви Востока и Запада были объединены. Древний Рим был православным, а для решения ряда вопросов созывался поместный, или Вселенский, собор. Раскол произошел в 1054 году: Римская империя распалась на Западную (католическую) и Восточную (православную). Протестантизм (от *лат.* — провозглашение, торжественное заявление) — третье направление христианства — возник в XVI веке в результате антикатолического движения Реформации, охватившего ряд стран Европы. Он распространился в Германии, Швейцарии, Англии, Швеции, Дании,

Норвегии, проник во Францию, Голландию, Бельгию, Чехию и другие страны Европы, а с XVII века начал распространяться и в заморских колониях европейских государств. Затем протестантизм распался на множество церквей и течений: лютеранство, англиканство, кальвинизм и т.д.; еще позже возникли новые течения — реформаторство, баптизм, адвентизм, пятидесятничество и другие.

После падения Византии в XV веке центром православия — христианства понятного, как великая Красота (*Ельчанинов*, 1992) — стала Россия. В русской культуре православная духовная традиция задает устойчивую систему ценностей, основанную на простых и чистых евангельских истинах — вере, надежде и любви. Человек воспринимается православной антропологией как существо с установленной Богом иерархией: тело подчиняется душе, душа — духу, дух — Богу. Условием здоровья всех составляющих является соблюдение данной иерархии, пребывание духа человеческого в Боге.

Главный вклад христианства в человеческую культуру — идеал всеобъемлющей любви как основы бытия. Любовь эту принес Иисус Христос, показал реальность ее в жизни и смерти. Вот что говорится в Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего, я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 43-44). Бог к нам милостив не потому, что мы заслуживаем любовь или милость. Он просто Любит нас. Весь же смысл жизни человека — только в том, чтобы любить Бога, любить ближнего и чтобы все творилось во имя этой любви.

Святой апостол Павел дает определение любви в первом послании к коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя пророчества прекратятся и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13. 4-8; 13). Любовь и есть сущность всего закона Божия. В книге «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» (1995) митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн пишет: «Русскому народу определено хранить истины православия «до скончания века» — второго и славного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа. В этом смысл его существования, этому должны быть подчинены все его устремления и силы». Слова преподобного Серафима Саровского: «Господь и Пресвятая Богородица приведут Россию путем страданий к великой славе» перекликаются со словами акафиста в честь чудотворной иконы Владимирской Божией Матери: «Имея в себе благодатное сокровище икону Твою Владимирскую преуспеваше от силы в силу Отечество наше».

Агентство региональных политических исследований (АРПИ) в рамках еженедельного дайджеста оперативной социологической информации на базе политических исследований (2003 г.) представило результаты опроса, касавшегося вероисповедания наших граждан. Подавляющее большинство опрошенных (70%) ответили, что исповедуют православие. Доля приверженцев ислама составила 4%. Другие религии были упомянуты в 2% случаев. Не исповедуют никакой религии 23% респондентов; 1% опрошенных отказались дать ответ на этот вопрос. Опрос проводился более чем в 84 городских и сельских населенных пунктах в 28 субъектах Российской Федерации, во всех федеральных округах страны (Православная газета..., 2003).

Различные религии реализуют себя на практике по-своему при помощи коллективных богослужений и празднеств или индивидуальных молитв и медитаций, формируя религиозную систему взглядов на мир, место человека в мире, принципы жизни личности и социальных групп. Каждая религия вырабатывает свою ценностную систему в соответствии с особенностями вероучения и позволяет человеку на мировоззренческом уровне разрешать противоречия реального мира, давая ему возможность обрести смысл своей жизни.

Литература

- Ельчанинов А.* Записи. М.: Советская Россия, 1992.
Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1976.
Религиозные традиции мира: В 2 т. / Пер. с англ. М., 1996.
Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов: Надежда, 1995.
Фромм Э. Психоанализ и религия // Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
Православная газета «Вера Отцов». Орел. Май, 2003. № 5 (54).

Ходырева Е.А. (Ульяновск)

Психология девиантной религиозности в современном обществе

Вопрос девиантной религиозности сложен тем, что его рассмотрение в значительной мере зависит от сферы предпочтений исследователя и той позиции, которой он придерживается. Так, отклоняющимся (девиантным) вариантом поведения с точки зрения атеиста будет поведение в рамках любой духовной традиции. Еще французские философы-энциклопедисты говорили о том, что «невозможно попасть в рай одной религии, не оказываясь в аду всех остальных». То, что является необходимым и благочестивым с точки зрения одной духовной традиции, губительно и совершенно недопустимо в другой.

Особенность традиционных духовных течений, религий — таких как христианство, ислам, буддизм — в том, что они, так или иначе, спо-

собствовали не только духовному росту людей, но и сохранению их здоровья, в том числе психологического. В любой духовной традиции, существующей на протяжении нескольких тысячелетий, сливаются определенная система воззрений на мир и человека, личностный максимум, соответствующий традиции (Иисус Христос, Будда, Магомет) и наиболее полно ее выражающий, и пути, приводящие к этому личностному максимуму, то есть практика жизни согласно данной традиции. Духовная традиция содержит ценности, нормы, систему нравственных оценок, на которые ориентируется человек в своем опыте духовной жизни или в том, что он считает таковым.

Перед любым человеком хоть раз в жизни встает вопрос о смысле собственного бытия, собственных смыслах жизни; у него возникает потребность их разумного объяснения. Существует фундаментальное разделение в направлениях поиска ответов на смысложизненные вопросы — религиозный и атеистический пути. Как пишет известный богослов А.И. Осипов (2002), средним, промежуточным по отношению к ним выступает путь агностицизма, который, по существу, отрицает в человеке способность дать удовлетворительный и полный ответ на главные мировоззренческие вопросы. Путем, позволяющим убедиться в бытии или небытии Бога, является только путь религиозной жизни. Атеистическое направление смысложизненного поиска не дает ответов на эти вопросы в силу того, что оно не имеет и в принципе не может иметь каких-либо фактов, свидетельствующих о небытии Бога и мира духовного. Познаваемый человеком мир бесконечен, человеческие познания ничтожны по сравнению с миром непознанного, поэтому, если бы даже Бога не было, это оставалось бы вечной тайной для человечества, в которую можно только верить, но которую нельзя знать. Кроме того, атеизм не в состоянии ответить на важнейший вопрос: «Что нужно сделать, дабы убедиться в том, что Бог не существует?» Без ответа на этот вопрос атеизм сам оказывается слепой верой. Поэтому для убеждения в том, что Бог есть, есть истина и смысл жизни, добро и зло, обладающие своей природой, человечеством выработан фактически только один путь — путь религиозной жизни. Иного способа проверки гипотезы о существовании Бога просто нет. И религиозная жизнь для действительно, а не номинально верующего человека открывает особый духовный мир, Бога и бесконечное, богатое многообразие духовных переживаний, которые другому человеку, даже прекрасно знающему внешнюю сторону религии, невозможно передать словами.

В духовной традиции соединены религиозная мысль и религиозная жизнь. В православной духовной традиции вопрос соотношения ортодоксии и ортопраксии — правильной веры и правильной жизни — является на протяжении веков одним из самых болезненных и конфликтных. В то же время это вопрос ключевой, понятия эти взаимосвязаны и взаимообусловлены. На стыке их и возникают проблемы религиозного девиантного поведения.

Девиантная, или отклоняющаяся, религиозность, с нашей точки зрения, — это религиозность, в которой на первый, ведущий план под видом религиозно-мотивированных поступков выступает реализация каких-либо действий, не имеющих, по существу, никакого отношения к духовному максимуму устоявшейся религиозной традиции. Собственные психологические защиты, скрытые выгоды, безудержное стремление к власти над умами и силами — движущие импульсы отклоняющейся религиозности. Мы будем рассматривать феномены психологии девиантной религиозности главным образом на примере православной духовной традиции как основополагающей для большинства населения России, ее истории и культуры в течение многих веков. Кроме того, в православной духовной традиции были выделены критерии, нормы и образцы нормальных и отклоняющихся, нездоровых, вредных форм религиозного поведения. Опыт покаяния, познания собственной души, ее преображения, восхождения к Богу, опыт Святых Отцов, подвижников, преподобных, мучеников, исповедников, опыт духовников, простых приходских священников, ежедневно погружающихся в пучину человеческого горя, страстей, грехов, не только констатирующих или просто выслушивающих, но в первую очередь разделяющих боль страдающих людей, — отражен и преображен в этих нормах и образцах духовной жизни.

Кто для нас верующий? Какой/-ая он(а)? Что для нас самих скрывается за стереотипом «христианин»? Что сами мы понимаем под «духовностью»? Что есть девиантная религиозность? Ведь если есть девиантная религиозность, то есть и религиозность «нормальная». Воспитание в духовной традиции предполагает, как минимум, знание нормативов этой духовной традиции. В православном богословии есть раздел так называемого апофатического богословия — знания о том, что не есть православие, что не есть норма православной духовной жизни. На основе теоретического анализа психологической и святоотеческой литературы, практики воцерковленной жизни мы выделили следующие формы девиантного религиозного поведения: а) суеверие и оккультизм; б) сектантство и деструктивное сектантство; в) религиозный фанатизм; г) феномен «неофита»; д) извращение традиционных религиозных моделей поведения. Дадим им краткую характеристику.

Суеверие и оккультизм. Согласно словарю В.И. Даля, «суеверие, суеверство — ошибочное, пустое, вздорное верование во что-либо: в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, приметы, знамения; вера в причину и последствие, где никакой причинной связи не видно» (*Даль*, 1982, с. 357). Суетная, напрасная, бесполезная, мирская вера в сознании людей противопоставлялась «духовному, разумному, нравственному, премудрому, относящемуся до духа, до будущей вечной жизни и до спасения души». Разнообразные приметы, «счастливые» и «несчастливые» дни, вера в гороскопы — все это простые и знакомые примеры бытовых, обыкно-

венных суеверий. Святые отцы говорили: «Где перестает быть настоящая вера, там начинается суеверие».

«Массовое сознание в России, да и во всем мире, сегодня скорее оккультное, нежели христианское», — считает дьякон Андрей Кураев, известный церковный публицист. Атеистическое сознание не могло и не может перейти хотя бы в рациональное, не то что в христианское — оно обязательно застревает на откровенно языческих формах. Только этим и можно объяснить распространенность оккультных и колдовских практик, уверенность в существовании «сглаза», «порчи» и каких-то особых заговоров на все случаи жизни. Редкая газета сейчас обходится без публикации гороскопов и реклам колдунов и экстрасенсов, магов и астрологов. Уступая возросшему интересу россиян к православию, они мимикрируют под «матушек» и «бабушек», прикрывая оккультный и колдовской характер своей «работы» видимой «церковностью», окружая себя православной атрибутикой — иконами, свечами и прочим. Распространенность этих феноменов приобрела значительный характер и влияет на жизнь и психику людей.

Сектантство и деструктивное сектантство. Дэвид Майерс в книге «Социальная психология» определяет секту как группу, обычно характеризующую: 1) особым ритуалом поклонения Богу или человеку; 2) изоляцией от окружающей «злой» культуры; 3) наличием харизматического лидера (ересь, в отличие от секты, есть лишь ответвление официальной религии) (Майерс, 1997, с. 81). Большая Советская энциклопедия дает сектантству следующее определение: «Сектантство (*лат.* — “школа, учение”) — общее название различных религиозных групп, общин и объединений, отделившихся от господствующих направлений в буддизме, исламе, иудаизме, христианстве и находящихся в оппозиции к ним.Сектантство остается антиобщественным и реакционным. Для сектантов характерны религиозный фанатизм, проповедь аскетизма и отказ от мирской жизни, психология избранничества» (БСЭ, 1985, т. 15, с. 190).

Духовный тоталитаризм, так же как и политический, имеет своей целью захват власти над людьми, но только с помощью религиозных вероучений. В своей работе «Как нам уберечь Россию?» митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский о. Иоанн (Снычев) приводит яркие признаки тоталитарной секты.

1. Тоталитарные секты отличаются не только убежденностью в том, что все кроме них неизбежно погибнут, но и радостью по этому поводу.

2. Каждая секта считает, что только она нашла единственно правильный путь богопознания и что Бог поручил ей поведать о Нем всему миру.

3. Всякая секта оперирует неким тайным учением, которое скрывается от непосвященных, и главные моменты его сообщаются только после обращения в веру, когда обратного пути уже нет. Это, в основном, отречение в какой-то форме от Христа и ограничения в образе жизни членов секты.

4. В секте, по мере посвященности, собственно религиозное вытесняется служением не Богу, а интересам организации, которые всецело определяются интересами ее лидеров. Связь с Богом заменяется на преданность человеку — учителю, или группе лидеров, которые действуют от его имени (о. Иоанн, 1993, с. 81).

Необходимо отметить, что на первый план в квалификации того или иного объединения как секты выходят не верования, а поведение и способы воздействия на личность, затрагивающие права человека, его достоинство и свободу. Это манипуляции сознанием с помощью внушения и навязывания некоего учения, контроль за сознанием членов секты, психологическое, а иногда и физическое насилие с целью сломить волю человека. К сожалению, многие нетрадиционные религиозные организации, пользующиеся скандальной известностью как деструктивные культы или тоталитарные секты, в последнее время получили развитие в России, пользуясь обстановкой экономического, социального и духовного кризисов. Психологическое воздействие, определенные методы вербовки, контроля сознания позволяют вовлекать в секты наиболее талантливых и неординарных людей самого цветущего возраста. У членов сект изменяются ценностные ориентиры и установки, приобретенные в традиционной культуре в процессе обучения и межличностного общения, то есть меняются свойства личности, связанные с психологической адаптацией к социуму. Часто одной из причин вовлечения в культы молодых людей является поиск в условиях тревожной и напряженной жизни нашего общества новых смыслообразующих ценностей, духовной и социальной защиты при отсутствии у людей религиозных и психологических знаний. Негативное изменение личности и изоляция от окружающего мира вовлеченных в культы людей часто приводят к разрыву семейных отношений, что приносит многочисленные страдания их семьям и родственникам.

Итак, сектантство как один из видов девиантной религиозности, и в особенности деструктивное сектантство, приводит к разрушению личности. В физическом плане человек истощается, ослабевает из-за неполноценного питания, недостаточного сна, ежедневной напряженной работы по обслуживанию руководителей секты и изучению многочисленных материалов духовного направления. В психическом плане человек утрачивает способность к критическому суждению об окружающей действительности, искажаются его убеждения, касающиеся общественно-полезного труда, семейных и родственных обязанностей, защиты интересов своего народа и государства. В умственном плане происходит обеднение всех областей знания, не связанных с верованием секты, потеря профессиональных навыков и стремления к учебе и получению специальности, что приводит к дальнейшему разрушению интеллекта человека. В социальном плане появляется враждебность ко всем лицам, к членам своей семьи (родителям, детям, супругам), не являющимся членами секты, и ко всей системе функционирования общества и государства. Лично-

стные деформации достигают такого уровня, что внушение лидера секты способно преодолеть даже инстинкт самосохранения. Сотни самоубийц, шахидов, камикадзе готовы не только умереть сами, но и унести с собой жизни ни в чем не повинных людей.

В этой связи необходимо обратить внимание на такой вид религиозного отклоняющегося поведения, как **фанатизм**. Для него характерны:

а) наличие «внутренней» доктрины — только для использования внутри культа и «внешней» — фасадной или чисто рекламной — для внешнего окружения;

б) формирование убеждения в том, что цель оправдывает средства, то есть любое действие приемлемо постольку, поскольку оно способствует достижению целей группы;

в) индоктринация (внушение) тоталитарного мировоззрения, приводящего к преобладанию групповых целей над индивидуальными, к оправданию аморального поведения при претензии на добро;

г) внушение того, что верования группы представляют абсолютную истину и они выше мирового закона;

д) членство в группе (в общине) дает доступ к особым силам и привилегиям (*Канатова*, 1998, с. 6).

Фанатизм часто выступает в сочетании с радикализмом, призывающим к уничтожению какого-либо народа, объединения, государства. Так, например, в качестве врагов, подлежащих немедленному уничтожению, могут выступать «неверные», русские, евреи — все, кто каким-либо образом мешает или воспринимается как мешающий (*Алабай*, 2001, с. 18). Агрессия, силовое давление, насилие в адрес несогласных и «неверных» являются как бы «визитной карточкой» фанатика.

Толерантность как противоположная фанатизму и нетерпимости категория подразумевает устойчивость к отличающимся культурам, верованиям, убеждениям, терпимость к проявлению иного рода нравов, идей, привычек. Это и принятие «Другого» как ценности, признание того, что «Другой» — равный во всех смыслах человек, со своей жизнью, своими радостями, болью, печалью, стремлениями. Базирующееся на идее диалога, понятие толерантности способствует пониманию уникальности того, кто рядом, хотя и отличается — цветом кожи, одеждой, мнениями...

На вопрос о девиантной религиозности и связанных с ней угроз психологической безопасности личности чисто теоретического ответа уже недостаточно. Перед современным обществом стоит проблема выживания в условиях повышенной опасности, исходящей от фанатически настроенных, нетерпимых людей, мотивирующих свои разрушительные действия верой. Остановить их, убедить их в том, что тот, кто рядом с ними, также заслуживает любви, принятия и сострадания, — задача, требующая усилий не только политиков, но и психологов, религиозных деятелей и, конечно же, всего общества в целом.

Феномен «неофита». Период существования в качестве неофита можно обозначить как «духовное младенчество», когда человек только-только делает первые шаги в духовной традиции. Он примеривает на себя образцы поведения, нормы, ценности нового окружения, изумляется идеалам новообращенной религии. Журналист Г. Дублинский в статье «Осторожно: неофит!» пишет: «Японская поговорка гласит: “Когда в семье рождается ребенок, вся семья учится говорить”». Перефразируя эту восточную мудрость, можно, к сожалению, сказать: «Когда в семье появляется христианин, все его близкие становятся мучениками». Если сейчас эти строки читает один из таких близких, думаю, он со мною согласится. Неофит часто очень энергично включается в духовную традицию, с «рвением не по разуму» старается преобразить жизнь свою и своих близких, давит, убеждает, заставляет, невзирая на сопротивление. Неофиты почти всегда смело высказывают свое мнение о тех событиях и вещах, которые им едва знакомы. Силясь постичь духовную традицию, духовную практику, они не удерживаются на общих, мировоззренческих, смысловых моментах, если можно так выразиться, у них не хватает душевных сил на духовное: «Любите друг друга, и так исполните закон Христов». Из этого проблемного состояния неофиты выходят в тщательное и буквоедское следование разнообразным преданиям и установлениям.

Свойственная современным православным неофитам черта — избегание ответственности за свою жизнь и перекладывание ее на духовника. Неофит увлекается собирательством различных мнений «старцев», высказывающихся даже по таким ничтожным поводам, как «куда девать найденное? можно ли пить водку в пост?» и тому подобным. «У него вся вера состоит в выискивании и исполнении каких-то написанных предписаний, так происходит подмена подлинной веры обрядоверием» (Смирнов, 2003). На своих домашних, которые сопротивляются такому «воцерковлению», неофиты обижаются, смотрят на них как на врагов. «Неофит, воспитанный в советском обществе, склонный к тоталитаризму и чуждый христианской духовности, придя в Церковь, часто начинает действовать по этой, родной ему схеме. Он, естественно, стремится к Богу и святости. Не ориентируясь в духовной жизни, он первым делом силится выпитать в себя всю внешнюю сторону, чтоб не отличаться от окружающих, на это уходит много сил. Он стремится к конкретной цели, которая всегда есть в конце пути. И, сам того не ведая, творит себе Бога “по образу и подобию своему”, проецируя на Него качества своего Я. Потому что в реальном своем душевном состоянии самое большое, на что мы способны, — это либо наделить неведомый, но вожеленный объект чертами, присущими нам самим, либо теми, которых, как мы считаем, у нас нет (вожеленными чертами своего Я). Но когда Бог — отражение наших мыслей о том, каков Он должен быть, — никакого объективного Богопознания не получится. Таким образом, это путь тупиковый» (Егорова, 2003). Он вовсе не безо-

биден. Но когда человек переболеет какими-то церковными недугами, он начинает их лучше видеть и замечать.

Для людей, неутвержденных в вере, некоторые вопросы — по существу, частные — приобретают весьма болезненный характер. Это группа эсхатологических вопросов — о конце света, приходе Антихриста, разнообразных пророчествах. Злоупотребления в практике духовного руководства усугубляют ситуацию и негативно сказываются на психологической безопасности верующего. Связанные с этим проблемы вызвали «Постановление о младостарчестве», в котором говорится о недопустимых методах духовного руководства, оборачивающихся трагедией для пасомого. В результате он переносит конфликт, несогласие с духовником на Церковь в целом и нередко становится легкой добычей сектантов.

Проблема неопитства как девиантного состояния возникла сравнительно недавно, когда в православие пришли люди, до этого ему совершенно чужие. У них не было и нет живой традиции, нет навыков жизни в вере, и беда в том, что традиционная церковная культура, организации жизни, жизненных — не только бытийных, но и бытовых — норм в духовной традиции были утрачены. Некому показать норму жизни в традиции, а те, кому посчастливилось вырасти в семье с навыками православной жизни и веры, часто не могут внятно объяснить, почему надо делать так, а не наоборот. Живую традицию часто сохраняли именно люди некнижные, малообразованные, хотя и с живым чувством правильного. Поэтому в последние годы столь велик спрос на литературу, в которой бы описывалась обыкновенная православная жизнь на бытовом, организационном уровне. Эту пустоту попытались заполнить репринтными изданиями прошлых веков. До сих пор незаменимым источником знаний о православном быте остается шмелевское «Лето Господне», невзирая на то, что, по существу, там представлен быт в прошлом старообрядческой семьи: святочные гадания мирно соседствуют с Таинствами, а священство и общение с ним представлены с точки зрения быта. Шмелев красочно, с чувством описывает еду, ярмарки, роскошь праздников, когда главными героями именин выступали блюда и напитки на столах. Этого так часто не хватало в недавнем прошлом советскому человеку, оторванному не только от духовной, но и от нормально устроенной повседневной жизни.

Однако жизнь в нынешних условиях довольно резко отличается от жизни прошлого и позапрошлого веков. Большая информационная насыщенность, скорость социальных процессов, изменение отношений и норм, ценностей общества ставят человека перед необходимостью сочетания религиозной и социальной жизни. Как православному реализовать свои новообетенные жизненные смыслы? Часто человек идет по пути, как ему кажется, наименьшего сопротивления и резко отбрасывает все «мирское». Проблема, однако, в том, что и его представления о «мирском» иллюзорны, не проверены ни временем, ни советом духовника. У неопитства столь же часто возникают проблемы авторитета, дисциплины и послу-

шания. Нередко еще недавно совершенно далекий от церковной жизни человек, почувствовав себя «воцерковленным», начинает резко критиковать решения и высказывания священноначалия и даже патриарха. Не зная жизни, не видя реальной обстановки, не понимая сути проблем, неопит дерзает решать глобальные церковные вопросы, смущая и себя, и других — таких же, как и он сам.

Духовное чутье, умение различать правильное и неправильное дается не всем и не сразу. Неопит выходит из одной среды с ее требованиями, верованиями, ценностями и нормами и попадает в духовную традицию, обладая определенным опытом. Часто он пытается сохранить то, что было для него «нормально» в доцерковной среде, «несет свой устав в чужой монастырь» и обижается, если его попытки протолкнуть в духовную традицию что-то совершенно ей не соответствующее из прошлой жизни наталкиваются на непонимание и объяснения, почему это чуждо. Неопиты из интеллигентской среды, обращаясь в православие, сетуют на «темноту» и «необразованность», «упертость» духовенства, препятствующего их творческим попыткам переосмысления святоотеческого духовного наследия в духе Бердяева, Толстого, Рерихов, Лазарева и многих других «учителей». Напротив, неопиты из «некнижных» людей, простецы, тяготеют к чрезмерному подчеркиванию обрядовой стороны традиции, магизму в восприятии церковной жизни, увлекаются поисками чудес и «прозорливых старцев», которые не медлят явиться.

Психологическая безопасность верующего, сохранение ее, сохранение и развитие личности — все это сложные и неоднозначные вопросы. Знакомство психологов с православной духовной традицией (подчеркнем — в психологическом ключе) может оказать действенную помощь при работе с жертвами тоталитарных сект и оккультизма. Понимание духовной сущности процессов, происходящих в душе и личности человека, подвергшегося их воздействию, зачастую затруднено из-за непринятия во внимание именно духовного аспекта. В психологической науке сейчас становится актуальной проблема выделения заболеваний, коренящихся именно в сфере духа, — страсти, некротимая гордыня, разнообразная формы зависимости, феномен одержимости, дисморфомания. Следует отметить, что интерес к этим явлениям возник в среде медицинских и клинических психологов, столкнувшихся с тем, что данные явления не могут быть рассмотрены с точки зрения психиатрии — их носители вменяемы в повседневной жизни, а патологическая симптоматика проявляется у них только при соприкосновении с освященными предметами, святой водой, при участии в Таинствах.

Основные виды девиантного религиозного поведения, упомянутые нами, могут быть выражены в большей или меньшей степени, выступать в сочетании или одиночно. Но в любом случае в основе их появле-

ния и существования лежит комплекс причин, главной из которых является религиозная необразованность, неинформированность людей о духовных традициях и возможных последствиях увлечения ими. Психологическая неустойчивость к убеждениям, внушениям и гипнотическим воздействиям, сформировавшаяся в какой-либо критической ситуации (социальный и личностный кризис, материальное неблагополучие, болезнь, потеря близких), делает человека повышенно уязвимым для влияния на него извне — в частности, для сектантского влияния. Проявление разумной осторожности, сдерживание неразумной самоуверенности и любопытства, здравый смысл в оценке событий и явлений помогают противостоять девиантным тенденциям в религиозной жизни личности.

Литература

Алабай Шломо. Кто остановит террор? // Лехаим. 2001. № 3.

Большая советская энциклопедия. М.: Политиздат, 1985. Т. 15. Статья «Секта».

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1982. Т. 4.

Егорова Н.В. Темный сад. <http://www.light.orthodoxy.ru>.

Канатова Л.В. Социально-психологическое воздействие культов (сект) и характерные черты их последователей (на основе культа «Свидетели Иеговы»): Дипломная работа. СПб: СПбГУ, 1998.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.

Митрополит Иоанн (Снычев). Как нам уберечь Россию? СПб., 1993.

Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. 4-е изд. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002.

Протоиерей Д.Смирнов. Непростые вопросы. <http://www.light.orthodox.ru>.

РАЗДЕЛ VII. СМЫСЛ ЖИЗНИ, АКМЕ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Киселев А.А. (Москва)

Круг жизни. Пушкин и русские писатели

Такими словами — «Круг жизни» — можно охватить нестареющую в нравственных прозрениях прозу М. Пришвина, а также его литературный путь. Это слова о смысле жизни. Он пишет в дневнике: «Видел когда-то Рублева и Рафаэля и ничего не понимал, а теперь я сижу в глуши, ничего не вижу и все понимаю. И я такой рассчитанный на долгую жизнь, а другой (Лермонтов) рожден, чтобы вспыхнуть сразу весь. Хотите сразу стареть, как Лермонтов, или жить, как я, долго-долго под хмурыми тучами и с каждым годом чувствовать, что тучи мало-помалу расходятся и вот-вот покажется солнце» (*Пришвин, 1975, с. 199*).

Можно представить себе «круг жизни» по-житейски: как полноту прожитых дней. Но пришвинское определение противостоит бытовому пониманию: «Река питается скрытыми родниками: все ею пользуются, а за рекой родники. Так и у писателя пишется. А пишется тем, что у него за душой. И все мы потихоньку спрашиваем: а что у него за душой?.. Все знают, что за душой у Пушкина, Лермонтова, Фета, Блока» (*Пришвин, 1975, с. 199*).

В «круг жизни» писателя входят время, пространство, Вселенная. Самый замечательный пример — Пушкин. В трагическом 1941 году Пришвин написал: «Эти дни суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра I и всех нас будут замечательнее всех дней». Пришвин объяснил, почему: «Я подумал: сколько чугуна пошло на Днепрострой, на Донбасс, и все взорвано, страна пуста, как во время татар или в “Слове о полку Игореве”. И вот оно, Слово (книги, которые он привез в Усолье Ярославской области, где жил в войну. — *А.К.*), и я знаю: по Слову все встанет и заживет» (*Пришвин, 1987, с. 94—95*). Восприятие жизни через Слово у народов исконно, преемственно и священо. Пришвину дано было понять многие загадки образного мира литературы — например, образа Мстителя в «Страшной мести» Гоголя: встал над миром страшный всадник — мститель за поругание жизни самой, но, оказывается, всадник тот — с мертвыми очами, он вне «круга жизни». Извечный закон — «зуб за зуб» — опровергнут гоголевской силой художника. Влияние великого искусства — очищающее, спасительное.

Этой проблеме посвящена пришвинская «Повесть нашего времени» — о страшной войне 1941—1945 годов. «Круг жизни», оказывается, не имеет хронологических границ. Рассказчик в повести, Алексей Мионович, заключает: «Опыта нашего личного не хватает, и надо много жизней связать, чтобы начальное событие могло видеть свой прекрасный конец» (*там же*, с. 115). Об источниках пришвинского оптимизма догадаться несложно: он убежден, что прекрасное изъять из жизни нельзя.

«Круг жизни» Пушкина предстает перед читателем в своей биографической полноте (благодаря пушкиниане) как средоточие всякого жизненного смысла. Такова его феноменальная сущность. Невозможно представить себе выдающихся русских писателей вне пространства пушкинского художественного мира, вне его благотворного влияния. Самые могучие из них вошли в пушкиниану своими суждениями о поэте. Видя в Пушкине образец для подражания, себе они давали самые беспощадные самооценки. Блок, вынесший себе приговор за апофеоз революции в поэме «Двенадцать», в конце своего жизненного пути написал стихотворение «Пушкинскому дому». Трагическая М. Цветаева жила в состоянии сотворчества с поэтом и пушкинианой (книга «Мой Пушкин»); не менее трагический Маяковский написал «Юбилейное», А. Ахматова немислима вне пушкинского мира. Пушкин был душой книг Б. Зайцева, И. Шмелева — писателей христианского умонастроения. У них своя пушкиниана. Пушкин классичен, он — в проявлении совершенства, художественной реализации идеала. В «круге жизни» Пушкина оказались все произведения русской литературы, написанные со времени его трагической гибели доднесь. Пушкин — созидатель. На фоне его личности и творчества проявились как разрушительность нигилизма, так и величие христианской этики Достоевского и Тютчева. Достоевский стал единственным в своем роде первооткрывателем Пушкина как начала, противоположного радикализму, либерализму, экстремизму, космополитизму, капитализации, экологическому разрушению материи жизни на планете конца XIX — начала XX веков. В юбилейной речи 1880 года, посвященной открытию памятника Пушкину в Москве, он объяснил России саму Россию. Это открытие, сделанное Достоевским, остается непревзойденным по силе проникновения в «тайну» Пушкина, столь значимую в универсальном смысле.

Показательно, что в пришвинских дневниках (360 печатных листов) Пушкин — сквозной мотив записей. Они многочисленны и возникают на уровне творческих озарений: «Боже мой, как трудно быть писателем! Такая Голгофа!.. Настоящим писателям никогда не жилось хорошо, начиная с самого Пушкина» (*Пришвин*, 1957, т. 5, с. 368—369). О своей золотой книжной полке писатель замечает: «Пушкин был единственный, и Толстой, и Гоголь. Таких чемпионов в искусстве называют классиками» (*там же*, с. 477). Светоносный Пушкин спутствует Пришвину в несении писательского креста, что и подтверждают дневниковые записи. Пришвинский Пушкин — одна из малых страниц великой пушкинианы, ибо ее

авторы, не только пишущие о Пушкине «для себя», но и корифеи русской мысли и слова — В. Соловьев, Д. Мережковский, В. Розанов, Л. Шестов, М. Гершензон, В. Иванов, С. Булгаков, А. Карташев, В. Ильин, И. Ильин, Г. Федотов, С. Франк, Ф. Степун, В. Ходасевич, П. Струве — это писатели, философы, богословы, раскрывшие будущему содержание слов «Пушкин — это наше все» (сама эта фраза, ставшая крылатой, принадлежит А. Григорьеву). Можно отметить грандиозность исполненной этим поколением пушкинианы. Свидетельством ее чрезвычайной актуальности и являются дневниковые записи Пришвина. «От одного отца я родился, таким, как я теперь сделался за свою жизнь — я многим отцам обязан, и среди них — Пушкин. Когда мне удастся написать такое, чему я обрадуюсь, я это показываю мысленно Пушкину, и случалось в мечтах моих — Пушкин меня обнимал» (*там же*, т. 6, с. 596).

Пушкиным в литературе поверяется истинное, высокое, антиномичное пошлости и подделке. Пушкин прост, доступен, естествен, всем близок. Секреты такого состояния — в пушкинской личности, отсюда биографизм его творчества в глазах читателей и пушкинистов. Дело не в технике и уровне мастерства, а в самом поэте. Его творчество — это круг жизни, в котором истоки, начала, свершения, прозрения и трагедия смерти. Таков взгляд В. Соловьева, не согласного с мнением о том, что дуэль отняла жизнь у Пушкина преждевременно. По Соловьеву, жизненный круг поэта завершен, в нем нет усеченности и неполноты: «Жизнь его не враг отъял — он своей силой пал, жертва губительного гнева».

Если говорить с позиций акмеологии, такая точка зрения предполагает наличие в жизни и произведениях поэта узловых моментов, в которых проявляется гений, хотя слово «микроакме» по отношению к гению не очень подходит — каждое из перечисленных ниже произведений («Пророк», «К морю», «Подражание корану», «Дар напрасный, дар случайный», «Арион» и т.д.) «вершинно», что подтверждается вниманием к ним исследователей. Это этапы пушкинской биографии, произведения-программы, которые до сих пор остаются в поле внимания специалистов и читателей. Произведения Пушкина значимы в контексте мировой культуры и вписаны в историю, как творения Гомера, Данте, Шекспира, Гете. Вхождение в проблематику пушкиноведения, таким образом, — дело не только специалистов, но и общее дело.

Пушкинист и наш современник В.Н. Непомнящий приводит значимый для пересмотра традиционного пушкиноведения случай, когда у московского памятника Пушкину прохожий спросил его: «Что же значат пушкинские слова: “Милость к падшим призывал”?» В сознании пушкиниста наступил момент истины: «Вот оно! Народ ищет правду у Пушкина, народ ему верит бесконечно». Книги В. Непомнящего (1983, 1987) «Поэзия и судьба. Статьи и заметки о Пушкине», «Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина», как и последующие их переиздания, посвящены, в сущности, одной проблеме:

как христианское мироотношение формировалось и действовало в Пушкине, а значит и в народе, в России, в мире. Тем самым как бы оживает для всякого читателя весь пушкинский мир, а мир отдельного стихотворения Пушкина становится магическим кристаллом, позволяющим войти в творчество поэта как целое. Результат удивителен! Становится понятным внимание исследователей именно к этим произведениям и к этим биографическим моментам прозрений.

Пушкинский «Пророк», понимаемый Мицкевичем как факт биографии, а другими пушкинистами — буквально, как образ пророка, открывает читателю автора в его «самостоянии» (термин Пушкина. — А.К.), т.е. на пути к свободе, высвобождению из-под спуда и овладению даром поэта. «Изучение и понимание смысла многих пушкинских произведений долгие годы ограничивалось выкладками относительно того, «на чьей стороне автор»; что же касается лирики, то «если в ней отсутствовал «гражданский момент» (наличие которого сразу снимало все остальные проблемы) — здесь анализ и понимание редко поднимались выше восторгов по поводу «психологизма» и «мастерства». Общая картина пушкинского творчества и пушкинского пути выглядела необычайно странно: наиболее изученным — и потому чуть ли не наиболее ярким и важным как-то само собой получался ранний период, примерно до 1825 года — так что о позднем Пушкине, гении — по слову Достоевского — всемирном, говорили чаще всего в общих словах, высокопарно, но глухо» (*Непомнящий*, 1983).

По глубокому убеждению В. Непомнящего, мир Пушкина — «образ целостного бытия, если читатель владеет какой-то частью исторической истины, то у Пушкина она вся. Вся истина — это есть основа ценностной позиции Пушкина». Преображение в «Пророке» — это ответ на вопрос: «для чего?». Перед нами — вертикальная картина мироздания, «услышанная» вся разом: «И внял я неба содроганье». О чем же стихотворение «Пророк»? Это высказывание о тайне бытия. «В “Пророке” мир дан поэту через непосредственное переживание — как одухотворенное, полное смысла целое» (*там же*). Не себя Пушкин называет пророком, а жизнь — всю жизнь, в которой сходятся все начала и стороны ее. Здесь и чудо художественного воплощения — олицетворения мысли в поэтическом материале. Так образуется пушкинский мир: не только в признаках места, времени, пространства, но и со всеохватностью целого.

Пушкин входит в жизнь читателя ясностью, открытостью, расположением ко всему и вся, противостоянием самодовольству, пошлости, мертвенности. Он живет опять-таки целостно: ощущением свободы выбора. Нужно быть в чем-то конгениальным Пушкину, чтобы сознавать себя сопричастным ему. Проницательнейшая М. Цветаева сказала о Христе: «Человек — сей видимый дух, болящий бог». То есть вочеловечившийся и понесший боли всего человечества. Цветаевой ли не знать, что такое боль. И книга ее о Пушкине естественна: драма жизни Цве-

таевой — это ее голгофский крест за всех. Ей ли не знать, насколько XX век опошлил и обесцветил мир. Судьба и поэзия ее символичны: она олицетворила страдающий мир, страну, личность. Поэтому не слабость, а сила духа — «движитель его». У Блока тот же путь, тот же круг жизни, подытоженный в словах: «Мы дети страшных лет России». Представлению о Блоке как поэте упадка противостоит его самооценка: «Простим угрюмость, разве это сокрытый движитель его? Он весь дитя добра и света, он весь свободы торжество».

Преемники Пушкина есть во всех поколениях русской литературы, являясь неким свидетельством животворного влияния поэта на саму жизнь. Драма социальной революции обрела своих писателей-«пушкинистов».

Иван Сергеевич Шмелев родился 21 сентября 1873 года в Москве, в зажиточной купеческой семье. Дед писателя торговал лесом. Отец был подрядчиком — строил на Москве-реке мосты, купальни, паромы, бани, иллюминировал город в большие праздники. «Последним его делом, — вспоминал Шмелев, — был подряд по постройке трибун для публики на открытие памятника Пушкину в 1880 году. Семья отличалась патриархальностью привычек, богомольностью, истовым исполнением религиозных обрядов» (Шмелев, 1960, с. 3). «В доме я не видел книг, кроме Евангелия», — замечал писатель. Пушкиным Шмелев был «напутствован»: после праздника в честь поэта в доме появился полный подписной Пушкин. Шмелеву суждено было стать крупнейшим русским прозаиком и автором пушкинианы.

Круг жизни этого писателя берет начало от признания в богатой именами русской литературе начала XX века его ранней повести «Человек из ресторана» и завершается романом «Пути небесные» (хронологически — 1911—1950-й годы), жанр которого сам он определил как духовный роман.

Шмелев — автор популярнейших книг: «Лето Господне» — о Москве и России своего детства — и «Старый Валаам» — о русском Афоне. Поразительная живописность и поэтическая насыщенность всегда были характерны для его прозы, в каком бы амплуа он ни выступал — будь то автор-романист, рассказчик, публицист или мемуарист. Он был из тех, кто определял уровень русской прозы первой половины XX века. Жизнь Шмелева оборвалась 24 июня 1950 года в православной Обители Покрова Божьей Матери, куда он прибыл паломником.

Борис Константинович Зайцев (1881—1972) — прозаик, обладавший недюжинным поэтическим даром. Он был переводчиком дантова «Ада», главой Союза писателей России в первые годы советской власти, в дальнейшем эмигрантом-парижанином, человеком особенной судьбы, близко чувствующим людей-творцов и их творения. Он же является автором единственной в русской литературе книги о монашестве и мире Святой Горы («Афон»). В заметке «О себе» Зайцев так определял ступени своего вхождения в большую литературу: «Начал с импрессионизма; о первом своем произведении написал: “Нечто без начала и конца”. Меня нередко

называли в печати “поэтом прозы”; Соловьев первый пробивал пантеистическое одеяние моей юности и давал толчок к вере. На всю жизнь вошла в меня Италия. Годы же трагедий все перевернули, направилось по двум линиям, довольно разным: лирический отзыв на современность, проникнутый мистицизмом и острой напряженностью (“Улица Святого Николая”), и полный отход от современности (новеллы “Рафаэль”, “Карл V”, “Дон Жуан”, “Души Чистилища”, по его словам, — бегство от русского. — А.К.). В 1922 г. я покинул Россию. Началась вторая половина жизни и писания моего» (Зайцев, 1999, с. 587).

Теме России посвящен его роман-трилогия «Путешествие Глеба. «Обращено к давнему времени России»» (автобиография в ее художественном варианте. — А.К.). Это духовный роман Зайцева. «Бог с ним, с Глебом, лично». Говорить о Глебе, считает писатель, «значит говорить о человеке вообще». Возвращение к русской теме он считал благом, упованием («Да будет воля твоя») — вот мыслимая им последняя ступень писательства (*там же*, с. 591, 592).

Б.Зайцев — автор книг-биографий Жуковского, Тургенева, Чехова, а также «Дневника писателя», посвященного большому «цеху» современных ему литераторов: И. Бунину, Б. Пастернаку, В. Соловьеву, Л. Андрееву и другим. И — пушкиниана Зайцева: «Пушкин в нашей душе», «Памятник Пушкину», «Победа Пушкина», «Слово на пушкинском вечере» и т.д. (Зайцев, 2000). Здесь — размышления о значении пушкинского воздействия на литературу.

Когда совесть художника становится доминирующей силой, творчество превращается в служение. Традиция Пушкина — оставаться душой и словом на высоте идеала. Стремление к высокому — не только «дань» Пушкину, но и тайна писательской судьбы. Начинающий прозаик Б. Зайцев писал своему корреспонденту — В.И. Стражеву — в 1906 году: «Завидую вам, поэтам: дело ваше ответственнейшее, зато какая изумительная форма — стихотворение! Как тут можно себе сказать! Я читаю сейчас знаете кого? Пушкина. Стихи. Знаете ли Вы его “Ариона”? Это, мне кажется, гениально. И вообще хорошо писал, очень уж тонко. Впрочем, образ его в существенных чертах у меня не изменился — просветлен только и стал дороже, дороже во много раз. Даже иной раз не знаешь, какое именно стихотворение одолело, — а впечатление всегда одно, что побывал в светлых царственных владениях. Жалко только, что не понимаю христианства. Я думаю, оно заслуживает и лучшего отношения. Знаете ли Вы, Виктор Иванович, что христианство все же совершеннейшее миропояснение. Любящий Вас Борис Зайцев» (Зайцев, 2001, с. 30).

Отношение русских писателей к Пушкину чаще всего проявляется не в подражании поэту, не в стремлении тем самым повисить литературный чин, а в желании улучшить качество своей поэзии. Пушкин ставит в центр внимания современников проблему понимания целей поэзии. «В середине 20-х годов, возражая Вяземскому, утверждавшему, что “обязанность

каждого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистью к пороку”, он писал весьма резко: “Ничуть. Поэзия выше нравственности”. Позднее он доказывал свою правоту разъяснением: “Цель художества есть идеал, а не нравочение”, то есть содержание всей истины, полной и целостной правды, которая есть не что иное, как правда высокого предназначения человека, хранимая в сердцах людей и постигаемая совестью» (*Непомнящий*, 1983). Пути русских писателей к Пушкину схожи служением высокому. Это мера пушкинианы, и Пушкиным поверялись смысл жизни и акме самих писателей.

Литература

Зайцев Б. Путешествие Глеба. Автобиографическая трилогия. М.: Русская книга, 1999.

Зайцев Б. Дни. М.: Русская книга, 2001.

Зайцев Б. Собр. соч. Письма 1901—1922 гг. Письма. Статьи. Рецензии. М.: Русская книга, 2001.

Непомнящий В. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983.

Непомнящий В. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина. М.: Советский писатель, 1987.

Пришвин М. Собр. соч.: В 6 т. М.: ГИХЛ, 1957.

Пришвина В. О поэтической прозе Пришвина // Москва. 1975. № 12.

Пришвина В. Круг жизни. М.: Художественная литература, 1981.

Пушкин в русской философской критике. Конец XIX—XX век / ЦГНИИ ИНИОН РАН. М.; Спб., 1999.

Шмелев И.С. Повести и рассказы. М.: ГИХЛ, 1960.

Киселев А.А. (Москва)

Поэты и смысл жизни. Хлебников

Поэзия сопутствует человеку на всем обозримом пути, хотя в слове имеет свои исторические границы. Религии древности закреплены словом. Христианские первокниги Библия и Евангелие суть откровение и поэзия. Отсюда непрерывные попытки мыслителей объяснить этот феномен. В античной словесности взаимодействовали высочайшие образцы поэзии и учения о поэзии. Традиция эта сохранилась и развивается. В «Риторике» Феофана Прокоповича (1706—1707 гг.) о поэзии сказано: «если рассматривать только природу, то убедисься, что чувство человеческое в образе любви было первым творцом поэзии» (*Прокопович*, 1961, с. 340). Несомненно, что истоки поэзии — в глубокой древности: «Поэзия, возникнув в колыбели самой природы, в течение многих веков постепенно набирала силы. Наконец, Орфей, а затем Гомер и Гесиод — ее явили. У римлян же некий Левий Андроник первым сочинил художественное произведение» (*там же*, с. 341).

Наши современники полагают, что истоки поэзии следует искать «за сотни лет до нашей эры». Платон, сравнивая «божественную силу» дей-

ствия поэзии с действием магнита, писал: «Камень этот не только притягивает железные кольца, но и сообщает им такую силу, что они, в свою очередь, могут делать то же самое» («Ион», с. 534). Он же говорил, что поэт — это существо легкое, крылатое и священное. «Не человек, а именно существо. И при всей кажущейся наивности этого определения оно удивительно подходит к Мандельштаму, да еще к Хлебникову и, может быть, к Блоку оно применимо» (Толстой, 2001, с. 269). Автор высказывания — прозаик, поэт, драматург, философ — обратил внимание на исключительную сложность поэзии всех троих. Но именно через эту сложность читательскому восприятию открывается самое существенное в поэзии.

Говоря о биографии поэта такого уровня, нельзя не отметить тотальной осложненности всех обстоятельств его жизни, ощущения им мира и себя в нем. Сестра Марины Цветаевой написала о закономерном непростом восприятии поэзии следующее: «По сему, что поэт есть творитель, еще не следует, что он лживец, ибо поэтическое бывает по разуму так, как вещь могла и долженствовала быть» (Цветаева, 1979, с. 192). Отсюда же следует, по мнению Анастасии Цветаевой, что поэт божьей милостью способен явить читателю другого поэта с наибольшей прозорливостью и словесным гением. «Есть три написанных Мариной портрета, — рассказывает она, — где она летописец (и какой!). Это портреты высокого мастерства и поразительного сходства. “Живое о живом” (о Максимилиане Волошине), “Пленный дух” (об Андрее Белом) и “История одного посвящения” (об Осипе Мандельштаме). Это воспоминания о пережитом. Не был нужен ни контрастный фон, ни декорация. Марина воспринимала свои дни с ними с памятью и любовью. Юные годы Марины, девичество ее были печальны. Ведь именно в 17 лет она пыталась покончить с собой» (там же, с. 193).

Итак, все названные поэты причастны к некоей тайне творения для «посвященных». Сергей Толстой пишет о времени знакомства Марины Цветаевой с Мандельштамом: «Это время, когда Мандельштам (1915—1916 гг. — А.К.) не раз бывал в доме Эфрона и Цветаевой, и Марина щедро знакомила его с Москвой. Характерны стихотворные (взаимные. — А.К.) посвящения, подытоживающие с обеих сторон их короткое знакомство, и долгие разговоры, дающие этому знакомству оценку, исключительно важную для истории творчества обоих поэтов:

Я знаю, наш дар неравен,
Мой голос впервые тих,
Что вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих! —

пишет Цветаева 12 февраля 1916 года, обращаясь к «отроку» “с ресницами — нет длинней”. Почти ровесники, они практически одинаково стали жить поэзией. И не по праву старшинства возрастного, но по праву материнского отношения к юности, она говорит ему: “На страшный полет крещу вас”» (Толстой, 2001, с. 263—264). Права Анастасия Цветаева: на

таком уровне поэтического творчества поэт не может быть «лживцем», а предвидение судьбы другого — свойство поэтического дара.

И Мандельштам, и Цветаева — поэты, к которым мир был очень жесток, их земная юдоль потрясающе трагична. Но над ними есть еще избранные веком поэты, соизмерившие небо и землю, дерзнувшие владеть Вселенной, быть причастниками тайн. Это поэты своего мятежного времени, когда провидческая и мессианская роли поэзии воспринимаются избранными ее творцами как норма. Одним из таких творцов, ставившим перед собой чрезвычайно сложные цели и задачи, на наш взгляд, является Велимир Хлебников.

В XX веке уместились два века русской поэзии: так называемый серебряный век и эпоха поэзии великого социального перелома 1917 года. Поэзия Хлебникова приходится на время трех русских революций. С утверждением советской власти (в 1922 году) завершается его творческий путь. Время его пребывания в процессе творчества — 14 лет: с 1908 по 1922 год.

Внимание к Хлебникову-поэту постоянно и оправданно: слишком многое в его личности и поэзии остается зашифрованным, странным для восприятия, загадочным. В нем совмещаются целые миры времени и культуры, он — явление, а не просто страница русской поэзии. Свидетельств в пользу такого представления о нем более чем достаточно. Мышление Хлебникова не декларативно, как это было во многом характерно для Октябрьской эпохи, но по своей глубинной сути свободно от условий переживаемого времени. Вот один из характерных примеров этого: вместе с поэтом Р. Ивневым, прибывшим на открытие Астраханского университета и заповедника в 1916 году, Хлебников совершил поездку в дельту Волги и продиктовал Ивневу два манифеста к народам Азии: «Индорусский союз» и «Азсоюз» (*Петровский*, 1933, с. 163). О картине Леонардо «Мадонна Бенуа», обнаруженной в Астрахани, Хлебников писал: «Города, столетиями хранившие старинное полотно, становятся для него лучшей рамой. Рамой из городского населения и живых людей» (*Парнис*, 1980, с. 112). О картине Нестерова «Видение отрока Варфоломея» заметил: «Эта вещь — жемчужина всего собрания» (*там же*, с. 111). О П. Брейгеле он отзывался как о пришельце с другой планеты. Новое видение мира — свойство и самого Хлебникова (*там же*, с. 155). По словам Ю. Тынянова, «Хлебников был новым зрением» (*там же*, с. 197). О Мандельштам в своей статье «Бура и натиск» писал: «Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин своей истории» (*там же*, с. 157). Художник Н. Лапшин в статье «Хлебников — Митурич» отметил: «Хлебников необыкновенно чутко ощущает землю и ее рост во времени, созерцая природу, учится тайнам слов, открывая как прозорливец их внутренний смысл, утерянный тогда, когда слово стало лишь средством выражения чувств (поэзия) и мысли (наука). Слившись с миром и чувствуя себя его сыном, он проникает в глубокие тайны начала и роста» (*там же*).

Хлебников владел несколькими иностранными языками, знал древнегреческий и латынь. «Меня особенно поразило знакомство Хлебникова с “Капиталом” Маркса» (из воспоминаний И. Березарка) (Урбан, 1983, с. 189). Он был, по свидетельству современников, предсказателем социальных потрясений XX века. «Вещи бытовые, эмпирические останутся для него чуждыми до конца» (*там же*, с. 192). В быту Хлебников был незащищенным, а в первые, самые трудные годы революции словно нес крест искупления за всех: у него не было одежды, обуви, пристанища, пищи, и он, видимо, быстро угасал физически. Однако его поэтическая работоспособность возрастала — об этом говорили многие люди культуры, знавшие поэта. О. Самородова (выпускница высших женских курсов Герье в Москве, позднее жительница Баку, а с 1924 года — Ленинграда) вспоминала, что Хлебников, совершивший с Красной армией двухмесячный поход в Персию в 1921 году, являл собой необычайное зрелище «внешней запущенности». За нею чудилось что-то ненатуральное, почти юродивое. Сам же Хлебников был прост и равнодушен к этой стороне своей особы (*там же*, с. 186). Многочисленные свидетельства убеждают в том, что Хлебников был не от мира сего. Поэтому интерес к поэту фокусируется на его духовных устремлениях.

Все, что притягивало Хлебникова, что питало его душу, таким образом, чрезвычайно важно для человека переживаемого нами времени, для понимания смысла жизни, так как поэт прошел невероятный по личностным возможностям путь к обретению истины. Невероятность пройденного пути объясняется особенностями его поэтического дара. Он не повторил совершаемого людьми, удел которых — религиозное служение и прозрения, но наделен был даром поэта. Этот дар поражал в свое время (1903 г.) слушателей и профессоров Казанского университета, которые приветствовали начинающего студента стоя. Повседневная жизнь Хлебникова развивалась как бы по монашескому принципу отсечения физических потребностей (чему способствовали обстоятельства). Творчество же развивалось в направлении раскрытия смысла жизни и Слова. Он постоянно носил с собой книгу Уолта Уитмена; считал гениальным А. Белого, болезненно, как потерю очень близкого человека, переживал смерть А. Блока, в поэзии же мыслил категориями народов и времен. Так, Персия его притягивала неизмеримой во времени культурой, а вся Азия была для него областью, где для поэта сохранились возможности постижения высочайших ценностей. «Ассоциативное мышление Хлебникова, — пишет исследователь, — расчленяет слово Азия на элементы: Аз-и-Я, причем Аз осмысливается поэтом, во-первых, как синоним «Я» (церковнославянское «Аз») и, во-вторых, как условный образ — знак свободы. «Аз» существует в стихах уже в качестве самостоятельного образа, символизирующего, по замыслу автора, и «Азию», и свободную личность «Я». Для Хлебникова вообще характерно тяготение к подобным образам-символам: «Я и Россия», «Я и Иран», «Я и земной шар», «Я и слово» и близкие

по смыслу этой строке «знак — знамя» «Я — Азии» (из письма Хлебникова двум японцам (*Хлебников*, т. 5, с. 155)). Быть может, слово «Азия» мыслится автором как модель алфавита от «А» до «Я» (*Парнис*, 1967, с. 162).

Хлебников открыл для себя числовую закономерность повтора решающих событий истории. «Все мы теперь понимаем, — пишет исследователь, — что прогресс математики требовал непрерывного расширения понятий о числе. Развиваясь от натуральных к абсолютным, от абсолютных к относительным, от относительных к вещественным, понятие о числе продолжало расширяться, и вот уже математика нового времени оперирует самыми мнимыми числами, которые Лейбниц с такой взволнованной удивленностью назвал амфибиями». Я не уверен, что Хлебников знал об этом восклицании немецкого философа. Скорее всего, не знал. Но если это совпадало, то достаточно симптоматично: он испытывал аналогичную потребность прореагировать на абстрактное понимание невещественного числа живыми образами и вполне вещественными сравнениями. Он открыл для себя, что между словом, понятием и словом, звуком лежит целая гамма эмоциональных значений, не поддающихся логическому определению. Могут существовать слова иррациональные — такие, как «смеярышня», «хохочество» (смысл которых только смутно брезжит), а также слова, явно бессмысленные, например, «бэобэби» (*Лаймес*, 1973, с. 228). В альманахе «Дохлая луна» Хлебниковым были опубликованы подряд 400 придуманных им производных от корня слова «любовь» (*там же*, с. 223). Восприятие поэта было опережающим событием, а его творчество — это непрерывным диалогом с самим собой (*там же*, с. 233). Поэтом Хлебников в литературе — единственный в своем роде. Ю. Тынянов сказал о нем: «У него нет поэтического хозяйства, у него — поэтическая обсерватория» (*там же*, с. 232). Он стремился прорваться к массовому читателю, но вполне закономерно, в силу фрагментарности написанного, необычности облика и поведения, пришел к читателю только теперь. Причем в большей мере — в научной интерпретации, в толкованиях специалистов из разных отраслей науки и культуры.

Так, Константин Кедров, используя в качестве основы учение М. Бахтина о карнавальности художественной интерпретации мира, остроумно и метко расшифровывает тексты Хлебникова как опережающие время, как тайнопись: «Хлебниковская битва со звездами, — пишет он, — духовная “Илиада” века» (*Кедров*, 1989, с. 157). Эта исходная мысль статьи — свидетельство масштабности феномена Хлебникова в переломную и трагическую эпоху самоопределения человечества, какой оказался XX век. Поэтому вполне закономерно внимание к поэту с его попыткой разгадать тайну управления Вселенной и подчинить мир человеку. Хлебников — мятежник по самосознанию, человек сверхцелей, а поскольку целей такого масштаба невозможно достичь средствами поэзии, опыт творения новой Вселенной остался театральным. В нем все перемешано: высокое с низким, черное с белым и т.д.

Это лишь одна из концепций хлебниковианы, хотя и достаточно прозорливая. В действительности же феномен Хлебникова гораздо сложнее.

Карнавальность как свойство самой реальности подтверждает и сам поэт. В статье «Наша основа» в главе «Словотворчество» он пишет: «Если свет есть один из видов молнии, то этими двумя столбцами рассказана молниеносная световая природа человека, а, следовательно, нравственного мира (два столбца слов — это у Хлебникова противостоящие друг другу слова типа: душа — день, тело — тень, жить — жечь, грех — гореть, зло — зола, пекло — печь, мерзость — мерзнуть, черти — черныи цвет, искренний — искра и т.д. — А.К.). Еще немного, и мы построим уравнение отвлеченных задач нравственности, исходя из того, что начало “грехам” лежит на черном и горячем конце света, а начало добра — на светлом и холодном» (*Хлебников*, т. 5, с. 233).

Итак, мятежность духа и возведенное в принцип словотворчество, по мнению К. Кедрова, — ключевые понятия поэзии Хлебникова, позволяющие разгадать загадку личности поэта. Война Хлебникова с людьми, не желающими подчиниться законам звезд и продолжающими войну за «клочок пространства» вместо того, чтобы отвоевать все время, превратила поэта в «одинокое лицедея», который внезапно и с ужасом понял, что надо «сеять очи», что «должен сеятель очей идти». Слова Тынянова о том, что «Хлебников был новым зрением, которое падает одновременно на все предметы», не являются простой метафорической данью памяти поэта. Новое зрение Хлебникова было «новой реальностью, которая лишь сегодня завоевывает пространство в социуме» (*Кедров*, 1989, с. 159).

Расшифровка написанного Хлебниковым требует объединенных усилий теоретиков, лингвистов, поэтов, богословов, историков. Один из проницательнейших читателей Хлебникова, философ и поэт Сергей Толстой приводит образцы расшифровки в своей книге «Велимир Хлебников». С самого начала своей творческой деятельности Хлебников стремился освободить русскую словесность от всего наносного, европейского (С. Толстой называет это неославянофильством поэта). Речь идет о стихотворении 1903 года, написанном в фольклорном стиле «Как во лодочке, во лодочке Красна девица сидит, пригорюнившись». «В самых заумных его вещах, в его корнесловии, в словах, освобожденных, казалось бы, от всякой смысловой нагрузки, всегда присутствует целевое осмысленное начало» (*Толстой*, 2001, с. 303). «Зелена лягушечка расквакалась» — образ строка названного стихотворения о судьбе русской словесности, чающей возвращения утраченных богатств славянской основы. Образ лягушечки оказывается сквозным. В другом фрагменте лягушечка — «существо женского рода — барыня — дева» (*там же*, с. 319). А через 20 лет (большой срок для Хлебникова):

Полно лягушечке квакать
В болотах Евгения Онегина
И Ленского ссоры зеленой.

Не в ущерб имени Пушкина, Хлебников «хочет внести в эти болота свое, новое понимание языка, слова, даже буквы» (*там же*). Если языковая граница пушкинского сотворчества кажется настолько отдаленной, то можно представить себе всю дерзновенность понимания Хлебниковым своих творческих задач. Речь может идти о сотворении художественной Вселенной. «Напомним, — пишет С. Толстой, — лишь начало большого стихотворения, обычно относимого к поэмам и названного “Поэт”:

Так праздник масленицы вечной
Души отрадою беспечной
Хоронит день недолговечный,
Хоронит солнца низкий путь,
Земли бросает наземь ткани
И чтобы время обмануть,
Бежит туда быстрее лани,
Когда над самой головой
Восходит призрак золотой
И в полдень тень лежит у ног
Как очарованный зверек.

Хлебников и здесь славит “голубую тишину”. Мы снова узнаем пушкинскую свободу дыхания, пушкинскую гармонию, пушкинский ритм. И вовсе не только в пейзаже прослеживается эта невероятная близость, эти соударения двух поэтических сердец, сливающихся порой в некое удивительное единство, возможное, наверное, только между близнецами» (*там же*, с. 330). Родственность Пушкину Толстой видит у Хлебникова и в разработке вечных библейских тем. Органичность Хлебникова национальной поэтической традиции несомненна. В своей автобиографической повести «Воздушные фрегаты», напечатанной в №№ 10—11 журнала «Русский современник» в 1973 году, Леонид Мартынов объявляет Хлебникова подражателем Баратынского, сближая, в частности, поэмы последнего — «Эду» и «Бал» — с хлебниковской поэмой «Шаман и Венера». А. Панченко и И. Смирнов в своей ценной работе «Метафорические архетипы» (сборник «Древнерусская литература и культура XVIII — XX в.в.») цитируют Симеона Полоцкого и Кирилла Туровского, чтобы показать истоки Хлебникова, предпослав статье фразу Мандельштама о том, что «легче опираться не на вчерашний, а на позавчерашний день» (*там же*, с. 331).

Соотнесение творчества Хлебникова с произведениями Пушкина и литературой начала XX века — с сочинениями В. Иванова, Д. Мережковского и В. Розанова — показывает, что он не вмещался в свою эпоху. Много было здесь и на самом деле остро, талантливо, но разве об этом следовало думать в те годы? «Передо мной варился вар», — сказал об этом Хлебников (*там же*, с. 332). Дар поэта вместил в себя все «проклятые» вопросы человечества и всем своим качеством был обращен к безмерному. Он как бы материализовал этически и словесно всю чудовищную сложность переломной эпохи, времени невиданных испытаний. А кончи-

на поэта в Санталово Нижегородской губернии в банке на примитивнейшем ложе из горбылей в присутствии единственного близкого человека — художника Петра Васильевича Митурича — символична контрастом материального убожества и величия духа. Его последним словом было «да». «Но и тут он приходит на помощь, — пишет С. Толстой, — за семь лет до смерти он говорит с нами концовкой стихотворения “Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова”:

Здесь не было “да”,
Но не будет и “но”,
Что было — забыли, что будет — не знаем,
Здесь Божия Матьерь мыла рядно,
И голубь садился на темя за чаем.

И не следует ли спросить себя: где находилось для поэта “здесь”, в котором не было “да” и из какого “там” в последний раз долетел до нас его голос?

Вспомним также и о том, что на рисунке Митурича мы видим, может быть, не столько вечно бессмертного в своих творениях поэта, сколько число, наконец возвратившееся к вечным числам. Давно уже они стучали в его окно, призывая вернуться “на родину”. И сам он, стремясь к ним навстречу, тщетно бился в комнате человеческой жизни, “пока облетала голубая буря крыла”, оставляющая “почерк своей пыли на строгих стеклах рока”. Ведь образ бабочки в “Зангези” — это тоже о жизни и смерти. И это тоже Велимир Хлебников» (*там же*, с. 364).

Итак, все, что вошло в историю под именем Хлебникова, освещено его последним часом и словом «да», то есть загадочно и символично. Поэтому событие кончины возвращает нас к его жизненным истокам и его открытиям. Он верил в ничем не ограниченные возможности поэтического слова. Значение слова «поэт» не утратило для него своего (пушкинского) содержания и расширило границы до зарождения христианства и более ранних эпох. Опыты Хлебникова с числом преследуют глубоко нравственную по своему смыслу цель: спасти человечество от войн. Эти опыты роднят Хлебникова со всей историей человечества:

Если я обращаю человечество в часы
И покажу, как стрелки столетия движутся,
Неужели из нашей времени полосы
Не вылетит война как ненужная ижица?
Там, где род людской нажил почечуй,
Сидя тысячелетиями в креслах пружинной войны,
Я вам расскажу, что я из будущего чую
Мои человеческие сны.

С. Толстой пишет о хлебниковских опытах (которые стали легендарными ввиду точности предсказаний поэта — например, относительно событий 1917 года или начала гражданской войны): «У Хлебникова, по-видимому, было обостренное ощущение надвигающихся событий. Цифровые таб-

лицы и сближаемые “пары событий”, разделенные магическими числами лет, имеют для нас лишь одну непреходящую ценность: они позволяют нам глубже проникнуть в лабораторию мышления Хлебникова. Нам интересно следить за его ассоциациями, за историческими сближениями и обобщениями, которые он допускает в ходе своих вычислений, за метафорами и поэтическими вдохновенными строками, перемежающимися хотя бы те же “Доски судьбы”» (*там же*, с. 371—372).

Прослеживая жизнь Велимира Хлебникова, Толстой приходит к следующему выводу: юный Хлебников уже был ориентирован на высшие нравственные цели, но ориентирован как поэт. Авторитет родителей (отец поэта был ученым-биологом, мать — историком), репетиторов (в числе которых Н.П. Брюханов — нарком финансов СССР в 1926—1930 гг., З.П. Соловьев — заместитель наркомздрава СССР, П.П. Беньков — художник, А.С. Глинка-Волжский — потомок поэта Ф. Глинки) не привели к ожидаемому результату: приобщить Хлебникова к общепринятым ценностям не удалось. «И что же? Ирония и сарказм по адресу Канта, Дарвина, всех авторитетов отца» (*там же*, с. 377).

Опыт изучения произведений и личности Велимира Хлебникова вводит нас в процесс, без которого мир словесного творчества оказывается неполным, как бы усеченным. С ним связано представление о неограниченности речевых ресурсов поэзии, отсутствии границ ее расширения, обновленное представление о личности художника, его свободе в отношениях со временем и в преодолении условностей повседневной жизни. По словам Р. Дуганова, Хлебников считал, что «растения, коровы, травы — младшие братья человека. У рыбы тоже есть Байрон или Гете и скучные споры о Магомете» (*Дуганов*, 1976, с. 175). Воспринимать произведения этого поэта будут учиться все поколения. По мнению литературоведа А. Урбана, «обращаясь к Хлебникову, надо прежде всего научиться читать смысл его поэзии» (*Урбан*, 1979, с. 161). Примечательно, что современный исследователь, занятый таким специальным лингвистическим вопросом, как имя собственное в произведениях поэта, считает необходимым предупредить: «Почти все творчество Хлебникова обращено к более широкому, чем обычно у поэтов (и ученых), единству; его мир, объект его внимания — действительно Вселенная, весь мир, охватывающий человеческий космос, общество и природу, науку и искусство, мышление и язык в слитности, расчлененности и взаимосвязанности их истории, эволюции, современного состояния и доступного прогнозам будущего» (*Григорьев*, 1976, с. 175).

Мир Хлебникова развернут в будущее, поскольку органически связан с истоками поэзии и творчества вообще. А его дерзновение художника вполне объяснимо в условиях первых десятилетий века двадцатого. В поэзии Хлебникова заключена загадка его личности. Здесь раскрывается и смысл его жизни и словотворчества.

Литература

- Григорьев В.* Ономастика Велимира Хлебникова // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. Т. 35. № 5.
- Дуганов Р.* Проблема эпического в эстетике Хлебникова // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1976. Т. 35. № 5.
- Кедров К.* «Сеятель очей». Образно-понятийный космос Велимира Хлебникова // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1989.
- Лайтес А.* Хлебников — каким он был // Новый мир. 1973. № 1.
- Парнис А.Е.* В. Хлебников — сотрудник «Красного воина» // Литературное обозрение. 1980. № 2.
- Парнис А.Е.* Хлебников в революционном Гиляне // Новые материалы. Народы Азии и Африки. 1967. № 5.
- Петровский Д.* Воспоминание о Владимире Хлебникове // «ЛЕФ». М.-П., 1933. № 1.
- Прокопович Феофан.* Соч. М.; Л.: АН СССР, 1961.
- Толстой С.Н.* Собр. соч. М.: Алгоритм, 2001. Т. 3.
- Урбан А.* Мечтатель и критик. Хлебников и Маяковский // Звезда. 1983. № 4.
- Урбан А.* Философская утопия. (Поэтический мир Хлебникова) // Вопросы литературы. 1979. № 3.
- Хлебников В.* Собр. соч.: В 5 т. Л., 1928—1933.
- Цветаева А.* Корни и плоды // Звезда. 1979. № 4.

Кабачек О.А. (Москва)

Смысл жизни — в искусстве

Как понимать это утверждение? Данная фраза имеет целый ряд значений. Одно из возможных ее толкований — человек находит смысл своей жизни в служении искусству, в художественной деятельности. Другое толкование делает акцент не на субъекте, а на самом искусстве: оно показывает человеку, в чем состоит смысл жизни. В нашей статье мы рассмотрим оба варианта: первый — на примере живописи, второй — на примере литературы.

1. «Искусство должно давать счастье и радость, иначе оно ничего не стоит».

Если бы я не работал,
то что бы я делал здесь, на земле?
(Сальвадор Дали)

Несведущие люди всегда представляли «свободных художников» светскими (или богемными) созданиями с длинными распущенными волосами, в бархатных беретах, не обремененными тяжелым трудом: они, мол, ходят по вернисажам, проводят дни и ночи в разговорах о высоком, делают наброски картин, прогуливаются на свежем воздухе с этюдником и много пьют. «Великосветские», модные художники и сейчас таковы: престижные тусовки, телесъемки, запланированные скандалы — все это работает на рекламу, но на деле является имитацией творчества на потребу невежественной публике.

Однако мы будем говорить о настоящих художниках — не имитаторах и не мастерах аттракционов. «Если бы ты стал художником, ты, наверно, многому бы удивился, и в частности тому, что живопись и все связанное с нею — подлинно тяжелая работа с точки зрения физической; помимо умственного напряжения и душевных переживаний она требует еще большой затраты сил, и так день за днем. Она требует от человека так много, что в настоящее время заниматься ею — все равно, что принимать участие в походе, сражении, войне», — писал Ван Гог (2000, с. 114).

А гонения? А зависть бездарных собратьев? А нищета? А заброшенная (или разрушенная) семья? «Не будь у меня врагов, я не стал бы тем, кем стал. Но, слава Богу, врагов у меня хватало», — уверял оптимист Сальвадор Дали (2001, с.362). Как говорится, «препятствиями растем». Но кого-то многолетняя травля может и сломать! Философ М. Мамардашвили призывал критика стать для художника братом по испытанию. Вряд ли кто откликнулся: испытывать другого на прочность привычнее и веселее.

Но хуже всего — когда замалчивают творчество мастера, никак не откликаются на него, не замечают. Вынести риск социального непризнания и недоверия способны лишь люди, обладающие внутренне убедительной достоверностью своего призвания в мире, считает философ А.С. Панарин. Когда ощущение своего призвания, своей миссии есть, сам процесс творчества дает художнику положительные эмоции, о которых писал В.Д. Поленов. Это ему принадлежат слова о том, что художественное творчество становится доминантой, главным системо- и смыслообразующим элементом жизнестроения. «На мое счастье, я не из тех, кто любит в этом мире только картины», — написал как-то Ван Гог в одном из писем. Искренне написал. И правильно — надо же любить в этом мире что-нибудь еще. Жить надо, жить, а не только работать! «Взамен картин, — продолжает он дальше, — я начал серию рисунков пером» (Ван Гог, 2000, с. 485).

Однако и важность труда неоспорима. «В конце концов, — секрет, дающий человеку вторую молодость, — это работа» (*там же*, с. 387). Художнику определяется тем, «насколько полно и бесстрашно принимает вечною необходимость переделывать себя самого» (Фаулз, 1997, с. 139).

Что заставляет человека творить? Тревожащая психологическая (а также социальная, философская и т.п., но пропущенная через себя, то есть, в конечном счете, все-таки психологическая) проблема водит пером мастера. «Если эти работы являются произведениями искусства, то потому, что они не только выступают простыми проекциями внутренних конфликтов художников, но и намечают их разрешение. Произведение искусства опережает самого художника, оно — в большей степени символ личностного единства человека и его будущего, нежели симптом, свидетельствующий о его прошлых неразрешимых конфликтах, — пишет П. Рикер. — Может быть, подлинный смысл сублимации как раз и состоит в порожд-

дении новых значений через мобилизацию прежних энергий, какой обладают архаические фигуры» (Рикер, 1995, с. 323—324).

Итак, художественный текст не только рассказывает о внутреннем мире и проблемах автора: тем или иным образом тревожащая проблема разрешается, или хотя бы «выговаривается» (материализуется) — и можно предположить, что внутренний мир творца гармонизируется, значит, гармонизируются и чувства зрителя. Но какая же гармония в большой совести? Это только начало пути к гармонии. Ощутить уколы своей совести, прозреть, перестать быть душевно мертвым — значит встать на трудный, но необходимый путь самосовершенствования — не столько рассудочный, сколько эмоциональный. (Тайная душевная работа происходит зачастую подспудно, и автором может поначалу не осознаваться.)

В этом ключ к арттерапии. «Я всегда делаю то, чего *еще не могу сделать*, для того чтобы научиться это делать», — писал Ван Гог (2000, с. 449). Учиться искусству и совершенствоваться можно бесконечно. Смысл жизни художника — неисчерпаем.

2. «Человека почти нет», или Современная художественная литература: поиски смысла жизни в эпоху постмодерна.

Вероятно, уже не нуждается в доказательстве положение о том, что художественная литература является одним из «духовных инструментов движения к тому, чтобы самому обнаружить себя в действительном испытании жизнью» (Мамардашвили, 1984, с. 101—102), инструментом ориентации личности в смысложизненных вопросах. Интересно выяснить, как в эпоху постмодернизма с его максимумами «смерть автора» (Р. Барт) и «смерть личности» (М. Фуко) осуществляется эта важнейшая функция. Обратимся к отечественным и зарубежным литературным произведениям, наиболее востребованным современным российским читателем (занимающим первые места по продажам за последние три года), а также к произведениям последних лет, отмеченным критиками как «высокая» литература.

Общим местом стало сетование на то, что литература в настоящий момент находится в жесточайшем кризисе. Постмодернистский взгляд на человека не просто суров, но уничтожающ: человечество вырождается, человек перестает быть целостным и идентичным самому себе, он забыл о своем высоком предназначении, опошлится, и смысл его жизни, тесно связанный с ценностными ориентациями, претерпел различного рода деформации: «Положение современного человека не просто плачевно — оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет» (Пелевин, 1999, с. 107.) Доминантными в анализе личности в современных произведениях становятся такие понятия, как ценности и потребности, точнее, их антиномии «высшее — низшее», «духовное — материальное», «фальшивое — подлинное». Рассмотрев систему «мир — человек», можно выделить несколько моделей дефекта личности в новейшей художественной литературе.

Начнем наш анализ с произведений массовой культуры.

Героиня популярнейшей писательницы Дарьи Донцовой, доморощенный детектив Даша Васильева, — тотальный победитель, легко распутывающий любые сложные жизненные ситуации (свои и своих близких). Судя по всему, смысл жизни Даша видит в том, чтобы жить хорошо (богато, интересно и в постоянном контакте с приятными людьми). И она умеет этого добиться. Благие цели (помощь другим), активный герой — чего еще желать? А беда в том, что героиня Донцовой очень напоминает «Дуньку в Европе» — безапелляционную, нахрапистую, не особенно культурную и уж точно не «духовно продвинутую». «Знай наших!» — так и слышится со страниц культовой беллетристики, что, вероятно, и привлекает к ним (страницам) не очень взыскательных читателей. В сущности, Даша Васильева действует (и побеждает) не в современном реальном, а в мифическом пространстве рафинированной европейской культуры XIX—XX века (образы парижского комиссара, вышколенных и преданных слуг и т.п. (Донцова, 2002) — из английских и французских романов прошлых веков).

Итак, в ироническом детективе, в отличие от детектива-триллера (где человек агрессивен или слаб и где жизнь не имеет высшего смысла в мире тотального зла), герой способен победить мировое зло, но ценой отказа от классической культуры, снижения требований к себе (противостоять мировому злу может только самоуверенный Хам).

Те, кого томят духовные поиски, не могут оторваться от книг Паоло Коэльо. Назидательность его притч-сказок, намеки на эзотерику, обилие афоризмов призваны создать у читателей иллюзию посвящения во что-то глубокое, заветное и профанам недоступное. Найти свое истинное призвание, свой Путь — призыв-закливание многих книг и интервью бразильского писателя. Герои Коэльо пребывают в поисках смысла своей жизни. Героиня романа «Вероника решает умереть» (Коэльо, 2002) собралась уйти из жизни, когда этот смысл потеряла, но затем — с помощью окружающих людей и собственных усилий — обрела новую, высшую ценность — Любовь. Поисками чего-то высшего, необыденного, несводимого к богатству или социальному успеху занят и герой романа «Алхимик» (Коэльо, 2003). Однако он не просто (с помощью своих поводырей) духовно развивается в результате странствий, но еще и клад, и невесту находит.

Итак, мир устроен справедливо, жизнь имеет высший смысл, и если ты нашел свое призвание, то получишь все. Читатель доволен: Бог и Маммона в одном флаконе; а философская притча сразу опускается на уровень рядовой сказочки. (Ибо в притчах истинному мудрецу богатство либо не нужно вообще, либо оно приходит само, когда его не ждут; богат же не нуждается в мудрости.) Налет потребительства ощущим в подобных бестселлерах (массы влед за любимыми героями и авторами-миллионерами хотят быть удачливыми, здоровыми и бога-

тыми — иметь «все и сразу»). Получив желаемое, можно уже больше не «мучиться»: не искать, не философствовать, не мечтать, не меняться. (Герой-пастух в «Алхимике» вначале любил путешествовать, а теперь осел в оазисе со своим добром — и счастлив.) Вместо безостановочного процесса духовного развития П.Коэльо предлагает массовому читателю совершить разовый «рывок» в юности, когда «все возможно» (*Коэльо*, 2003, с. 43) и вкушать успокоение души все оставшееся время. Роль же философии и настоящего искусства (в отличие от эрзаца духовной литературы) — вечно тревожить душу!

Эраст Фандорин, культовый герой детективов Бориса Акунина, вроде бы предан своей профессии — сыску, не жалеет самой жизни (своей и чужой) ради поиска преступников. Так смысл его жизни — благородная миссия восстановления справедливости? Но почему Эраст Петрович на склоне лет вдруг заделался спортсменом-автогонщиком? Не потому ли, что это повлекло за собой всемирную известность? Непомерное честолюбие, жажда славы — истинный мотив, приоткрывающий смысл жизни героя и автора (переписавшего гениальную чеховскую «Чайку» во вполне бульварную и хорошо продаваемую пьеску).

А как же современная «серьезная» литература? В романе-антиутопии «Кысь» Татьяны Толстой (2002) показан народ-мутант и сохранившая себя интеллигенция. Смысл жизни покалеченного народа — выживание, смысл жизни интеллигенции — просвещение, «окультуривание» своего одичавшего населения. Последнее, однако, не получилось, и интеллигенты — играючи — спалили и народ и его местообитание, а сами улетели в более счастливые страны. Это новый для русской литературы мотив — отказ от своих целей и ценностей и, фактически, от прежнего смысла жизни (диктуемого самим назначением русской интеллигенции). Деконструктив Т. Толстой оставляет осадок в душе читателя-традиционалиста, как пошлая акунинская «Чайка» — в душе «ревнителя русской словесности». (Аналогия эта неслучайна: Т. Толстая на страницах своего талантливо написанного романа долго и с удовольствием окунает тексты русской классической литературы в явную, извините, похабщину — якобы от лица выроodka-героя. Автору-постмодернисту это нравится, старомодным читателям — вряд ли.)

Не странно ли, что изысканная писательница Т. Толстая в своем творчестве схожа с автором детективов Д. Донцовой: в ее романе победа над мировым злом тоже достигается за счет разрыва героев с прежней культурной традицией.

В отмеченном критиками романе «Арабские скакуны» Дмитрия Стахова герой-циник смысл своей жизни видит в добывании материальных благ любой ценой, даже с помощью грязного бизнеса (участие в организации нелегальной продажи оружия в другие страны). Он давно растерял возвышенные чувства, переживает духовный кризис, в ходе которого обретает новый, высший смысл жизни — понимание и любовь к другому

человеку (молодому проповеднику — незнакомому при жизни, но ставшему после своей трагической смерти душевно и духовно родным сорокалетнему герою). Переживания эти, как нам кажется, вполне бескорыстны, несмотря на то, что за убитым проповедником (за организованной им всемирной общиной) стоят миллиарды долларов, — ведь герой Д. Стахова уже обрел душевное богатство и покой.

Итак, мир плох и абсурден, но человек, даже низко павший, способен сам обрести внутреннюю свободу и высшие ценности.

Постмодернизм, однако, наложил отпечаток и на этот роман: за исключением последней страницы, где талантливо показано духовное прозрение заблудшей души, читатель вынужден «глотать» на редкость пошлый текст (написанный как бы от лица героя-циника). Автор, психолог по образованию, видимо, предполагает, что важен лишь результат — катарсис читателя, но не сам процесс. (Клиент ведь согласен претерпеть унижения во время психотерапевтической сессии ради финального излечения.) Но отношения Автора и Адресата — иные! Уважение к читателю с первой до последней страницы — норма классической литературы. Читатель не любит, когда его считают «плохим», и это вполне объяснимо — он не хочет идентифицироваться с «низменным» героем, возвращая его автору.

А чем в последние годы порадовал своих почитателей скандально известный постмодернист Владимир Сорокин? Вполне приличным романом, как ни странно (прокуратура не нашла в нем порнографии). По случайному совпадению в романе «Лед» (2002) тоже показаны члены всемирной подпольной секты. Они одержимы целью поскорее воссоединиться и уничтожить все остальное человечество, погрязшее в грехах, фальши и бездушной суете (в этом и состоит смысл жизни сектантов на Земле, который открывается каждому из них другими членами братства после прохождения мучительного испытания). Высшая раса голубоглазых блондинов числом ровно в двадцать три тысячи, одаренная умением «говорить сердцем», должна спастись, улетев в другие миры, всем прочим уготована гибель.

«Проповедь фашизма!» — воскликнут некоторые читатели. Автор же предостерегает от отождествления собственной персоны с героями своих книг. Финал романа трактуется читателями с противоположных позиций: то как торжество идей секты и гибель землян, то как полный провал заговора — и возвращение человечества к истинной, непосредственной, цельной жизни. Человек по природе своей добр и наивен, это-то и спасает мир от Зла — такую интерпретацию хочется дать мысли автора. Интересно отметить не только антигуманные цели и средства представленной в романе секты, но и описание довольно распространенного в современной отечественной литературе феномена несамостоятельности выбора человека: смысл жизни передается, навязывается индивидууму некоей группой, уже владеющей единой, общей для всех тайной смысла жизни, а не открывается каждой личностью для самой себя.

В эпоху модернизма (начало XX века) гармония классического текста «взрывалась», уничтожалась иногда с помощью замены одной лишь фразы (и даже одного слова); важно, что современная литература пытается с помощью обратного приема (уничтожение хаоса произведения кратким светлым финалом) вылезти из столетней бездны разочарования и деструктива.

Какие же средства спасения человеческой души предлагаются современными писателями? У Виктора Пелевина в романе «Generation “П”» чудный новый мир станет следствием появления нового «поколения праведников». Здесь не отдельно взятая личность сотворит мир (внешний и внутренний), а поколение — группа избранных: их тридцать. (Сравним это с любимой идеей М. Павича о смене поколений «сильных отцов» и «слабых детей» и наоборот (*Павич*, 2000)). У Пелевина сопоставляются два поколения: отцы — бездуховные потребители, предавшие идею Вечности, и дети, которые, в отличие от родителей, духовны. Смысл жизни и ценности — центральный пункт рассуждений пелевинских героев. «Вы все равно не знаете, что с этими жизнями делать. И куда бы вы ни глядели, вы все равно глядите в огонь, в котором сгорает ваша жизнь. Милосердие в том, что вместо крематориев у вас телевизоры и супермакеты. А истина в том, что функция у них одна» (*Пелевин*, 1999, с. 155).

Увы! герой романа В.Пелевина по определению не может стать «белым и пушистым»: он слишком долго и слишком талантливо был идеологом самого черного пиара — растлевал людей, прельстившись все той же Маммоной, и вряд ли ему удастся породить и возглавить новое поколение праведников. Но автор романа этого как бы и не замечает — финал книги оптимистичен: духовность легко сменяет бездуховность (как одно время года сменяет другое). Замена всемирного зла всемирным добром, победа над темными силами обесценивается здесь способом ее достижения: *разрыв с этической традицией воздаяния* превращает глубинную духовную трансформацию и порой мучительный путь самосовершенствования человека в пиар-акцию (буквально — в смену рекламных клипов).

Модный югославский писатель Милорад Павич в романе «Ящик для письменных принадлежностей» (2000), как и П. Коэльо, ищет и показывает путь: от бездумного потребительства, гедонизма в рационально обустроенном цивилизованном мире, к жизни подлинной, «простой» — нетехнотронной и пленительно непредсказуемой (к жизни как постоянному открытию чуда).

Но «простая» жизнь вне культурных традиций и духовных усилий, жизнь, подчиненная одному только слову «хочу!», — тоже бесплодна, тоже теряет свой смысл. Герой романа дезертирует из действующей армии, отказывается от родного языка, продает отчий дом с семисотлетней историей, бросает любимую женщину, которая ждет от него ребенка, и уходит в никуда. Его гибель во время кораблекрушения кажется критикой Д. Рамадански симптоматичной: «Пришло время прочистить и это тело — а чем

же иным, как не мукой предательства, унижения и Голгофы, чтобы одухотворить его, прежде чем вернуться в первобытную допотопную похлебку. После слабости пришла очередь силы, силы разбрасывания семян, великого животворного акта пратворения» (*Рамадански*, 2000, с. 214). Не маловато ли для Homo sapiens'a? Неужели быть только биологическим существом — смысл человеческой жизни?

Жизнь, показывает М. Павич, имеет высший, космический смысл, который человек должен еще сам для себя открыть. Проблема согласования индивидуального и общественного, биологического и социального, природного и культурного стоит перед каждым из нас: поиск смысла своего бытия опосредован этими антиномиями.

А вот «сквозной» герой романов ведущего японского писателя Хараки Мураками откровенно признается, что его жизнь не имеет явного смысла, он лишь плывет по течению. (Но как «красиво плывет»!) Часть критиков называет этого героя, равно как и всех его почитателей, «лузерами» — неудачниками, жизнь которых состоит из одних потерь (*Немцов*, 2002). Других литературоведов, напротив, восхищает умение героев выстроить свою жизнь как художественное произведение: они «при любых, самых жестоких диссонансах сохраняют свой стиль игры» (*Коваленин*, 2002, с. 472).

Получается, что этот положительный герой современной (и не только японской) молодежи, погруженный в меланхолическую рефлексию, не декларирует высокий смысл своей жизни, но обладает искусством жить по законам красоты? Его кодекс профессиональной этики изумляет: не требуя высоких гонораров, стремись к совершенству. Он, как сказочный самурай, благороден, бескорыстен, добр, отважен и никогда не склоняется перед сильными мира сего — в отличие от внешне таких «крутых» персонажей отечественной детективной литературы. Мир суров и прекрасен, а иногда ужасен, говорит Х. Мураками, но человек может сам творить в нем добро и красоту. Человек свободен, и цена этому — постоянный мучительный труд души.

Нет, есть и у нас положительные герои, сохраняющие себя наперекор трудностям окружающего мира! Например, Медea из повести «Медea и ee дети» писательницы Людмилы Улицкой (2002). Смысл ee жизни более чем благороден — ежeminутное служение другим людям, построение громадного кланового «гнезда». Беда «лишь» в том, что за двести страниц вперед знаешь, что произойдет дальше и что хочет внушить читателям автор (умиление этой самой героиней).

Постмодернизм присутствует и здесь: самый красивый вид на семейное поместье праведницы Медei открывается из отхожего места. (Люди с нормальным, не «перевернутым» сознанием поставили бы там стол.) Житие Медei преподносится со сниженной точки зрения — это любимая «точка сборки восприятий» (выражение К. Кастанеды) литератора Л. Улицкой. В эпоху постмодерна это очень востребовано. Не житие и не диалекти-

ка души, а статика «мыльной оперы»: бытовые подробности, за которыми ничего не стоит, кроме психологии обывательской жизни. История, рассказанная обывателем. Кому-то приятно, а кому-то — и не очень.

С писательницей же М. Вишневецкой в книге «Опыты» (2002) спорить не хочется. Хочется спорить с ее героями — на каждой странице: они живые и внутренне противоречивые и потому заставляют думать о жизни, что-то перебарывать в себе, осмыслять разные точки зрения на мир и человека, на смысл жизни. Автор талантливо аккумулирует большие вопросы и актуальные мотивы современной литературы — и решает их с нравственных позиций старой доброй классики (а форма при этом остается современной). Писательница блестяще держит дистанцию — нет тут ни невроза, ни цинизма, ни наивного хамства, ни обывательского морализаторства. Есть литература.

Литература (а значит, и человеческая душа) жива?

Литература

Ван Гог В. Письма / Пер. П. Мелковой. СПб.: Азбука, 2000.

Вишневецкая М. Опыты. О природе вещей: Повесть. Рассказы. М.: Эксмо, 2002.

Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим: О себе и обо всем прочем / Пер. с исп. Н. Малиновской. М.: Сварог и К., 2001.

Донцова Д. За всеми зайцами: Повесть. М.: Эксмо, 2002.

Коваленин Д. Лучший способ потратить деньги, или Что делать в период острой джазовой недостаточности // *Мураками Х.* Охота на овец: Роман / Пер. с яп. Д. Коваленина. СПб.: Амфора, 2002.

Козьмо П. Алхимик / Пер. с порт. К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2003.

Козьмо П. Вероника решает умереть / Пер. с порт. К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2002.

Мамардашвили М.К. Литературная критика как акт чтения // Вопросы философии. 1984. № 2.

Немцов М. Блюз простого человека. Послесловие // *Мураками Х.* Слушай песню ветра. Пинбол 1973: Романы / Пер. с яп. В. Смоленского. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Павич М. Ящик для письменных принадлежностей / Пер. с серб. СПб.: Азбука, 2000.

Панарин А.С. Философия истории. М.: Гардарики, 1999.

Пелевин В.О. Generation «П»: Роман. М.: Вагриус, 1999.

Рамадански Д. Гомологон человеческой души // *Павич М.* Ящик для письменных принадлежностей / Пер. с серб. СПб.: Азбука, 2000.

Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.

Сорокин В. Лед: Роман. М.: Ad Marginem. 2002.

Толстая Т.Н. Кысь: Роман. Переиздание. М.: Подкова, 2002.

Улицкая Л. Медя и ее дети: Повесть; Лялин дом: Повесть и рассказы. М.: Вагриус, 2001.

Фаулз Дж. Башня из черного дерева: Роман / Пер. с англ. М.: Тройка, 1997.

Крымов Д.А. (Москва)

Размышляя о смысле жизни...

(Интервью с художником провела Ю. Концова)

Ю.К.: Какое значение для Вас имеет словосочетание «смысл жизни»?

Д.К.: С мудрого вопроса Вы начали Смысл жизни... В смысле жизни, наверное, самое главное — чтобы он был. Вообще во всем должен быть какой-то смысл. Хуже всего, когда человек смысла не видит и существует просто так, хотя, может, это и есть счастье, когда не понимаешь смысла? Этим людям можно позавидовать, у которых нет смысла жизни. День так прошел — хорошо, по-другому прошел — тоже неплохо. Отсутствие смысла может быть признаком глупости и, соответственно, счастья. В общем, смысл жизни — он ведь недостижим. Поэтому какую бы ты ни поставил себе задачу (маленькую обычно никто не ставит), но если поставил — мучайся и достигай. Штангист мечтает поднять тонну, поднимает 999 килограмм и будет всю жизнь мучиться, что не может поднять именно тонну. И будет всю жизнь тренироваться, мучить себя. И наоборот, если человек ходит просто так в спортзал — сколько поднимет, столько поднимет — вот и хорошо, он счастливый человек. К сожалению, мне самому не нравится, когда смысла в жизни нет, но когда он есть — это довольно мучительно. Это как понятие дворянской чести, которую всегда надо отстаивать и защищать: если кто заденет — надо вызывать на дуэль. А если ее нет, то можно все. У меня в этом смысле самый счастливый год был, когда я служил в армии. Солдат лишен всего — он не может обижаться, поскольку силы и обстоятельства подчинения словно отнимают у него ту часть жизни, что касается гордости, разума. Ты существуешь просто как трава. Я утрирую немножко, но тем не менее — это была жизнь в каких-то обстоятельствах, от тебя мало зависящих. И такая жизнь намного легче. Но своим студентам — театральным художникам — я говорю, что художник должен быть умным, он должен понимать, что делает, видеть смысл в работе. Он должен уметь его отыскивать, и даже если смысла нет, он должен его создавать. Надо идти, идти куда-то.

Ю.К.: То есть всегда надо отвечать на вопрос: для чего?

Д.К.: Ну конечно, для чего ты утром встал, для чего ты живешь, чего ты вообще хочешь. Можешь даже не формулировать, что такое смысл жизни. Вера — это тоже смысл жизни. Любая вера причем — в Бога или во что-нибудь другое.

Ю.К.: Как Вы думаете, наличие смысла жизни — оно как-то ограничивает людей?

Д.К.: Конечно, любой смысл ограничивает, с одной стороны, и направляет, с другой стороны. Можно взлететь как птица и посмотреть на себя со стороны. А можно ходить по земле, поэтому видеть достаточно ограниченное пространство. Воланд сказал Берлиозу: как же Вы можете планировать будущее, если не знаете, что будете делать сегодня?

ня вечером. Человек не знает. В этом и есть двойственность человека. Он, с одной стороны, ставит божественные задачи, с другой — он не знает, что будет делать сегодня вечером. Он не Бог, поэтому и мучается. Но ставит себе смысл жизни, то есть в нем что-то божественное есть, что-то, что, несмотря на его маленький рост (в сравнении со слонами, пальмами и звездами), помогает ему вырываться за пределы данных ему размеров. На самом деле это мучение, данное человеку: как ты справишься с испытаниями жизни?

Ю.К.: Есть ли отличие в понимании смысла жизни творческого человека и человека обычной профессии?

Д.К.: Я бы тут не разделял по профессиям. Творческий человек — это необязательно художник, это просто человек. Я знаю некоторых инженеров, с которыми разговариваю как с людьми одной породы. Они витают в своих мыслях, оперируют гайками, конструкциями, сопроматами И им в этом весело, это их поэзия. Так что мир не делится так: на художников и «нехудожников». Так же, как не делится на интеллигенцию и не интеллигенцию. Иной крестьянин интеллигентен. Но иные писатели, художники, поэты — такие монстры, что к интеллигенции их можно отнести только номинально. Есть что-то, что не принадлежит какой-то «касте». Интеллигентность — категория нравственная, это совесть, комплекс вины, сомнение, неуверенность некоторая. Как замечал А.П. Чехов, интеллигентного человека должно быть мало. Таким можно представить себе и крестьянина, правда, может быть, реже, чем писателя. Должен быть склад человека, а это шире всяких определений. Это как пыльца — она разбросана везде, в одном месте погуще, в другом месте тонким слоем, но она есть везде. В этом чудо устройства человека. И о смысле жизни может задумываться любой человек — крестьянин, опять же, может быть, реже, в силу обстоятельств. А художник вроде бы должен делать это чаще.

Ю.К.: Ваши родители были очень талантливые люди: отец, Анатолий Васильевич Эфрос, — выдающийся театральный режиссер, мама — Наталья Анатольевна Крымова — ведущий театральный критик. Можете ли Вы сформулировать смысл жизни своих родителей?

Д.К.: Я никогда не задумывался на этот счет. Могу начать фантазировать, но тут сразу не сформулируешь правильно. Папа был фанатик работы, можно, наверное, так сказать. Но в этом только часть правды, что у него смысл жизни был в работе. То есть его до такой степени изнутри сжигала потребность выразить себя в театре, в спектакле, на репетиции, что без реализации этой потребности его невозможно представить. Это было как есть, спать, — даже больше. Может, обстоятельства так сложились, может, он сам себя так воспитал, может, природой так заложено, — может и то, и другое, и третье. Он складывал, выстраивал свою жизнь, буквально каждый день с утра до вечера так. Это была такая мучительно-счастливая его особенность. А у мамы, если сформулировать смысл ее жизни, — это, я думаю, быть с папой. Это

не значит, что у него в понятии «смысла жизни» не было «быть с мамой», но, опять же, кто-то сказал — по-моему, Цветаева, — что мужчина пишет стихи, обращаясь к Богу, а женщина — к мужчине. И если говорить о маме, то там было все, конечно: мама была театральным критиком, и очень активным, — я про известность не говорю, и профессия тоже была смыслом ее жизни. Если бы это отняли, то она, может быть, «скисла» бы. Но она как бы служила во имя их совместности, она приносила эти поленья в их костер. Она их приносила столько, сколько могла. Может, даже больше, чем могла. Это был ее вклад. Она и этим была с папой.

Так что профессия была очень важна для мамы. Но в то же время если у папы отнять профессию было невозможно в принципе, вообще, то у мамы, наверное, хотя тоже невозможно, но больший допуск здесь у меня есть. Вот когда папу у нее отняли, она фактически душевно умерла. Она прожила еще 17 лет без него, но внутри была уже мертва, исчез смысл ее жизни. Это было ужасно наблюдать, но я ничего не мог поделать, и никто ничего не мог поделать. Это как с погасшим угольком... Мама была весела иногда, но смысл жизни ее исчез. Это абсолютно точно. С трудом могу себе представить, если бы ее не стало раньше, чем отца. Потому что он был настолько беспомощен без нее в бытовом смысле. И вообще он ее обожал, даже страшно такую муку ему представить. Как она с этим справлялась, я видел, а как он бы с этим справлялся, я с трудом могу себе представить. Может, тоже это все кончилось бы так. Но так как жизнь показала мне вот эту картинку, то я ее и рассматриваю.

Ю.К.: А можно ли отделить, убрать от Вас Вашу сущность художника? Представить, что Вы — просто человек, мужчина, а не театральный художник, не режиссер. Есть ли у этого человека смысл жизни, который отличается от смысла жизни художника?

Д.К.: Нет, сейчас это убрать от меня уже нельзя. Может, раньше было можно, а сейчас уже нет.

Ю.К.: А если вернуться в прошлое?

Д.К.: Ну, если нафантазировать себе какой-то смысл жизни. Но сейчас я знаю одно: я могу сказать, перефразируя Маяковского: я художник, этим и интересен. То есть если я интересен, то прежде всего как художник. Как человека я себя не люблю. В жизни я много занимался избавлением от собственных комплексов. С большей частью из них я справился, но как человека я себя не люблю. Если у меня не получается работа, то я никто. Для себя я никто. У меня садится голос, я начинаю заикаться, я не могу сказать в кассе, сколько мне нужно пробить денег, потому что я не могу голос свой поднять до такой степени, чтобы меня услышали.

Ю.К.: Получается, что работа для Вас — это все?

Д.К.: Нет, не все. Ведь костер, например, для чего он нужен? Что-бы греться, варить еду, с кем-то ее разделить. Без костра это невозможно. Работа — это у меня костер, причем чем бы я ни занимался —

театр, живопись, — я должен себе доказывать, что я сильный. Это для меня способ самоуважения.

Ю.К.: Я не знала Ваших родителей, но мне кажется, что Вы похожи в этом на них.

Д.К.: В чем-то да. И я не хочу это менять, как это ни мучительно. А как было бы хорошо: встать утром и не знать, что делаешь дальше. Жена говорит: «Поедем на дачу», — ты соглашаешься. И поехали бы, отдохнули бы, вернулись и т.д. А я почему-то утром думаю, что мне обязательно надо идти мазать какую-то очередную картину. «Зачем?» — думаю я иногда, ведь я уже сделал что-то. Кому, что доказывать? Смешно, ведь кому не доказал, не докажешь. Значит, я должен идти в мастерскую для чего-то другого — для себя, для того, чтобы прийти домой после работы и нормально улыбаться. Иметь силы внутренне улыбнуться, чтобы быть веселым, снисходительным или шутивным, или просто усталым. Но сделал дело. Это, наверное, папа мне передал, конечно. Это ни хорошо, ни плохо. Это так. Можно посочувствовать, пожалеть, восхититься таким человеком, позавидовать ему, — как угодно. Это как цвет волос, это какая-то данность, с которой надо как-то жить. А кто не имеет эту черту, но хочет ее иметь, надо это как-то воспитывать, например, наблюдать. Кто не хочет иметь — не надо. Это тоже как данность.

Ю.К.: Мне представляется, что люди, которые вот так мучительно счастливы, — это сильные люди.

Д.К.: Вот этого я не знаю. Я про других не знаю. Насчет силы не мне судить. Мне видны мои более слабые стороны, я их знаю и очень не люблю, опасаясь, чтобы люди их заметили, и стесняюсь их. Насчет силы? Наверное, она тоже в чем-то есть, но человеку свойственно думать о том, что его беспокоит, а не о том, чем он счастлив. Если человек доволен — это основа для дальнейших мучений. Человек вообще создан несправедливо, он создан мучиться. Счастлив долго может быть только дурак. Хотя я завидую в чем-то такой способности.

Ю.К.: А в те — пускай недолгие — мгновения счастья, которые наступают в нашей жизни, неужели и в эти минуты Вы думаете о его мучительности, а не просто наслаждаетесь счастьем?

Д.К.: У меня, к сожалению, очень редко такая безоглядность бывает.

Ю.К.: А как Вы думаете, у Ваших родителей какими были отношения со счастьем?

Д.К.: У папы такие же, думаю. Он очень мучился от того, что получалось и не получалось в жизни. Вы понимаете, это очень сложно. Они жили в такое время, когда многого из того, что сейчас доступно, не было. Например, после поездки в США он говорил: «Представляете, там можно запросто ходить в ресторан! — просто зайти и заказать чай». Я тоже, когда начинал ездить за границу, возвращаясь, говорил своей жене: «Как это было бы прекрасно — сходиться сейчас в японский ресторан, а мы сидим дома и смотрим друг на друга». Тогда здесь этого всего еще не было. А сейчас если

Вы меня спросите, чего я больше всего не люблю, то я отвечу: «Ходить в японский ресторан, по крайней мере, здесь, когда можно посидеть дома и посмотреть друг на друга». Понимаете, человек устроен мечтой, а не достижением этой мечты. Мечта его движет вперед.

Ю.К.: Можно ли тогда так сказать: смысл жизни — он равняется мечте?

Д.К.: Конечно, смысл жизни — это вообще мечта. Это не что-то вычитанное в книге, даже если ты об этом и прочитал в книге. Смысл жизни — это мечта, ориентир, куда идти, огонек какой-то впереди.

Ю.К.: Меняется ли смысл жизни с годами?

Д.К.: Не знаю, у кого-то, может, и меняется. У моих родителей нет. Не знаю, как он был сформулирован, но папа всегда мечтал быть режиссером, работать в театре. У него были определенные кумиры в этой области, и они остались. Он, насколько хватало его существа, пропахивал этот «огород» всю жизнь. Когда ему не давали работать, у него не было возможности утром встать и копалкой вспахать этот огород, он заболел, физически заболел. Он не мог жить, не ставя спектакли, и с иронией относился к режиссерам, которые ставили по одному спектаклю в год, по одному фильму в пять, десять лет. У него была ежедневная работа, которая давала ему то, без чего он не мог жить: мучение, радость, счастье, несчастье. Такой комплекс переживаний. Так что я не думаю, что у него менялись ориентиры. Или у мамы. Я сейчас читаю ее письма к папе, самые первые, когда они только познакомились и были еще на Вы. Я не могу сдержаться слез: тут вообще ничего не менялось, первые письма такие же, как последние. Ничего не изменялось. В этом смысле они были счастливые люди: они правильно выбрали работу, друг друга и правильно прожили жизнь.

Ю.К.: Это удивительно, потому что это редко кому удается.

Д.К.: Не знаю — про общество, про людей я просто не знаю — наверное, редко. Но надо к этому стремиться. Ведь если ты не будешь заниматься зарядкой, то будешь тюфяком — до какой-то степени это можно себе позволить, до какой-то нет. Вопрос в том, сколько времени ты хочешь потратить на зарядку, чтобы быть как Аллен Делон. Для того, чтобы мечту осуществить, надо что-то делать. Если же у тебя мечта ничего не делать и она совпадает с твоими возможностями ничего не делать — тогда тебе повезло. Но я думаю, такое редко бывает.

Ю.К.: В жизни любого человека, особенно творческого, есть для творчества события поворотные, переломные. Как отражаются эти судьбоносные события в жизни такого человека?

Д.К.: В творчестве отражаются события из обычной жизни. Ведь что такое событие в творчестве? Человек написал книгу или картину. Знаете, у Станиславского есть такие термины для роли, спектакля: сверхзадача, сквозное действие. Сверхзадача — это то, что зритель должен вынести из спектакля. Это замысел режиссера, то, что не дает ему покоя, почему он берется за эту пьесу и что он вообще хочет этим сказать. Почему он берется

за эту пьесу, а ни за какую другую. Он хочет через нее высказать свою боль, свою основную мысль Это сверхзадача. Сквозное действие — это то, чему должно быть все посвящено. При всех разнообразиях и противоречиях более мелких действий. Даже иногда кажется, что в другую сторону все идет. Но на самом деле все мудро направляется так, чтобы в конце концов эта сверхзадача была выполнена. Даже если на этом пути жизнь или сам человек ставят массу препятствий. Чем больше препятствий, тем интереснее, если понятна цель. Вы своим творчеством и делаете это событием. Например, Микеланджело. Во Флоренции понадобилась статуя на главной площади. К Микеланджело сначала это не имело отношения. Не было бы его, другому заказали бы. Но так получилось, что статую Давида заказали ему, и он ее должен был обнять своим творчеством. Он скульптор, и он эту закрытую дверь, а заказ — это закрытая дверь, а не открытая, он этот заказ превращает в событие не только своей жизни, но вообще мировой культуры.

Ю.К.: Мне, как дилетанту, кажется, что обычный человек и творческий — это разные люди.

Д.К.: Нет и нет. Может быть, в чем-то это и так, но только в чем-то. Потому что оружие инженера — это линейка, карандаш и голова. Оружие водителя — машина и умение управлять ею. Художник — это фокусник. Его профессия в том, чтобы показывать фокусы. В этом его особенность. Есть брюнеты, есть блондины, а он в крапинку. Такая порода — в крапинку. Он фокусник, ему надо показывать фокусы. Даже в голой пустыне, где ничего нет — некому показывать и не из чего показывать. И здесь у фокусника два пути: или он умрет в пустыне от тоски, или он из песка что-то будет делать, подобное фокусам. Потому что он не может этого не делать. Счастлив тот художник, которому жизнь подкидывает такие жизненные преграды, которые у него хватает материальных и духовных сил преодолеть. И несчастлив художник, которому жизнь подкидывает такие преграды, которые он не может взять.

Ю.К.: Говорят, что Бог посылает именно то, что ты можешь перенести.

Д.К.: О нет! Не уверен. А расстрел Мейерхольда — как он мог это перенести? Его взяли и расстреляли. Можно и так: в лесу упало дерево и создает почву дальнейшему. Что, Природе жалко деревьев? Нет — одно умирает, другое разрастается. Так же и с человеком. Природа как материальное устройство жизни довольно безжалостна и холодна.

Ю.К.: Как Вы думаете, на становление смысла жизни что больше влияет — пример родителей, прочитанные книги, общество, образование?

Д.К.: Думаю, влияет все. У кого-то одно больше, у кого-то другое. На меня, конечно, больше повлияли родители. А на них — не знаю. Ни мамыны, ни папины родители не занимались театром, так что у них это возникло, скорее, от противного. Как уход в какую-то счастливую, сказочную область. Не знаю — я туда боюсь залезать и раскладывать все по полочкам. И закона здесь нет.

Ю.К.: Если возвращаться к Вашему примеру про Микеланджело, то для него заказ на статую Давида был судьбоносным. А что для Ваших родителей было такими событиями? Можно предположить, что для Вашей мамы это была встреча с Вашим папой, которая повлияла на всю дальнейшую жизнь. А что было таким событием для Вашего отца?

Д.К.: Он боготворил спектакль «Три сестры» в постановке Немировича-Данченко и еще некоторые вещи. Те люди были для него как боги. Театральное сообщество, где отношения хорошие, все живет творчеством, ставятся какие-то большие художественные задачи, которые решаются. Организация, где все живут во имя общего дела. Вот такая идея у него была. Она никогда полностью не осуществилась, потому что жизнь другая и обстоятельства другие, но первоначальный толчок, конечно, дал ему МХАТ. Это и студии, и театры, и ученики, и горе от потери учеников. Была художественная семья, и были попытки создать, сплотить, сохранить и обогатить ее новыми членами и развивать свои идеи в этом сообществе. Театр — это же коллективная работа, и без театральной семьи, без коллектива ничего нельзя сделать. Должно быть сообщество. Поэтому нужно постоянное общение, дружба, вражда, дискуссии, обсуждения. Это жизнь внутри муравейника, где у каждого, в общем, свой интерес. Если вынуть главного муравья, то неизвестно, по каким законам все будет существовать. Главный человек в театре — это режиссер, он владелец идеи. Это очень сильная профессия, потому что надо, во-первых, иметь эту идею — в миниатюре смысл жизни, а во-вторых, надо убедить всех, весело убедить, чтобы они с удовольствием на это шли. Феллини говорил, что режиссер напоминает ему Колумба, когда все матросы на корабле восстали и хотят повернуть обратно. Вот мой папа это все и делал, каждый день. Говорил, что каждый день надо вбивать голой рукой гвозди. Это его ощущение от своей работы и от своей жизни: постоянно нужно голой рукой вбивать гвозди

Суворов А.В. (Москва)

Смысл жизни и человечность (диалог с самим собой)

Мне каждый раз приходится настаивать на том, что одно и то же в одной ситуации — человечно, а в другой — нет. И даже в книжке для подростков «Как причесывать Ежика?» на примерах из собственного опыта я показываю, что «хулиганство» (с точки зрения общепринятых моральных норм) может быть и бывает человечным. Например, в вокзальной сутолоке лучше свистеть в самый громкий спортивный свисток, чем позволить сбить себя с ног и искалечить. В вокзальной ситуации «хулиганский» свист — самый человечный вариант поведения для слепоглохого, нежелающего ни прозябать в чetyрех стенах, ни быть растоптаным в толпе. Другими словами, человечен ли тот или иной поступок, зависит от кон-

кретных условий. Но каковы бы ни были эти конкретные условия, разве человечность поступка не оценивается в соответствии с некими критериями? Есть же критерии человечности и бесчеловечности. Да, разумеется. Но как только мы, сформулировав эти критерии, начинаем на них настаивать, их пропагандировать, мы тем самым немедленно, даже не заметив этого, становимся пророками, моралистами, проповедниками — но только не теоретиками, не исследователями. И волей-неволей начинаем приводить разнообразие жизни в соответствие со своими представлениями о ней, вместо того чтобы, оставаясь исследователями, заботиться об адекватности своих теоретических представлений тому, что есть на самом деле. И именно тому, что на самом деле, в данный момент, в данной ситуации, в данных условиях человечно. То есть наши теоретические представления должны быть адекватны живой, изменчивой истине человечности...

Если у теоретика не получается обосновать в статье собственные тезисы, то с этими тезисами автору, может быть, честнее вступить в диалог, чем пытаться подгонять решение задачи под готовый ответ, каким бы правильным он в тезисах ни выглядел. Итак, я приведу свои тезисы «Смысл жизни и человечность». Но тут же в каждом тезисе усмнюсь, попробую понять, что меня или моего читателя может в нем не устроить.

Тезис первый. «При попытке объяснить подросткам, что такое человечность, предпринятой автором на сборах Детского ордена милосердия “Школа взаимной человечности”, оказалось, что все основные этико-психологические понятия суть частичные ответы на этот вопрос, а в совокупности они укладываются в довольно стройную концепцию человечности».

А может быть, ничего не «оказалось» — а всего лишь «показалось»? Я тогда полез к ребятам с готовыми формулировками. И когда принимал у них зачет, имел сомнительное удовольствие наблюдать, во что эти готовые формулировки превращались в их головенках. А вот на ежевечерних разборах в детской экологической экспедиции «Тропа» у Юрия Михайловича Устинова стало традицией в конце каждого разбора задавать мне по три вопроса. Вопросы были часто весьма сложными, и на каждый из них я честно давал не один, а несколько известных мне ответов. Общий же итог сплошь да рядом оказывался таким: окончательного ответа у науки нет, а в ненаучные ответы как-то слабо верится...

Например, произошел ли человек от обезьяны? Споры на сей счет продолжаются. Биолог А.А. Любищев сказал: в пользу теории Ч. Дарвина говорит Монблан фактов, а против — Гималаи фактов. В книжке «История эзотерических учений от Адама до наших дней» я вообще обнаружил брошенное мимоходом, словно само собой разумеющееся, утверждение о том, что обезьяна произошла от человека, а вовсе не наоборот. О том, как это происходило, подробно пишет Николай Константинович Рерих в книжке для молодежи «Семь Великих Тайн Космоса». А именно: первобытные люди произвели на свет человекообраз-

ных обезьян в результате... скотоложства. (Беседа с детьми, я об этом, разумеется, умолчал.)

Который же из вариантов ответа на вопрос о происхождении человека правилен? А какая разница? Откуда бы ни взялись существа, именующие себя людьми, для каждого из нас всего важнее, по-моему, — быть человеком в отношениях с самим собой и со всем миром. То есть быть человеком. И тогда, возможно, самым точным придется признать такой ответ: каждый человек произошел от самого себя — от своих постоянных прижизненных и пожизненных усилий (можно сказать и грубее — потуг) быть человеком, а не только им называться; от того, насколько успешно эта задача решается им в своей жизни. То есть я лично как человек все еще «происхожу» от собственного неукротимого желания быть, а не казаться человеком, «происхожу» в ходе постоянных попыток это желание удовлетворить, и поскольку этот процесс, очевидно, пожизненный, я, как человек, буду «происходить», пока жив...

Тезис второй. «В этико-психологическом, а не в общебиологическом и философском, контексте понятие жизни противостоит понятию прозябания. Жизнь — это по-человечески осмысленное существование; это существование разумного существа, сумевшего состояться именно в качестве разумного. Прозябание — это существование бессмысленное, ничем не отличимое принципиально от существования любого животного или даже растения. Жить — значит состояться в качестве представителя рода человеческого как разумной формы жизни; прозябать — значит в этом качестве не состояться».

Мне тут спорить не с чем. Таков мой личный уровень притязаний к качеству моего личного существования. В самой ранней юности я категорически отказался прозябать — то есть отказался быть животным, которое существует просто потому, что появилось на свет и существует. Мое собственное существование никогда не было для меня самодостаточным. Жить — надо, кто спорит, а вот прозябать — не надо. Не надо быть живым трупом. Не надо быть телом без души. Это явно недостойно ни звания, ни названия человека, ни звания, ни названия разумного существа. Прозябать — это значит существовать, даже не попытавшись использовать возможность (шанс) быть человеком. Это мой личный выбор с детства: либо я живу человеком — человекно, разумно, — либо меня не должно быть и физически, телесно, а не только личностно (духовно и душевно). Прозябание — это промежуточное состояние между нормальной (то есть человеческой) жизнью и физической смертью, вернее, физическим небытием. Жить — так человеком, или никак, ибо жить не человеком — значит вовсе не жить, а всего лишь существовать. Существовать можно (и для меня предпочтительно) и в качестве трупа. Или пепла — после кремации. Так я решил для себя.

Пока есть возможность любить детей и ездить к ним, пока есть возможность заниматься литературным и научным творчеством — я счи-

таю это жизнью и считаю, что жить надо. Есть смысл. Это жизнь, то есть человечески осмысленное существование. Я нужен. И тем самым реализуется девиз геронтологов — прибавляется жизнь к годам, а не годы к жизни. Ну, а на меньшее я никогда не соглашался и не соглашусь. Моего согласия никто не спрашивает, говорите? Ну и я никого не спрашиваю. Я хочу жить, а прозябать не хочу, не приемлю промежуточных состояний между жизнью и физическим, телесным небытием. Либо жизнь, либо смерть. Все или ничего. Я так для себя решил.

Тезис третий. «Если понимать жизнь как по-человечески (человечно) осмысленное существование, то нельзя не согласиться с Виктором Франклом в том, что в человеческой жизни смысл присутствует всегда, надо только его найти — осознать. Жизни без смысла не бывает, быть не может по определению жизни именно как осмысленного существования. И на вопрос, в чем смысл жизни человека, может быть только один наиболее общий ответ: смысл жизни человека в том, чтобы именно быть, состояться человеком».

Для меня быть и состояться человеком значит, во-первых, любить детей и иметь возможность с ними общаться, быть им полезным; во-вторых, иметь возможность заниматься творчеством, полностью эту возможность используя; в-третьих, отвечать за тех, кто от меня зависит, и за себя перед ними. И тут уж имеет значение только то, что я не смогу признать себя человеком, если не буду относиться к зависящим от меня людям по-человечески, то есть ответственно. А я постоянно сдаю самому себе экзамен на человечность, на право называться человеком; моя человечность для меня самого — вовсе не что-то само собой разумеющееся, она подлежит постоянному подтверждению. Человечность — не раз и навсегда заслуженное звание, а свойство — либо проявляемое, либо нет. Так я лично для себя расшифровываю общую формулу: смысл жизни человека только в том, чтобы быть и состояться человеком. А как эту формулу расшифровываете для себя вы?

Но каких толкований ни предлагай, на человечность не приходится претендовать, если никого не любишь и ни за что, ни за кого, ни перед кем не отвечаешь... Особенно за себя и перед собой. Поэтому «рыночные» отношения, отношения бесконечного тотального торга, кто кому чем обязан и сколько должен, я ни в коем случае не могу признать человеческой — человеческой — формой отношений. Они настолько обезчеловечивают, что запросто можно превратиться из человека даже не в животное, а в гораздо худшее существо — в нелюдя. Вступая в тотальный торг, мы перестаем быть людьми или вообще никогда ими не становимся. Любовь — как ни крути — сущность человечности, а тотальный торг ни с любовью, ни, стало быть, с человечностью — несовместим. И это, разумеется, вовсе не мое открытие. В поисках первооткрывателя этой истины можно забрести далеко-далеко вглубь веков, так что оставим эти разыскания. Неважно, кто первый это открыл, а важно, что это — так!

Тезис четвертый. «Человек — понятие **этическое**, а не биологическое. Чтобы быть человеком, недостаточно принадлежать к биологическому виду *Homo sapiens*. Каждый из нас человек настолько и постольку, насколько и поскольку — разумное существо, личность».

Размышляя о педагогике, Ю.М. Устинов пишет: «Невежество рождает беззащитность, беззащитность... оборачивается усталостью, похоронами всяких надежд найти удовлетворение в своей работе. А удовлетворение очень нужно, ибо мы — животные, и ничто человеческое нам не чуждо, как же? Основная, самая распространенная причина, по которой его не бывает: каждый хочет быть целью, но далеко не каждый — средством. Собачка тут зарыта со слона. Осознав себя Их (ребят) средством, приняв себя в этом качестве, совершенствуясь в этом качестве, не будешь устало и привычно ждать Их проказ, подлостей или благодарностей, но будешь жить в Их жизни, станешь чувствовать, как Они. Крайности тут тоже не нужны. Не надо быть удобным предметом для познания мира или давать Им запредельно паразитировать на своей способности к резонансу» (Устинов, 1998).

Я, собственно, хотел это процитировать ради более чем остроумного: «...ибо мы — животные, и ничто человеческое нам не чуждо...». Это — короче и проще — именно то, что я пытался выразить своим четвертым тезисом. Мы — животные, а людьми то ли становимся, то ли нет — в зависимости от того как раз, чуждо или нет нам что-то «человеческое» — следовательно, не биологическое, следовательно... какое? В философии это называется по-разному. «Родовое», а не «видовое». «Разумное», а не «бессмысленное» и не «безумное». В контексте же приведенной цитаты, пожалуй, — «культурное» (поскольку перед этим речь шла о невежестве, то есть о бескультуре, а после чудесного афоризма про «животное, которому ничто человеческое не чуждо», сразу же заходит речь о культуре чувств, о культуре любви, о культуре резонирования в унисон любимому существу, в данном случае — ребенку).

Что ты животное — доказывать не нужно. А вот что ты человек — будь добр доказать. Своим поведением, своим отношением к другим людям. Учитывая, что тело — человеческое, но человек — не тело. Да и тело — человеческое лишь постольку, поскольку используется в качестве универсального инструмента в человеческой деятельности. Какой именно культурой ты овладел? Умеешь ли ты любить? Умеешь ли во имя самоценности «другого» становиться его, «другого», органом, средством? Тут сразу вспомнишь слова и Э.В. Ильенкова — о том, что человека человеком делает освоенная им культура, и Ф.Т. Михайлова — о том, что все мы друг для друга — органы взаимоотношения или взаимоотношечеловечивания, что мы — именно то, как обращаемся друг с другом и друг к другу. Иначе говоря, мы люди постольку, поскольку обращаемся друг с другом и друг к другу по-человечески, поскольку все не чуждое нам, освоенное нами человеческое в нашем взаимодействии — работает. И как только

человеческое из наших отношений исчезает, мы в тот же миг перестаем быть людьми. В лучшем случае, остаемся просто животными, а в худшем — оказываемся нелюдями — существами, реализующими в своих действиях не человеческое и не зоологическое, а античеловеческое, не человечность, а бесчеловечность, не разум, а безумие.

Тезис пятый. «Этическая сущность человека — человечность. Именно человечностью, а не, например, пресловутой двуногостью и отсутствием перьев, человек отличается от всех прочих существ... включая Бога, если его существование вообще признается». Однако тезис о человечности как сущности человека не является тавтологией вроде того, что, скажем, сущность тигра — тигриность, сущность змеи — змеиность, а сущность Бога — божественность, и т. п. Содержание понятия «человечность» раскрывается через ряд других понятий, характеризующих именно нашу жизнь, а не наше прозябание. Это понятия «счастье», «акме», «духовность» и «интуиция».

Так что же это такое — человечность? Попробуем следовать элементарной логике. Если человечность — это то, что делает человека человеком, то она представляет собой способность быть человеком. Человеком можно быть, а можно и не быть, — следовательно, это не врожденная, а приобретаемая, формирующаяся и реализующая себя способность, которой можно овладеть. То есть получается, что можно научиться быть человеком. И научить тоже можно. (Отсюда вовсе не следует, что мы умеем учить этому; здесь только делается вывод о том, что такое обучение возможно в принципе, независимо от того, умеем мы этому учить или нет. Но если можно научить в принципе — значит, надо научиться учить.) Далее: если человечность — это способность быть человеком, прижизненно формируемая и реализуемая в определенной деятельности, то эта фундаментальная способность, очевидно, сама в свою очередь должна обеспечиваться другими способностями — к чему-то не столь фундаментальному, но такому, без чего способности быть человеком нельзя себе и представить. Чтобы быть человеческим, надо быть еще таким-то и таким-то. Каким же? Набор каких именно, к чему именно способностей обеспечивает возникновение способности к человечности?

Будучи последователем Э.В. Ильенкова, я в своих работах постоянно пропагандирую следующий набор универсальных способностей, обеспечивающих способность быть человеком: мышление, воображение, нравственность и физическую культуру. Прочитав «Розу Мира» Д.Л. Андреева, я согласился, что список необходимо дополнить еще способностью к духовности. Участие в симпозиумах по психологии смысла жизни неожиданно подвело меня к несколько иному набору, который, конечно, не отменяет только что указанный, но как-то дополняет и, пожалуй, конкретизирует его. В него входят упомянутые выше «счастье», «акме», «духовность» и «интуиция». В следующих четырех тезисах предпринята попытка обоснования этого набора способностей.

Тезис шестой. «Если понимать счастье как отсутствие проблем, то самым “счастливым” придется признать покойника или... любой булыжник. Жизни (и даже прозябания) без проблем не бывает; следовательно, счастье не в беспроблемности. Может быть, оно — в возможности решать проблемы — в одиночку ли, с посторонней ли помощью? Существенный изъян такого определения — его этическая нейтральность. Мало ли какие “проблемы” приходится решать в одиночку или при поддержке кого-то еще! В этом смысле “счастлив” и злодей, совершающий свои преступления в одиночку или в компании сообщников. Счастье — взаимопомощь? Опять же — смотря в чем взаимопомощь, в каком деле, при решении каких проблем. Счастье — это **человечная** взаимопомощь. Или, иными словами, — взаимопомощь при **человечном** решении каких бы то ни было проблем. Вне человеческого контекста счастья быть не может. Преступник — несчастен».

Поскольку человек — этическое, а не биологическое понятие, а человечность — этическая сущность человека, ни один «показатель», его характеризующий, не может быть этически нейтральным. Тем более такой важный показатель, как счастье. Но, как видно из тезиса, дать этически безупречное определение счастья очень непросто. Единственное определение, которое я могу дать безо всяких колебаний и сомнений, связано с противопоставлением жизни прозябанию (см. выше). Тогда счастье — это жить, а не прозябать. Иными словами, счастье — это быть, состояться человеком. Если мне удастся быть человеком и именно по-человечески жить, а не прозябать, — я счастлив. Если не удастся — я несчастен. Более точное определение счастья дать не получается. Кто знает, возможно ли это...

Выходит, быть счастливым и быть человеком — это одно и то же. И если обстоятельства складываются настолько бесчеловечно, что быть человеком дальше невозможно, а возможно только прозябать, то... Я уже сказал: все — или ничего. Но со словом «счастье» мы связываем еще и определенное чувство. Блаженство, восторг, радость, довольство, особо глубокое удовлетворение... Такой вот ряд. Получается быть человеком — нет причин быть недовольным собой. Чтобы ощущать себя счастливым, важно быть уверенным, что быть человеком — получается. Ну, а для недовольства окружающим миром и обстоятельствами поводы и причины всегда найдутся. Счастье — это не только жить человеком, но и умереть человеком. Это тоже надо суметь. И это умение — ой, какое нелегкое... Тем более, что, если не получилось, — не воскреснешь, дабы исправить промашку.

Тезис седьмой. «Акме — это вершина человечности, вершина человеческого достоинства. Гитлер, придя к власти, возглавил одно из самых преступных в истории государств. Акме ли это? Вершина ли? Очевидно, скорее наоборот — глубочайшая бездна человеческого, нравственного падения. Вне этического контекста об акме, таким образом, не приходится говорить».

Вообще-то достоинство — это качество. Человеческое достоинство — человеческое качество. Понятию «достоинство» противопоставляется понятие «унижение». Значит, достойно быть человеком. Недостойно, унижительно — не быть им. А «держаться с достоинством»? Может ли держаться с достоинством нелюдь? Бывает и такое. Но мало ли какую маску можно на себя натянуть... Чтобы достичь вершины человеческого достоинства — наиболее полного проявления своего человеческого качества, — необходимо постоянно, с самого детства, уже быть на этой вершине. Парадоксально звучит? Чтобы достичь вершины, надо на ней уже быть. Всегда быть.

Дело в том, что достижение акме возможно только при условии полной мобилизации всех личностных сил — или, что то же самое, при условии полной самореализации. Полностью же самореализовываться надо каждый день. Хорошо об этом написал Ю.М. Устинов: «...Сделать все, что мог, выложиться целиком. (Светлая мечта: выкладываться целиком каждый день.)» (Устинов, 1998). Только так можно достичь вершины всего жизненного пути — выкладываясь целиком, по возможности ежедневно, то есть по возможности ежедневно достигая вершины во всех своих человеческих проявлениях. А если откладывать на потом полную человеческую самореализацию, — дескать, успеется еще, — велик риск спохватиться однажды, что так себя и не реализовал, только наверстать упущенное уже не получится... Да и было ли что реализовывать?.. Ведь реализуемые возможности создаются в процессе их реализации. Не реализуешь наличные возможности — значит, на самом деле не имеешь никаких, нечего тебе реализовывать.

Тезис восьмой. «Понятие “духовность” — крайне сложное, многоплановое. Указание на то, что в основе его лежит понятие “дух”, мало помогает его раскрытию, ибо, как сказал А.Т. Твардовский, “и дух бывает разный — то ли мертвый, то ль живой”. Разнообразие природы “духа” (светлого — темного, божественного — сатанинского — стихийного) очень хорошо показано в “Розе Мира” у Даниила Андреева. Однако нас интересует “духовность” лишь как этико-психологическая характеристика, как некая способность личности. Пытаясь ответить на вопрос, что же такое духовность как психологическая способность, я в конце концов пришел к такому выводу: это нравственная и познавательная чуткость, способность чувствовать изнутри других людей и весь окружающий мир (в том числе и “трансфизические” миры, о которых пишут эзотерики, — при условии, конечно, что, проявляя подобную “трансфизическую” чуткость, не свихнешься в явную, клиническую психопатологию...). Хорошо пишет о духовности Даниил Андреев: “Духовность в качестве нравственной чуткости — это способность со-чувствовать, со-страдать, со-радоваться, особенно же — со-веровать, а в качестве чуткости познавательной — это готовность признать существование непонятого. Духовность как познавательная чуткость — это то, что я назвал бы “мужеством незнания””. Не бойтесь признаться, что Вы чего-то не знаете, не понимаете. Не спешите

непонятное, неизвестное объявлять несуществующим. Не будьте вульгарными рационалистами. Будьте мужественными настолько, чтобы оставить в мире место для иррационального. Но, признав иррациональное, не отрекайтесь и от рационального. Соблюдайте баланс».

Я долго шел к такому пониманию духовности. Но в «Розе Мира» у Даниила Андреева обнаружил великолепное, снайперски точное и потому неотразимо убедительное разграничение интеллектуального и духовного: здесь перед нами два совершенно различных ряда явлений. Почти вся область науки и тем более техники принадлежит к первому ряду; в него входят также философские, эстетические и моральные построения в той мере, в какой они высвобождаются из-под представлений и переживаний иноприродного, иноматериального, запредельного, духовного в точном смысле этого слова. В той же точно мере входят в него общественные движения, политические программы, экономическая и социальная деятельность, даже искусство и художественная литература. Духовный же ряд состоит из человеческих проявлений, находящихся в связи именно с понятием многослойности бытия и с ощущением многообразных нитей, которыми связан физический план жизни с планами иноматериальными и духовными. Сюда полностью относятся области религии, спиритуалистической философии, метаистории, магии, высокой этики и наиболее глубокие творения литературы, музыки, пространственных искусств.

«Если понять и усвоить это различие двух родов явлений, духовного и интеллектуального, тогда станет ясно, что духовное богатство находится отнюдь не в прямой зависимости от богатства материального. Дурно отражаются на духовной деятельности только две крайние степени материального достатка: нищета и роскошь. Первая заставляет тратить все силы на борьбу за существование, вторая ведет к погоне за умножением богатств либо к пресыщенности, к опустошению, к затыгиванию психики душевным салом.

Не Швеция, не Голландия, не Соединенные Штаты, а бедный Таиланд, полуцивилизованные (разумеется, с точки зрения европейцев) Цейлон, Бирма и Камбоджа, “полудикие” Тибет и Непал, полунищая Индия являют собой образцы обществ, жизнь которых гораздо более, чем жизнь обществ западных, пронизана артистичностью, повседневным участием масс в творчестве высокоэстетических ценностей, интенсивными идейными исканиями и тем душевным теплом, которое найдешь только в странах, где веками царил нравственный климат, создаваемый огромными водоемами духовности. У нас привыкли сосредоточивать внимание на экономической отсталости этих стран, на индийской бедности, на тибетской малограмотности, на примитивности цейлонского быта, на пережитках в Индии кастовой системы, а в Тибете — теократического феодализма, на несовершенствах семейного уклада. И сознательно закрывают глаза на другую сторону жизни этих стран: ту сторону, чьими силами создавались и поддерживались города, наполовину состоящие из хра-

мов потрясающей красоты и просветленности; взлетами чьего гения лик земли украсила дивная архитектура; благодаря чему священные реки текут по этим странам между берегов, увенчанных бесчисленными памятниками человеческого устремления к духу, свету и красоте. Забывают ту сторону индийской жизни, без наличия которой никакой народ не мог бы от векового порабощения освободиться методами ненасилия, — самыми этически чистыми методами, какие только удалось до сих пор измыслить. Не интеллектуализмом, а именно духовностью веет от всевозможных проявлений народной жизни Индийской и Индомалайской метакультуры: и от пронизанных внутренним светом изумительных ремесел, и от народного искусства, и от отношения “человека массы” к проблемам жизни и смерти, и от мистерий и героических эпопей, которые целыми ночами представляются на жалкой площади в любой, самой захудалой деревне, и от поражающей нас незлобивости по отношению к недавним поработителям, и от незначительного, особенно в сравнении с Америкой и Россией, процента уголовных преступлений, и от высокоморальных программ действия, принимаемых массовой правящей партией, и даже, например, от преобладающих в индийском обществе типов женщин, так рельефно изображенных Рабиндранатом Тагором и Прэмом Чандом.

Подмена понятия духовного понятием интеллектуального, причем с сохранением именно термина “духовный”, столь повсеместна в России и даже на Западе, что становятся совершенно ясными ее смысл и цель. Ее смысл и цель — все в том же стремлении вывести человеческую психику из области высших ценностей в область ценностей утилитарных. Это стремление и его действительное осуществление составляют одну из главнейших сторон переживаемого нами этапа культурно-исторического процесса. Это связано, конечно, и с выхолащиванием далекого социального идеала, о чем я уже говорил, и с усилиями сделать это постепенно, прикровенно, дабы общество, мало-помалу выхолащиваясь само и перерождаясь, не замечало образующегося вакуума, не замечало, как у него отнимают ценнейшие из ценностей и взамен подставляют другие, подчиненные. Материальный достаток есть сам по себе безусловная ценность. Это есть естественный, достойный человека уровень его внешнего существования. Он представляет собою ценность потому, что это — та самая броня внешнего благополучия, которая дает возможность спокойно созреть и плодоносить семенам души. Но провозглашать материальный достаток и внешнее покорение сил природы ради опять-таки материального изобилия человечества ценностью основной и наивысшей, целью организованной борьбы масс во всем мире, идеалом общественного развития, во имя которого следует приносить в жертву целые поколения и все, что относится к духовному ряду ценностей, — это есть или трагическая ошибка, или полусознанный обман. Однако же именно эта ложная мысль, иногда провозглашаемая полным голосом, иногда недоговариваемая до конца, но всегда присутствующая в комплексе революционных идей нашего века,

определяет и характер идеалов, венчающих этот комплекс, и усвоенную им методику» (Андреев, 1991).

По мнению Даниила Андреева, западная часть человечества окончательно свернула с пути духовной эволюции на путь научно-технического прогресса не позднее, чем в XVI веке, — по привычной нам со школьной скамьи хронологии, на заре так называемого «Нового времени». Как раз тогда, когда началось первоначальное накопление капитала и зародилось экспериментальное естествознание. Ну, а если бы продолжалась духовная эволюция? Тогда, по мнению Даниила Андреева, мы имели бы следующие совершенно фантастические подчас возможности: «В человеческом существе — не в физическом его теле только, но во всем сложном, разноматериальном конгломерате его существа — заложены такие потенции, развитие которых бесконечно раздвинуло бы возможность нашего пользования материальными средами и совершенно изменило бы соотношение между человеком и пространством, человеком и временем, человеком и природой, человеком и другими слоями бытия. Проблему полета способно решить не только авиация. Борьба с болезнями за продление нормальных сроков жизни может вестись и совершенно другими методами, чем те, какими пользуется медицина. Быстрое передвижение в пространстве и общение на громадном расстоянии вовсе не являются монополией наук, связанных с усовершенствованием видов транспорта и средств связи. Способность к полету, например, к преодолению пространств с невообразимой быстротой, к общению на больших расстояниях, к прохождению сквозь плотную среду, к преодолению болезней, к продлению срока человеческой жизни в два-три раза, ко встречам с существами других слоев, к созерцанию трансфизических панорам, к восполнению жизненных сил не через пищу, а через впитывание излучения светлых стихийалей и через вдыхание благоуханий [нечто весьма напоминающее “автотрофность человечества”, о которой говорил В.И. Вернадский. — А.С.] — все эти способности, как и многие другие, покоятся в зачаточном состоянии в глубине нашего существа» (там же).

Автор «Розы Мира» совершенно прав, описывая нетерпимость части общества, настолько «бездуховной» или «демонически духовной», что она, эта часть общества, на дух не переносит какую бы то ни было мистику и религию. Он прав, замечая, что эта антимистическая и антирелигиозная часть общества не может отказаться от термина «духовность», подменяя понятие духовного понятием интеллектуального. Так что же такое это самое духовное? В конце концов, дело хозяйское — принимать или отвергать мистику и религию. Не в этом суть. Суть в том, что с некоторых пор почти все мыслители, независимо от их отношения к рационализму, мистике и религии, единодушно бьют тревогу: что ни понимай под духовностью, так называемое человеческое сообщество совершенно очевидно становится все более и более бездуховным. И если так будет продолжаться и дальше, самоуничтожение человечества в недалеком буду-

щем неизбежно. Спасение — в духовности. А что она такое? Что такое духовность именно как способность личности, за вычетом вулгарного рационализма, всяческой мистики и теологии? Я пришел к выводу о том, что духовность как способность личности — это прежде всего чуткость, открытость. Мы бездуховны прежде всего потому, что закрыты. Мы слышим оглушительный шум исключительно нашего собственного «мнения», своего «Я» — и, как правило, ничего больше. Друг друга не слышим, потому что не хотим слышать. И тем более не хотим слышать весь остальной мир, в котором человечество из-за этой самой закрытости подавляющего большинства его представителей безумствует, а не живет.

Если так, то, во-первых, мы должны научиться слушать друг друга, то есть должны быть нравственно чуткими, открытыми навстречу друг другу. Даниил Андреев называет эту форму духовности способностью со-страдать, со-радоваться, со-чувствовать, и особенно, как это кое для кого ни дико звучит — **со-веровать**. То есть понимать, что любимый вздор — это именно любимый **вздор**, и надо уметь им поступиться ради спасения человечества как разумной формы жизни. Можно предложить еще одну формулировку: **признавать приоритет общечеловеческих ценностей** над классовым, кастовым, конфессиональным и прочим любимым вздором. Духовность — это и терпимость к мировоззрению другого, готовность это мировоззрение если не принять, то уж во всяком случае — понять. Во-вторых, мы должны научиться чуткости не только по отношению друг к другу, но и по отношению ко всему остальному миру — космосу, Вселенной. Должны признать, что как разумные существа мы все еще в детском саду, а то и в яслях; что все накопленные до сих пор знания человечества ничтожны по сравнению с беспредельностью неведомого. Самоуверенная претензия на всеведение — не что иное, как трусость. Все тот же первобытный ужас перед неизвестным, слегка замаскированный гордой позой всезнайки. Очень хорошо об этом сказано у Николая Рериха: «Люди не имели мужества превозмочь предрассудки. Они забывали, что ученый должен быть прежде всего открытым ко всему сущему. Для ученого нет запретных областей» (Рерих, 2001).

«На Земле замечаются многие так называемые феномены, открываются необычные человеческие способности, их начинают наблюдать, но если будет вносимо отрицание и запреты, то создается препятствие эволюции. Необходимо, чтобы ученые показали пример достойный в широком допущении. Совершенно исключается эволюция, где люди не признают возможности познания беспредельного» (там же).

Тезис девятый. «Интуиция — это мгновенное постижение истины в отличие от ее постепенного познания (разглядывания, ощупывания, обнюхивания; экспериментального исследования; теоретического осмысления). Интуиция — это то, что у гештальтистов описано как “инсайт” — озарение. Интуиция — это механизм духовности как нравственной и познавательной чуткости, реализующейся в форме постижения других лю-

дей, самого себя, всего окружающего, “видимого” и “невидимого” мира. Интуиция, по Э.В. Ильенкову (1968), есть чувство “целосообразности” (и тем самым — целесообразности) мира и нас в мире».

Источником научной интуиции является интуиция эстетическая. Тайна эстетической интуиции — чувство красоты, чувство целого, «целосообразность». «И эстетически-психическая слепота, с одной стороны, и развитая острота зрения — с другой, сказываются не только в плане нравственно-личностных отношений, а и в любой сфере человеческой жизни. Умение зорко замечать малозаметную, но на самом деле очень важную деталь и судить по ней о “целом” — то умение, которое чаще всего называют “интуицией”, — важно в любом деле, в любой профессии. И в науке, и в жизни, и в математике, и в расследовании преступлений; нет такой области, где оно было бы излишней роскошью. Это, пожалуй, не надо доказывать. Доказывать приходится другое: что так называемая “интуиция” органически, неразрывно связана с чувством красоты, которое только и развивается в людях большим и настоящим искусством» (Ильенков, 1968, с. 226).

Интуиция — это чувство истины. Это человеческое — отношение к себе, к окружающим людям и к миру, Вселенной в целом. А человечность заключается в выявлении всеобщей, чистой, собственной сущности, формы и меры всего того, на что направлено человеческое внимание. Относиться по-человечески — значит относиться к тому, что есть, так, как оно есть, как оно должно быть, если бы не искажающие внешние влияния. Относиться по-человечески — значит выявлять внутреннюю целесообразность, собственный закон существования и развития всего в мире.

Форма и мера, сущность, всеобщность (ни в коем случае не «общность», не одинаковость, а именно всеобщность) любой вещи в ее собственном роде, к которому она принадлежит в силу имманентного закона развития, — это и есть тот самый «дух» вещей, «дух» мира, «дух» каждого из нас, — тот самый «дух», чуткостью к которому и характеризуется наша духовность. Потому-то интуиция как чувство истины и оказывается «тайной» духовности — той самой «тайной», раскрытие которой делает понятной духовность и в форме со-верования, и в форме мужества незнания. Ведь и в той, и в другой форме духовность — это способность и готовность понять, проникнуть, постичь — постичь именно дух, то есть сущность, — а интуиция и есть та способность, благодаря которой постижение духа, сущности мира и чего угодно, кого угодно в мире, оказывается возможным.

Недаром же говорится: «следовать духу, а не букве». Иными словами, следовать сути, сущности, а не внешности, которая вполне может оказаться искаженной, обезображенной, уродливой. Духу может соответствовать только чистая собственная форма — та всегда красивая форма, которая этим духом (сущностью) создается и развивается, в которой дух (сущ-

ность) воплощается, — а не та, которая искажается, коверкается в результате грубого внешнего воздействия, из которой дух изгоняется. Интуиция — это непосредственное постижение духа (сущности), благодаря которому только и возможна духовность — как со-верование и мужество незнания. Безумие начинается там, где дух (сущность) отрицается и насильственно подменяется чем-то чужеродным, посторонним, случайным, то есть не соответствующим духу (сущности) данного целого. Дух цело- и целесообразен, и потому он постижим. Хаос случаен, и потому он непостижим, как непостижима любая куча обломков. Поди постигни, от какого целого тот или иной обломок...

Тезис десятый. «Итак, человечность — это разумный способ существования, противостоящий скотскому (бессмысленно зоологическому или даже “ботаническому”) и преступному (безумному, античеловеческому, сознательно безнравственному). Человечность как разумный способ существования предполагает: 1) счастье — взаимопомощь в созидании, а не в разрушении; 2) духовность — нравственную и познавательную чуткость; 3) интуицию — чувство цело- и целесообразности мира и себя в мире; 4) акме — стремление к вершине самореализации в качестве разумного существа».

Итоги подводить нелегко. Все равно они не могут быть окончательными — только предварительными. Таков уж предмет нашего разговора. Определения человечности, данные по разным поводам, в этих главах приводились неоднократно... А общий итог?

Общий итог — это, пожалуй, представление о человечности как о **способности** быть человеком. Чтобы научиться быть человеком, необходимо формировать и развивать в себе еще целый набор способностей, вместе обеспечивающих способность к человечности.

1. Смысл жизни человека в пределе может заключаться только в том, чтобы быть человеком.

2. Если не получается быть человеком, не получается и жить, а получается прозябать.

3. Быть человеком — значит быть человеческим.

4. Человечность — это **способность** быть человеком, формирование, развитие и реализация которой предполагает формирование, развитие и реализацию **способностей** мышления, воображения (в форме восприятия, фантазии и интуиции), нравственности, физического здоровья, духовности.

5. Все эти способности формируются и развиваются в ходе освоения **всеобщей** человеческой культуры, а не только и не столько тех или иных профессиональных частных.

6. Высокий уровень развития всех этих способностей обеспечивает достижение счастья и акме как вершины самореализации личности.

Остальное — смотрите выше. И думайте сами...

Литература

Андреев Д. Роза мира. М., 1991.

Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., Политиздат, 1968.

Рерих Н. Семь Великих Тайн Космоса. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.

Устинов Ю. Золотой мотылек. Петрозаводск, 1998.

Жарский Ф.Г. (Шуя)

О смысле жизни и акме

(ответы на вопросы анкеты Психологического института РАО)

1. Что такое смысл жизни?

Думается, смысл жизни — прежде всего в самой жизни. Ведь она каждый раз возникает случайно. Это редкая удача, что человек появился на свет, и потому жизнь его — величайшая ценность. «Дар Божий». Ведь она не может повториться. Значит, надо, чтобы жизнь стала качественной, счастливой. Счастливой в здоровье, в любви, в семье, в труде. Счастья тем больше, чем полнее человек его чувствует, осознает и ценит, чем больше он понимает красоту жизни: в человеческом общении, в природе, в явлениях искусства, в удовлетворении работой и успехе в ней, в творчестве, в осознании добропорядочности своей жизни и чистой совести, что обеспечивается соблюдением божьих заповедей.

Как профессиональный литератор, школьный и вузовский преподаватель литературы, нахожу в жизни известных талантливых писателей (как и в жизни созданных ими персонажей) примеры такого отношения к смыслу жизни. Именно поэтому они испытывают в периоды плодотворной работы большое счастье и удовлетворение — и это при том, что творец всегда критически относится к создаваемому им, для него характерны постоянные сомнения и недовольство собой. Ведь совершенству нет предела. Но творец стремится к нему. Б. Пастернак это высказал в словах:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, поисках пути,
В сердечной смуте.

С. Джамбинов именно в таком смысле характеризует жизнь и творчество Даниила Андреева (сына знаменитого писателя Леонида Андреева), создавшего во Владимирской тюрьме ставший ныне известным историко-философский трактат «Роза мира». Выйдя из тюрьмы в апреле 1957 года, он последние полтора года своей жизни записывал всю книгу, иногда восстанавливая текст по памяти. «Заканчивая эту невероятно трудоемкую работу, — пишет С. Джамбинов, — Даниил Леонидович не раз брал силы взаймы у будущего. После окончания рукописи Д.Л. Андреев

прожил всего пять с половиной месяцев, но он умер с осознанием исполненного долга» (*Джамбинов*, 1989, с. 177). Характерно, что Д. Андреев именно так представляет «главных деятелей русской культуры: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л.Н. Толстого и А.К. Толстого, Достоевского, Тургенева, Вл. Соловьева и А. Блока». В публикации А. Андреевой и Б. Чукова, предисловие С. Джамбинова к которой процитировано выше, представлены только главы о Лермонтове и Блоке. Вот как характеризуется Лермонтов: «С самых ранних лет неотступное чувство собственного избранничества, какого-то исключительного долга, тяготеющего над судьбой и душой» (*Андреев*, 1989, с. 179).

Свою оценку жизни и творчества писателя Эм. Казакевича с позиции смысла жизни и акме я дал в статье, помещенной в сборнике Психологического института (*Жарский*, 2002).

2. Какое значение имеет наличие смысла жизни для каждого человека?

Без смысла жизни не живет ни один человек; быть может, отличается лишь степень его осознания у разных людей.

3. Какое содержание Вы вкладываете в понятие «акме человека» в личном и профессиональном плане?

Акме человека — это моменты или периоды, когда он наиболее удовлетворен своими успехами в личной жизни и профессиональной деятельности, это сознание сохранения чести и достоинства, что в тоталитарном государстве бывает нелегким делом. Примеров тому в литературной жизни СССР было великое множество. Вспомним досаду А. Твардовского в стихотворении «Я сам дознаюсь, доищуся»: «Не стойте только над душой, над ухом не дышите».

Сразу представляется его нелегкая редакторская судьба, цензурный диктат, история борьбы за публикацию повести А. Солженицына «Один день», борьба за его собственные поэмы «Теркин на том свете» и «По праву памяти». В условиях тотального господства придуманного метода «социалистического реализма» талантливому художнику слова приходилось многое преодолевать, чтобы сказать правду и не выйти за рамки инструкции. В. Гроссман охарактеризовал обязательный «метод» таким сравнением: «Это зеркальце, которое на вопрос партии и правительства “Кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?” отвечает: “Ты, ты, партия и правительство, всех прекрасней и милее!”» (*Золотуский*, 1989, с. 46).

И все же находились те, кто имел силы выйти из-под опеки и творить так, как велит душа, чтобы выполнить свой долг художника. Самым ярким примером такого рода является жизнь и творчество А. Солженицына. Он показал всем, что можно писать, не оглядываясь на инструкции. А. Твардовский был прав, считая, что после публикации «Одного дня» «писать, будто “Ивана Денисовича” не было, — невозможно». Вся советская литература после повести А. Солженицына уже вряд ли может быть причислена к «социалистическому реализму». Советской назвать ее можно лишь

условно, имея в виду время бытования. По крайней мере, сказанное мною справедливо в отношении лучших книг 1960—1980-х годов, созданных Ф. Абрамовым, В. Астафьевым, Ч. Айтматовым, В. Распутиным, Б. Можаяевым, В. Шукшиным и другими авторами, недаром возник в конце восьмидесятых термин «сверхлитература» применительно к произведениям писателей-современников, открывавших читателям много горькой, но нужной правды. Предложил его автор прекрасной документальной повести о войне «Каратели» и ряда аналитических статей о военной литературе тех лет Алесь Адамович. Именно в жанре и направлении «сверхлитературы» работал А. Солженицын, избравший для себя писательскую стезю уже в школьные годы, творивший даже в тюрьме и в лагере, преодолев ради достижения этой цели немислимые трудности и даже онкологическую болезнь, грозившую перечеркнуть все намеченное, созданное и хранимое в памяти. «Однако я не умер, — вспоминает писатель. — Это было Божье чудо, я иначе не понимал. Вся возвращенная мне жизнь с тех пор — не моя в полном смысле, она имеет вложенную цель!» (Солженицын, 1991, с. 8).

Осознание значимости дела дает художнику не только чувство удовлетворения, но и делает его счастливым, приводит к душевному подъему. А. Солженицын рассказал о таком своем состоянии в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Иногда в понуренной колонне, под крики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху, — скорей туда, на объект, где-нибудь в уголке записать. В такие минуты я был и свободен и счастлив». (Солженицын, 1991а, с. 95).

Писатель дорожил таким состоянием, оно давалось чувством внутренней свободы художника. А. Кондратович, один из сподвижников редактора «Нового мира», оставил интересное наблюдение в своем дневнике в ноябре 1969 года. Дело касалось исключения А. Солженицына из Союза писателей: «Приехал Солженицын. На лице огорчения особого не видно. Напротив. Я спросил его о самочувствии, и он без бравады ответил: “А что? Теперь я самый свободный человек. Уже ни от кого не завишу. Разве это плохо?”» (Кондратович, 1991, с. 447). А. Солженицын свою миссию исполнил, как и многие отечественные писатели, его современники — В. Овечкин, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Цветаева, М. Зощенко, В. Гроссман, В. Шукшин, — и этим они были счастливы, несмотря на нелегкую, порою трагическую судьбу.

4. Какими Вы представляете свои наивысшие достижения как личности и как профессионала?

Прожил в браке с любимой женщиной более 50 лет, вырастили с ней двоих сыновей — хороших и честных людей, имеем хороших внуков и даже одного правнука. Хотя и поздно, в 29 лет, получил высшее образование, в 39 защитил кандидатскую диссертацию. Изучал творчество любимого писателя (Эм. Казакевича), написал и опубликовал серию статей о нем — честных и объективных, преподавал ряд лет

русский язык и литературу в школе, литературу в педагогическом вузе до 68 лет — все, что мог и успел. Работал хорошо.

5. Всегда ли наличие смысла жизни положительно сказывается на судьбе человека? Почему?

Думаю, не всегда. Некоторые советские писатели бились за то, чтобы им разрешили «писать плохо», ибо они-де прославляют партию и правительство и выражают торжество коммунистической идеи. Это, например, авторы известного «Письма одиннадцати» — доноса на А. Твардовского и его журнал «Новый мир» в ЦК КПСС, — опубликованного в «Огоньке» в июле 1969 года (*Кондратович*, 1991, с. 424—425). Результат известен. Редакция лучшего в стране журнала разогнана, его редактор не у дел и в конечном итоге сведен в могилу. Все зависит от того, какой смысл имеет в виду человек. Вряд ли одиннадцать писателей были озабочены благом своей страны и желали торжества коммунистической идеи. Жизнь обошлась с ними жестоко, подсунув им фальшивку, внушив веру в фантомы и готовность использовать все средства для их воплощения в жизнь. Судьба этих ревнителей служения партии плачевна. Их имена покрыты позором. Это пример из жизни, но и литературные сюжеты такого рода многочисленны. Яркий пример нравственного падения человека, который одержим ложной идеей, дал И. Бабель в «Конармии». Повествование о бойцах Первой конной армии во время событий советско-польской войны ведется от лица Василия Кирилловича Лютова — высокообразованного, интеллигентного «кандидата прав Петербургского университета». Он прикомандирован к штабу дивизии и работает в газете «Красный кавалерист». Лютов — убежденный сторонник революции и революционных войн. Он стремится сравняться с бойцами Первой конной, стать своим в их среде, иначе ему грозит смерть от рук казаков, которые ненавидят интеллигентов. И он преуспевает в этом. В последней новелле «Конармии» Лютов предстает циничным соблазнителем дочери школьного учителя, на квартире которого остановился (*Бабель*, 2000, с. 254—258).

Достижение положительных результатов бывает проблематичным, если цели завышены и не соответствуют реальным возможностям личности. Знал людей, чувствовавших себя несчастными от придуманных проблем, которые им не удалось решить.

6. Чего, по Вашему мнению, в жизни человека больше: смысла или бессмыслицы? Почему вы так считаете?

Всякое бывает, хватает и того и другого. Человек сложен, жизнь непроста. В молодости не хватает опыта и знаний, выдержки, часто поступки совершаются стгоряча. С возрастом бессмыслицы бывает меньше, смысла больше, в молодости часто наоборот. Я в жизни сделал много ошибок, которых стыжусь. Надеюсь, они не имели тяжких последствий для других людей.

7. В какой мере Вам удалось реализовать себя в прошлом?

Несмотря на некоторые объективные и субъективные трудности, удалось в 20 лет окончить среднюю школу, в 29 лет получить высшее педагогическое образование по желаемой специальности учителя русского языка и литературы. Дерзнул поступить в аспирантуру. Подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом кафедры литературы. Десять лет заведовал кафедрой. Думаю, это тот предел, который мне был отпущен. Свою жизненную задачу исполнил.

8. Назовите судьбоносные для Вас события, которые были на Вашем жизненном пути.

В 1937 году был арестован как враг народа и расстрелян мой отец. Это определило на долгие годы судьбу моей мамы и мою собственную жизнь. Мама, которую выгнали с работы, уехала со мной в глухую белорусскую провинцию, где работала учительницей начальных классов, кочуя из деревни в деревню, так как долго на одном месте ее не держали, стараясь избавиться от нее под любым предлогом. В конце концов мы оказались в старообрядческой деревне Скриплица, что в 1942 году спасло нам жизнь, так как белорусские деревни, где мы жили ранее, Любоничи и Козуличы, были сожжены фашистами вместе с жителями. Конечно, мы не в силах были убежать от быстро наступавшей немецкой армии и три года прожили в оккупации в холоде и голоде, подвергаясь ежедневному риску гибели, находя приют у добрых людей.

Очень эмоциональным и на всю жизнь памятным оказался для нас день освобождения. Мы плакали, не стыдясь слез. Посреди всеобщего ликования, навстречу колонне советских танков вышел с поднятыми руками немец. Его разоружают, люди дружески с ним разговаривают, он показывает фотографии своей семьи, говорит, что он не немец, а француз из Эльзаса. Спрыгнувший с танка молодой боец тоже настроен благодушно. Но командир из проезжавшего «виллиса» жестом приказывает бойцу расстрелять пленного. И тот, несмотря на мольбы немца, бросившегося на одно колено и молитвенно сложившего руки, расстреливает его на глазах у всех. Сцена потрясла меня своей жестокостью и бессмысленностью. Я дико закричал маме: «Лучше бы нас не освобождали!». Мама, потрясенная не меньше меня, тоже закричала, стараясь привести меня в чувство, — приводила какие-то доводы, твердила, что и немец, наверное, убил много наших и только теперь сдался, находясь в безвыходном положении. Но я был убежден, что пленных убивать нельзя, что мы — не фашисты. А теперь увидел, что в Красной армии это делают. Писатель Вяч. Кондратьев, участник войны, изобразил в рассказе «Сашка» такой же эпизод, но закончившийся благополучно. Молодой солдат, получив преступный приказ, тянул с его выполнением, пока командир не остыл. С того момента началось мое взросление и прозрение, начал вырабатываться реальный и трезвый взгляд на жизнь, на войну, на советскую власть, на коммунизм, в

который верили мои родители, в который еще долго верил я сам, полагая, что это великая идея, но она трудно реализуется, потому что за дело нередко берутся плохие и глупые люди.

Приведу еще несколько событий, негромких, но оставивших заметный след в сознании. Вскоре после освобождения на полевой дороге я увидел молодого парня — партизана, охранявшего склад боеприпасов, оставшихся от немцев. Он подозвал меня к себе, и между нами произошел такой разговор: «Ты жид?» — спросил он меня строго. «Нет», — ответил я. «Нет? Ну тогда иди. А то смотри», — он выразительно погладил ствол своей винтовки.

Эпизод вызвал бурю в моей душе: ведь это партизан, он воевал с фашистами. За какие же идеи, спрашивал я себя.

После Победы как-то увидел прямо на железнодорожных путях станции Бобруйск группу молодых женщин, высаженных с поезда вместе с младенцами. Женщины кормили, пеленали, переодевали своих детей, но были угрюмы и подавлены. Один из охранников словоохотливо пояснял любопытствующим: «Предатели Родины, повыходили в Германии замуж за немцев. Везем в Сибирь». У меня не возникло враждебных чувств к этим женщинам. Знал, как угоняли оккупанты в Германию девушек и юношей. Стало жаль этих мам и их детей. Несправедливость и негуманность происходящего казались мне несомненными.

В первые послевоенные годы в Белоруссии прославляли Евгению Мазаник — подпольщицу, награжденную Золотой звездой Героя Советского Союза за то, что уничтожила в ночь с 21 на 22 сентября 1943 года гитлеровского Генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, подожвав бомбу ему под матрас. О ее «подвиге» был даже снят художественный фильм. В ответ на эту акцию оккупанты расстреляли десятки тысяч заложников в Минске и по всей республике. За что погибли эти люди? Сколько писано и говорено нам было о том, что партия большевиков отвергает террор как метод борьбы. А ведь Кубе вовсе не был палачом белорусского народа, «не мог разделять непосредственную служебную ответственность за преступления геноцида, был единственным, кто сдерживал деятельность расистских убийц», — как пишет ученый-историк (*Туронак*, 1991, с. 155—156).

Большое значение для нашей семьи имели доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и решение о преодолении культа личности Сталина. Как радовались мы с мамой реабилитации отца! Ведь мы перестали быть отверженными. Какие надежды испытывали люди в связи с начавшейся «оттепелью»! Какие возможности открылись перед литературой и учителями школ. Были написаны прекрасные книги. В новом романе К. Симонина «Живые и мертвые» прочитали о первых днях войны — именно таких, какими мы их тогда видели. Со жгучим интересом читали роман Г. Николаевой «Битва в пути», повесть И. Эренбурга «Оттепель», давшую имя радостному периоду, переживаемому страной. Мы упивались стихотво-

рениями Е. Евтушенко «Наследникам Сталина» и «Бабий Яр». Второе дыхание возникло у поэтов старшего поколения, уже давно молчавших, — Леонида Мартынова, М. Светлова, Я. Смелякова. В литературе и искусстве этого времени обсуждались острые проблемы нашей недавней истории: причины культа личности, политические репрессии, их причины и последствия, неудачи первых месяцев войны и т.д. В 1956 году все зачитывались романом В. Дудинцева «Не хлебом единым». Стала возможной публикация в 1962 году «Одного дня Ивана Денисовича» и ряда других рассказов А. Солженицына. Я испытывал от всего этого сильнейший душевный подъем.

Событием, круто изменившим мою жизнь и жизнь моей семьи, стало мое решение поступить в очную аспирантуру. Аспирантура дала мне неоценимый опыт. Общение с учителями — талантливыми учеными — позволило мне включиться в подлинно научную деятельность, ничего общего не имеющую с партийной конъюнктурой, несмотря на необходимые кивки в адрес пресловутой партийности и социализма да обязательных цитат из классиков марксизма-ленинизма. Главным учителем был мой научный руководитель профессор Иосиф Маркович Машбиц-Веров, возвратившийся из сибирской ссылки после 18 лет лагерей. К числу своих учителей я причисляю профессора Якова Ароновича Ротковича, много лет заведовавшего кафедрой советской литературы, профессора Виктора Алексеевича Бочкарева — завкафедрой русской литературы, их замечательных коллег из Куйбышевского педагогического института, где я имел счастье учиться. Назову и моего главного оппонента на защите диссертации, заведующего кафедрой литературы Саратовского университета Павла Андреевича Бугаенко, и многих членов его кафедры. Эти люди служат мне примером в общечеловеческом и научном плане (*Жарский, 1997а*).

Потрясением для меня и всей семьи была история утверждения защиты в ВАКе. Меня пригласили на заседание экспертной комиссии, разговор на котором перевернул в моей душе многое, как расстрел пленного в 1944 году. Выступление экспертов по защите и все, о чем говорили с каждым из троих вызванных, как я, для беседы, было отчетливо слышно в коридоре, где мы ждали своей участи. Нас не стеснялись, — а может быть, это делалось для того, чтобы нам были ясны претензии. Из кабинета неслось: «Вы подумайте, она с нами спорит!». Второй приглашенный спорить уже не смел. Мне хотелось убежать оттуда куда глаза глядят, не ожидая своей очереди. Только сознание того, что всю жизнь я себе этого не прошу, остановило меня. Решил, что надо вынести все. За дверями не пытались вести научную дискуссию, убеждать в чем-то ошибившихся людей, а весьма категорично обвиняли в идеологических отступлениях и угрожали. До того, как вызвали меня, я выслушал мнение эксперта о моей работе. Претензии его касались антикультуровской направленности диссертации. Когда я вошел в кабинет, осталось только соблюсти формальности. Комиссия устала, эмоции улеглись, разговор шел спокойнее. Были заданы для порядка незначительные вопросы. Прямым текстом ни-

чего не говорилось, ведь они знали, что я все слышал. В итоге мне было заявлено, что защиту утвердят, если я соглашусь что-то из работы убрать, что-то отредактировать, отнестись к писателю критичнее. Я согласился, полагая, что сумею сделать это по отношению к писателю бережно, не изменив сути характеристики его личности и произведений. Пережить случившееся было нелегко. Все же, успокоившись, взялся за работу. Со сделанными поправками согласились мои официальные оппоненты, научный руководитель и научный совет вуза, единогласно проголосовавший за поддержку отредактированного варианта диссертации. У меня перехватило горло, когда услышал сообщение счетной комиссии. Не все потеряно. Надо жить и работать. На литературоведах в штатском свет клином не сошелся. Вспомнился совет Л.Н. Толстого: «Если иного выхода нет, делай, что должно, и пусть будет, что будет».

Все пережитое, начиная с детских лет, подготовило меня к принятию того, что произошло в стране. Иначе и быть не могло. Все обусловлено и закономерно.

9. Изменяется ли смысл жизни с возрастом?

С возрастом смысл жизни воспринимается более осознанно. Так было у меня. В молодости об этом думается мало, впереди большой запас времени. А где-то после сорока почувствовал большую физическую и душевную усталость, понял, что время ушло. Силы поистратились. От работы над докторской диссертацией вполне осознанно отказался, трезво оценив свои возможности. Видел, как тяжело доставалась докторская степень моим друзьям и коллегам, сколько сил отнимала борьба за возможность защиты и утверждения в условиях идеологического давления. К тому же понимал, как ответственна докторская степень, какие важные обязанности она налагает на человека. Душевного дискомфорта от этого решения не ощущал, как и от ухода на пенсию. Все, что мог, — сделал, проработал до 68 лет. Нет ощущения упущенных возможностей. Есть чувство удовлетворения жизнью, желание жить и быть участником событий, хотя бы голосуя на выборах.

10. Произошли ли у Вас изменения в понимании смысла жизни в последние годы? Какие?

Естественно, понимание смысла жизни в последние годы в связи с возрастом изменилось. Основное место в нем занимают семья, дети, внуки, правнук, для которых хочется быть максимально полезным. Хочется также воздать должное дорогим для меня людям, ушедшим от нас: матери и отцу, другим родственникам, близким друзьям и коллегам. Кое-что уже написал и опубликовал. Хочется еще написать о дяде — брате отца, о родителях жены, об учителях, о друзьях. Хотя бы для детей и внуков. Что-бы не потерялась о них память (*Жарский, 1997б*).

11. Изменилось ли у Вас представление о Вашем акме, которого вы хотели бы достичь в последние годы? Каким образом и почему?

Думая о своем акме в последнее время, связываю его с работой, названной в 10-ом пункте, со здоровьем, благополучием близких и друзей, что, может быть, и позволит мне ее выполнить.

12. Что, по-Вашему, в большей мере влияет на становление смысла жизни (поставьте в порядке значимости):

а) Для меня это пример родителей (мамы, отца, бабушки, дяди). Моя мама — интеллигент в первом поколении. Она всю жизнь восхищалась своими учителями во второклассной церковно-учительской школе, рассказывала о них и оставила письменные воспоминания. Мечтала стать такой же. Идеал ее жизни — школьный учитель. Смысл своей жизни видела в том, чтобы учить детей. Она была очень честным человеком, с обо-странным чувством долга перед людьми. Жизнь прожила трудную, но всегда надеялась на лучшее и своим принципам не изменяла.

Отца я потерял, будучи в возрасте семи лет, помню его очень смутно, но знаю, что это был умный и честный человек, стремившийся к знанию. Он мечтал стать журналистом и писателем и стал им. Принимал активное участие в политической борьбе, в 15 лет стал членом Компартии Польши, арестовывался, в 1926 году в качестве политэмигранта оказался в СССР. В 1937 году расстрелян как враг народа. Знаю, что он был членом Союза писателей БССР, еще студентом Московского института журналистики опубликовал в «Пионерской правде» повесть «Без языка». В Минске, работая главным редактором газеты на польском языке, подготовил к печати сборник своих рассказов. Из его «дела», присланного мне для ознакомления в 1996 году, видно, что обвинения, предъявленные ему, смехотворны. Своей вины он не признал. О чем думал перед гибелью? О роковой ошибке НКВД или своей ошибке в идеалах? Было ему всего 35 лет. В СССР погибли еще два его брата и племянница. Один брат погиб в немецком концлагере, а его сын воевал в армии генерала Андерса, стал доктором исторических наук, сейчас на пенсии. С четвертым братом, прожившим поистине героическую жизнь, мы успели познакомиться. Его влияние было неоспоримым. Он умер в 1995 году, был ровесником века. О нем мне еще предстоит написать.

Переписывался с одной из сестер отца. Когда Гитлер напал на Польшу, она работала врачом, участвовала в обоих варшавских восстаниях. Потеряла мужа — тоже врача, мать (мою бабушку), двенадцатилетнюю дочь. О военных годах она написала книжку «Записки варшавского врача». Нельзя читать ее воспоминания без слез и восхищения мужеством этих людей. Теперь и ее нет в живых, прожила она 97 лет, до глубокой старости работала и учила языки. Я перевел ее книгу с польского, это реликвия нашей семьи.

б) Художественные произведения: уже в самые свои юные годы пристрастился к чтению, ибо много читала мама. Еще до войны перечитал всего А. Гайдара, накануне войны — «Как закалялась сталь». Роль этих произведений тогда была огромной. Они морально подготовили

меня к событиям предстоящей оккупации. Все происходящее было не так ужасно, потому что соотносилось с прочитанным и виделось сквозь романтическую дымку. Тогда же оценил прелесть «Чука и Гека», «Голубой чашки», а жизнь героя «Судьбы барабанщика» была моей жизнью. С воодушевлением встретил литературу «оттепели», был в восторге от «сверхлитературы» восьмидесятых годов. Жадно читаю «возвращенную» литературу и публицистику. Люблю поэзию А. Пушкина и М. Лермонтова, А. Ахматовой и М. Цветаевой, Б. Пастернака и Н. Заболоцкого. От хороших стихов пьянею как от вина.

в) На становление смысла жизни, конечно, влияет собственный жизненный опыт, особенно ошибки. В результате меняются или уточняются оценки, предпочтения. Стал терпимее к людям. Больше ценю саму возможность жизни. Если выжил в годы войны и оккупации, глупо умереть от неосторожности, от пьянства, курения, переедания, лени, случайной травмы. Лучше доверить жизнь тому, кто выше нас, и прожить столько, сколько отмерено.

г) Общение с педагогами: учился у них мастерству как на положительных, так и на отрицательных примерах. Хорошее перенимал, наблюдая плохое, обещал себе, что сам так не буду делать никогда. Мне повезло, как и людям моего поколения, учиться у наставников, получивших образование еще в дореволюционных учебных заведениях. Их культура и знания были неизмеримо выше, чем у современных преподавателей. Их влияние чувствовалось и в следующем поколении учителей, а потом сошло на нет. Считал для себя постыдным ставить отрицательные оценки по предмету за плохое поведение, никогда не торопился с двойкой, давал ученику время подготовиться получше, никогда не выводил среднеарифметическую оценку за четверть или за год, ибо это очень необъективно и несправедливо. Так никогда не делала моя мама, никогда не делала мой учитель математики Андрей Иванович Бабич и мой учитель физики Игорь Владимирович (фамилию забыл). Обоих вспоминаю с особой любовью. Это были фронтовики, вернувшиеся с войны, очень добрые люди. Очевидно, окопная жизнь и высокая культура научили их ценить и беречь человеческие души. Учителя сороковых и пятидесятых еще не знали давления процентомании, череды обязательных методических новаций, бюрократического засилья, немыслимого в тяготах военного времени и первых послевоенных лет. Дороги мне воспоминания и о преподавателях Сызранского учительского и Куйбышевского педагогического институтов.

д) Влияние средств массовой информации при положительной и отрицательной оценках: помню, как в конце восьмидесятых занимали очередь у киоска за журналом «Огонек», газетами «Московские новости» и «Московский комсомолец». Они, по сути, стали учебниками нашей подлинной истории, прежде от нас закрытой. Это время ушло, ибо многое стало известным, а газеты дорогами. Пресса сильно пожелтела. Некоторые издания, прежде солидные и, несмотря на их слож-

ную историю, авторитетные, сегодня измельчали или «почернели». «Литературная газета» стала националистической, журнал «Наш современник» превратился в фашистское издание.

е) Общение со сверстниками: имел хороших друзей в школах, вузе, армии, расставание с которыми проходило нелегко. У многих учился. Одно нравилось, другое нет. И все же круг друзей был ограниченным, поскольку не переношу алкоголь. Чем старше становлюсь, тем больше страдаю от того, что рядом нет настоящего друга-мужчины. Все далеко. Откровенно поговорить не с кем. В этом отношении чувствую себя сиротливо.

13. Какие учебные предметы помогли Вам в поиске смысла жизни?

Психология и литература. И то и другое посчастливилось изучать в вузе у талантливых педагогов, впечатление осталось на всю жизнь. Хотел ходить на них. Изучение литературы — наиболее универсального из искусств — дает величайшее эстетическое наслаждение.

14. Считаете ли Вы, что могли бы в большей мере реализовать свои потенциальные возможности, чем это произошло на самом деле? Если не смогли, то почему?

Жизнь прошла так, как прошла. Думаю, в той жизни, которую прожил, достичь большего не смог бы. Привык быть осторожным, не высовываться, оглядываться. До болезненности стеснителен. К тому же характер мой увлекающийся и разбрасывающийся. Занимался очень многим: кино и фотографией, садоводством, филателией, изобразительным искусством, любительским театром и т.д. Это отвлекло от основной задачи. Но ни о чем не жалею. Жить было интересно.

15. Что, на Ваш взгляд, влияет на достижение человеком акме?

Акме человека зависит от достигнутых им успехов. Важно только не иметь завышенных амбиций, но иметь запасные позиции и цели, на которые можно было бы отступить без больших потерь в случае невозможности достичь большего. Важно реально и трезво оценивать свои возможности.

16. Существует ли, по Вашему мнению, различие между «будничным» Я человека и «высшим»?

В моменты максимальной реализации своих возможностей, когда есть увлеченность работой и все получается, «будничное» наполняется «высшим», и между ними стирается граница. Однако, думается, такое различие все же существует. Человеку необходимо, помимо творческих устремлений, заниматься и бытом. Но это различие не может иметь категорического характера. Думая о высоком, человек вносит его в будничное, и наоборот.

17. Считаете ли Вы, что в Вашей жизни существует различие между будничным и высшим Я? В чем оно выражается и почему?

Мне кажется, что в моей жизни это различие не так уж велико. Занимаясь «будничным», думаю о «высшем», и наоборот. Этим счастлив. Думаю, дело в особенностях моего характера.

18. Попытайтесь сформулировать смысл своей жизни.

Счастлив тем, что живу, и удовлетворен тем, что удалось сделать. Может быть, удастся что-то сделать и сверх того. Хочу, чтобы всем рядом со мной было хорошо, и боюсь нечаянно сделать им плохо. Возможно, из-за этого и делаю что-то плохое.

19. Существует ли у Вас достаточно четко осознанный Вами жизненный план самосовершенствования, последовательного раскрытия своих способностей?

Такого плана никогда не было. Просто жил, испытывая радость от этого процесса.

20. Что Вы рассчитываете предпринять для реализации такого плана и каких результатов достичь?

Сейчас тем более не чувствую в таком плане потребности и, слава богу, живу свободно, делаю то, на что есть желание, силы и время.

21. Как наличие смысла жизни сказывается на судьбе человека? Почему?

Думается, что наличие осознанного смысла жизни несомненно сказывается на судьбе человека, помогая ему организовывать свою жизнь. Знаю это на примере жизни профессора И.М. Машбиц-Верова. Стремясь наверстать упущенное за время лагерей, он четко планировал свою работу на годы, месяцы, недели, дни вперед. В конце каждого дня отмечал в дневнике, что удалось сделать и насколько это соответствует плану. Поэтому он так много успел.

Литература

Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной мир, 1992.

Бабель И. Проза. Драматургия. М.: СЛОВО, 2000.

Джамбинов С. Русский Сведенборг. Предисловие к публикации фрагментов «Розы мира» Д.Л. Андреева // Новый мир. 1989. № 2.

Жарский Ф. Воспоминания о моем научном руководителе // Самарские филологи: И.М. Машбиц-Веров. Самара: Изд-во СамГПУ, 1997а.

Жарский Ф. «Сейте разумное, доброе» // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни: Материалы I—II симпозиумов. М.: ПИ РАО, 1997б. С. 219—227.

Жарский Ф. Смысл жизни Эм. Казакевича // Современные проблемы смысла жизни и акме: Материалы VI—VII симпозиумов ПИ РАО. Самара: НТЦ, 2002. С. 397—405.

Золотусский И. Дыхание свободы // Взгляд: критика. Полемика. Публицистика. М.: Советский писатель, 1989. Вып. 2.

Кондратович А. Новомирский дневник 1967—1970. М.: Советский писатель, 1991.

Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ // Малое собрание сочинений. М.: ИНКОМ, 1991а. Т. 7.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6.

Турунак Ю. Белоруссия во время немецкой оккупации: страницы из книги // Неман. 1991. № 10.

Яхнин Е.Д. (Москва)

Учитель

Учитель! Это слово должно звучать торжественно и значительно. Учитель — тот, кто направляет других, каждого к высотам правильной счастливой жизни.

А мой учитель? Где он, кто он и был ли? Я пробежал по жизни с детства и по сей день и понял: такого главного человека-учителя, который бы меня создавал и направлял, не было. Но, худо-бедно, я все же как человек состоялся, а это значит — быть человеком я учился. У кого же? У многих, очень у многих, с кем меня сводила жизнь. И я понял: да, моим учителем была жизнь. Банальность? — Не скажите. Как только вы осознаете свою потребность в самосовершенствовании и начинаете понимать, что все происходящее в жизни не должно проходить «даром», что из всего случившегося вы должны извлекать урок, что у каждого встретившегося вам человека можно хоть чуть-чуть научиться мудрости, банальность превращается в прозрение, и вы сами превращаетесь в учителя для самого себя. Вы начинаете понимать, что вы сами несете за себя ответственность.

Мне повезло. Со мной это случилось. Вместе с товарищами я ощутил потребность в самосовершенствовании еще в школе. На уроке литературы учительница вызвала меня к доске и попросила рассказать содержание второй части Некрасовской поэмы «Кому на Руси жить хорошо». На перемене ребята обратили внимание на то, как я с чувством, переживая, рассказывал о застрявшем во льну жаворонке, которого крестьянин освободил, поцеловал и со словами «лети, милый» выпустил с ладошки в воздух. При этом существенным было добавление, в соответствии с которым со мной и дружить-то незачем было бы, если бы я не был способен на такое искреннее переживание.

Прошло почти 70 лет, а я это помню: тогда я впервые осознал, что надо уметь что-то и это что-то важно в жизни. «Пустяшный» эпизод, но, вероятно, именно он пробудил во мне осознанную потребность постигать то, что знают, умеют и чувствуют другие. Я впервые учился — не по программе школьного курса, не по заданию учителя, — я учился у жизненной ситуации, учился в общении со своими товарищами. Я думаю, это и было первым появлением моего «Учителя» жизни. О встречах с ним я расскажу ниже.

Еду в троллейбусе «Б» от Октябрьской площади к Зубовской. На передних сиденьях две пожилые женщины обмениваются своими радостями и горестями. Та, что постарше, объясняет собеседнице: «Воспитывать детей надо добром. Наказывать можно, но не ремнем, конечно, и главное — без злобы». Слова «воспитывать детей надо добром» врезались в память. Их я превратил в своего учителя и никогда не забывал при общении со своими сыновьями и внучками, с детьми моих друзей и знакомых, да и вообще при встрече с любыми ребятами во дворе, на улице. До памятной

встречи в троллейбусе своего старшего сына я иногда наставлял на путь истинный ремнем и, конечно, выдающихся успехов в воспитании не достигал. В назидание молодым признаюсь: вспоминая свою мать, я очень долго боролся с возникающим в памяти эпизодом, когда она наказала меня, семилетнего мальчишку, ремнем из-за того, что я не хотел садиться в слишком горячую воду в ванне. Она считала, что вода не горячая. Подумайте: первое воспоминание о матери связано с прочно сохранившимся чувством, которое я испытывал тогда в ванной комнате. А мать была хорошим человеком и очень меня любила. Да, не злобой, а добром надо воспитывать детей. Поселившийся во мне учитель тут же отпечатал в моем сознании принцип: главными в общении с людьми дома и на улице, на службе и на отдыхе — везде и со всеми — должны быть терпимость, уважительность и доброжелательность.

А вот еще эпизод, совсем другого характера. Основатель современной электрохимии, академик А. Фрумкин, и выдающийся физико-химик, аэрозольщик Н. Фукс на прогулке по тропинкам звенигородского леса обсуждали проблемы организации исследований, к участию в которых следовало привлечь многих ученых. Я, тогда еще совсем молодой человек, слушал маститых в три уха. И вот, после одного из предложений Н. Фука, А. Фрумкин произнес: «Темкин, конечно, очень грамотный и талантливый физико-химик, но он никак не может понять, что каждый день надо совершать над собой насилие!». Фразу эту сидевший во мне учитель превратил в принцип жизни. Я понял — достигнуть поставленной цели можно, только заставляя себя двигаться к ней каждый день, преодолевая себя ежечасно, ежеминутно.

Еще один эпизод. Я всегда стремился прислушиваться к мнению других, пытался не считать свою точку зрения единственно правильной. Пытался. И все же в спорах меня многие упрекали в абсолютизме. По-видимому, сказывалась засевшая во мне убежденность в истинности научных знаний. Не отказываюсь от такой позиции и сейчас. И вот, уже совсем в зрелом возрасте, мне пришлось обсуждать некоторые проблемы с известным математиком и мыслителем академиком Н. Моисеевым. Мудрец Моисеев, оценивая позицию Галилея в дискуссии с ватиканским кардиналом Беллармино, соглашался в споре об истине с позицией кардинала, а не Галилея, который утверждал, что мир устроен именно так, а не иначе. Не принимал Моисеев позицию «Только так, а не иначе». Я еще раз и на новом уровне ощутил свое понимание истины, ощутил, постиг это понимание и в его правильности, и в его относительности.

Эпизоды, которые я здесь упомянул, с точки зрения «учителя», способствовавшего моему становлению, выглядят как случайная и даже в каком-то смысле мистическая реальность. Последовательное влияние моего «учителя», конечно, началось в семье и школе, и об этом стоит рассказать подробнее.

Первое — это книги. Наш дом был заполнен книгами, хорошими книгами. Мама работала в «Госиздате» и имела возможность их приобретать. Я читал все подряд, бессистемно, взхлеб, но многое переживалось и откладывалось в памяти: не только «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо», не только «Следопыт» и «Последний из могикиан», но и «Том Сойер», и «Дэвид Копперфильд», и сколько еще всего — не перечислить. Главное же — им на смену пришли «Агасфер», «Дон Кихот» а потом — «Персидские рассказы» Монтескье и, наконец, «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского и «Государь» Никколо Макиавелли, то есть уже по-настоящему серьезные книги. На полках стояли полные собрания сочинений Пушкина, Шекспира, Лермонтова, Толстого, Достоевского... закончу перечень Плехановым и Гегелем. Книги в доме — великое дело.

Первое знакомство с Достоевским меня потрясло. Если не читали, обязательно прочтите небольшой рассказ «Кроткая». Я не мог прийти в себя несколько дней, до сих пор, чуть вспомню, невыносимость жизни героини ощущается с прежней остротой.

Книги живут и учат не только при чтении, — может быть, еще важнее их обсуждение. Этого в доме тоже хватало. Мне довелось быть свидетелем и как бы участником постоянных яростных споров между отцом и Я. Черняком, известным литературоведом, другом поэта Б. Пастернака. Спорили о литературе, о политике, обо всем. Отец и Черняк обожали друг друга, но ярость спора доводила их порой до разрыва. Они мирились, снова спорили и ссорились, опять мирились, и так без конца. Я не просто присутствовал при этих спорах, внутренне я участвовал в них, наполнялся мыслями, взрослел и, кроме того, учился отстаивать свою точку зрения, несмотря ни на что.

Почти каждую неделю у нас дома бывал А. Кириллов, профессор Гнесинского музыкального училища; играли в шахматы, в почти равную шахматам, как они говорили, карточную игру «винт». Кириллов, из-за болезни проучившийся в московской консерватории у Игумнова только год, садился за рояль. Как он играл! Впервые я услышал свободную импровизацию. Я сочинял тему, а он, спросив, в каком стиле ее разработать — в стиле Моцарта, Бетховена или Шопена, — начинал играть. Это было замечательно. Отец, страстно любивший музыку, спорил с Кирилловым об исполнительском искусстве, о праве непрофессионала вообще высказывать свои суждения. Кириллов говорил со знанием дела. Но аргументы отца мне казались более убедительными. Я слушал, я учился думать. Аспирант консерватории А. Мытник, некоторое время живший у нас, прекрасно играл. Я помню его исполнение сонаты Листа. Он обсуждал со мной, школьником, разные проблемы. Однажды он заявил: «Женя, читай Гегеля, только он понял окружающий нас мир».

Давним, еще с Витебска, другом родителей был замечательный человек, художник И. Мазель. Лишь сейчас, спустя 50 лет после его

смерти, искусствоведы начали по достоинству оценивать его живопись. От него я узнал многое: о композиции, о цвете и о жизни.

Интеллектуальным центром дома был, конечно, отец, Давид Михайлович Яхнин, — его признавали, к нему тянулись. А. Фрумкин — «белая кость» в ученом мире — оценил простого, нетитулованного врача сразу, при первой же встрече, они разговаривали «на равных». Отец не воспитывал меня, лишь очень редко за особо выдающиеся провинности я получал оплеуху. Однако отцовское влияние на меня было, конечно, определяющим. Он рассказывал мне об Архимеде — и я тут же открывал книжку «Исчисление песчинок». Он рассказывал мне о Леонардо да Винчи — и я начинал читать все о Леонардо. От отца я узнал о великом научном подвиге Эйнштейна. Находясь рядом с ним, каждый набирался мудрости жизни. Когда мать начинала «лечить» сестру, меня или знакомых, советуя обратиться к одному знаменитому профессору, затем к другому, отец вразумлял ее и опекаемых ею близких: «Лечиться надо не у знаменитых профессоров, а у опытного практикующего врача, — при этом в процессе лечения недопустимо переходить от одного врача к другому, это опасно». Его взвешенные высказывания по поводу разгоравшейся в то время дискуссии об эффективности и даже о допустимости гомеопатии были примером основательности в суждениях, предостерегали от скоропалительности в выводах и делах. Отношение к нему людей, его жизненная позиция, эрудиция, его высказывания, сама его личность — учили. Он был источником атмосферы, в которой я жил. У него можно было учиться добру и терпимости, но он не был всепрощающим «христосиком», мерзости не выносил. Ему, как и всем нормальным людям, были присущи какие-то слабости. Я был поражен, когда однажды в троллейбусе он рискнул не заплатить за проезд: нам надо было проехать всего одну остановку. Это даже восхитило меня: мой папа, мой замечательный папа — такой же, как и все, простой человек.

Мне повезло со школой — не только с ребятами, товарищами, с которыми я дружил и встречался на протяжении всей жизни, но и с учителями.

Входим в класс по биологии: за большим учительским столом — биолог Н. Лебедев, по прозвищу Николаша. На столе кролик в клетке уплетает морковку. Сели и молча, с интересом наблюдаем, как ловко это у кролика получается. Минуты через две раздается голос Николаши: «А я специально поставил на стол клетку с кроликом и морковкой, чтобы проверить, как вы умеете управлять своим вниманием. Вы же пришли сюда не на кролика смотреть». Больше на кролика никто не смотрел. В другой раз Николаша начал урок с чтения эпитафии, который девочка из 5-го класса записала у себя в тетради перед заданием о домашних животных. Он громко прочел: «Корова — полезное животное, — и добавил: — Под этой цитатой подпись: “Ленин”». Посмотрев на нас, он продолжил: «Я спросил у этой девочки, откуда она взяла

такую цитату, и в ответ услышал: “А я сама ее выдумала”. На замечание о том, что нельзя приписывать свои слова другим, она недоуменно сказала: “А разве это неправильно?”».

Он никогда не упускал возможности указать нам на наше детское непонимание обидности многих слов, которые мы используем в общении друг с другом; делал это тонко, на примерах. Так, рассказывая о проходившей в то время дискуссии на биологическую тему, он вдруг заметил: «Один из ее участников обвинил докладчика в ложности представленных фактов. Докладчик обиделся, возник конфликт, которого можно было бы избежать, если бы сомнения были высказаны в деликатной форме. Он мог сказать, например, что приведенные результаты не выглядят убедительными, и даже добавить, что, по-видимому, не все факторы, влияющие на результат, учтены». И тут же, обратившись к Юре, добавил: «Ты только что на перемене сказал Коле “врешь”, а мог бы сказать деликатно — “ошибаешься”, и вы не поссорились бы».

Все это откладывалось в памяти и облагораживало наше общение. Но теперь, когда позади рубеж восьмидесяти лет, я убежден, что явных лжецов и наглых невежд надо решительно осаживать. Ну, а деликатность и уважительность в общении, конечно, обязательны.

Серафима Дмитриевна Менделеева (Менделеева!) преподавала нам географию. Высокая, стройная, с копной тщательно уложенных седых волос, очень красивая, крепкая пожилая женщина. Она рассказывала о странах не по учебнику, а делилась с нами своими собственными впечатлениями. Какими заманчивыми представляли в ее рассказах Кордильеры — так и хотелось пересечь их с запада на восток и обратно!

Не могу не упомянуть о Полине Юльевне Рейнман. Скорее всего, именно она пробудила во мне интерес к физике, желание заниматься в кружках при физических факультетах МГУ и пединституте на Пироговке, участвовать в конкурсах школьников по физике. (Увы! началась война — и физиком мне стать не довелось...) Полину Юльевну отличали строгость и справедливость. Шум, беготня на перемене затихали, если кто-то предупреждающе вскрикивал: «Полина!» Урок она начинала молчаливым вопросом: «Кто не готов?». Поднималось несколько рук: «не успел», «плохо себя чувствовал», «был в гостях» — любые причины принимались. В этом случае она никогда не ставила двойки, разрешала выполнить задание позже. Но если кто-то утаил, что одна-две задачи (из нескольких заданных) у него остались нерешенными, и это обнаруживалось, двойки было не миновать и троечнику, и пятерочнику. Возникали честные и доверительные отношения между нами и учителем.

В кратком рассказе невозможно описать царившую в школе и плавившую нас атмосферу высокой нравственности и принципиальности. Отмечу лишь реакцию учителей на страшные месяцы репрессий 1937-го года, когда многие ученики лишились родителей. Почти всем помогли, организовали репетиторские занятия с отстающими ученика-

ми из младших классов. Им платили по 5—10 рублей за урок, для того времени — вполне прилично.

О товарищах, среди которых прошли, безусловно, самые главные годы моего становления, невозможно писать мало, поэтому им я посвящу отдельную работу. Здесь же скажу кратко хотя бы о некоторых из них. Наташа Самохина, историк-энциклопедист, в то время — центр нашей товарищеской жизни. У нее дома собирались, читали вслух книги, обсуждали школьные, учебные, комсомольские, философские, театральные, спортивные и даже личные проблемы — все, чем жили. Клава Ларичева, всегдашняя свехотличница, ставшая после окончания биофака МГУ известным специалистом по питанию, — проплавав в таком качестве на исследовательских и торговых судах по всем морям и океанам планеты, разрабатывая рационы питания для наших олимпийцев. Семен Шмерлинг, почти с младших классов стремившийся стать писателем, вследствие чего мы предрекали ему стать «Л. Толстым». Он стал-таки военным корреспондентом, написал несколько книг о войне, в том числе о нашем замечательном товарище — Герое Советского Союза Леопольде Некрасове, погибшем в апреле 1945 года, за неделю до окончания войны. Митя Тальвирский, безусловный школьный гуманитарий, по планам товарищей должен был стать «К. Марксом», но стал геологом, открывшим крупнейшие месторождения нефти в Сибири, за что удостоился звания лауреата Государственной премии. Гоша Демьянов, в школе физически слабый мальчишка-интеллектуал, стал чемпионом страны в академической гребле на одиночке, воспитал первого советского чемпиона мира по гребле Ивана. Рэм Хассис, державший дома и изучавший мышей и кузнечиков, читавший еще в школе И. Канта, лепивший замечательные динамичные фигурки из глины, успевший познакомить меня как будущего физика с П. Капицей, погиб осенью 1941 года на западном фронте.

Да! Хорошая была компания, интересными получились люди, которых она отправила в жизнь. Очень многим, что есть во мне, я обязан товарищам, окружавшим меня в школе.

Пишу и начинаю понимать, что бесконечная череда воспоминающихся событий и встреч может превратить и в какой-то мере уже превращает задуманный рассказ-размышление в подобие пространной автобиографии. Поэтому приостановлюсь. Попробую ограничиться лишь отдельными поучительными эпизодами из разных периодов жизни.

Недолгое время — всего три месяца — на западном фронте под Оршей. Немцы обрабатывали наши траншеи новыми реактивными минами, для которых фронтовые острословы позаимствовали у Баркова прозвище «Лука Мудишев». Бум, бум, бум, бум — и на стометровой полосе мало кто оставался в живых. И вот одну из этих мин-снарядов мой товарищ и я обнаружили лежащей на небольшом откосе — целую и невредимую. Нам повезло — она не разорвалась. Ага, новое немецкое оружие! Важно понять, как оно устроено. Мы были достаточно грамотными и хорошо знали, как опасно

подходить к неразорвавшимся снарядам. Но чувство долга и важность возникшей задачи перевесили. Мы огородили участок, где лежала мина, ветками, написали на бумажках «Не подходить, опасно!» и отправились за лошадью с санями (была уже глубокая осень). Подумайте теперь, что мы сотворили дальше. Взвалили на сани эту мину — сил у нас было достаточно — и привезли ее к штабу дивизии. Доложили о доставленном трофее — новом, «секретном» немецком оружии — и гордые, с чувством исполненного долга, удалились. Какой-то зеленый еще фронтовой корреспондент описал наш «подвиг» в газете. Позже я осознал, что этот эпизод является примером глупости, которую часто представляют в качестве подвига. При этом я вспомнил, как отец рассказывал о самоуверенном «храбреце», который, вопреки всем предупреждениям об опасности, полез купаться в горную речку и не погиб только благодаря счастливой случайности: его выбросило на большой камень, откуда его удалось вытащить на берег. Хорошо, когда можно учиться на глупости других. Я учился и на своей глупости тоже.

А вот пример развязности, неуважительности к старшему и даже хамства, которые проявились во мне и от которых я сумел избавиться после того, как меня элегантно осадили. На занятиях по токсикологии инженер-полковник Гинзбург выписывал формулы ряда алкалоидов. В одной из них вокруг буквы «С» — символа атома углерода — оказалось пять валентных черточек. Я поднял руку и, по-видимому, с ехидной интонацией спросил:

— Товарищ полковник, почему у вас углерод в этой формуле пятивалентный?

Ответ был уничтожающим:

— А Вы не знаете? Не в состоянии были сами сообразить, что полковник ошибся? Надо было обязательно спрашивать?

Мне был преподан хороший урок: я понял, что именно так надо учить нахалов.

А. Бермант читал нам курс математического анализа. Экзамен проходил, мягко говоря, неформально. Он быстро просматривал листок с решением задач, с конспективными записями ответов на вопросы билета и произносил примерно следующее: «Ну что ж, это Вы знаете. А теперь поговорим». И начинался разговор по всему курсу. Лейтенант Борисов на экзамене не смог воспроизвести доказательство одной из теорем.

— Как же это Вы не можете доказать такую важную теорему — не подготовились?

— А зачем мне нужна теорема, я и без нее могу взять любой интеграл, — отвечал Борисов.

— Пожалуйста, — и Бермант предлагает ему сложнейший интеграл. Борисов берет его и получает хорошую оценку

Частный, но поучительный эпизод, помогающий понять, что не форма, а содержание, существо дела является главным.

Я понял важность умения сохранять независимость своей жизненной позиции, при этом признавая и уважая интересы другого, когда муж моей сестры, летчик-испытатель Н. Рыбко, устраивал на работу в советский аэроград — город Жуковский — демобилизовавшегося и вернувшегося в Москву моего друга Леву Сиротенко. Рыбко переговорил с А. Туполевым, и вопрос был решен. Неожиданно Леве предложили приличное место в Москве. Он пришел ко мне в растерянности. Ездить в Жуковский — тратить время и силы, а тут — все рядом. Но за него хлопотали, и он чувствовал себя обязанным. Я смотрел на эту ситуацию так же, как и он. Мы пошли к Рыбко — советоваться, извиняться — не суть. Он отреагировал на наш приход спокойно и сразу: «На мой разговор с Туполевым Вы не должны обращать внимания. Я поговорил. Ну и что? Подумаешь, разговор. Вы имеете право и должны решать свои дела так, чтобы это устраивало Вас, а не кого-то». С тех пор, когда ко мне обращались с просьбой, даже ущемляющей мои интересы, я всегда поступал, как Рыбко, и объяснял человеку его право действовать так, как он считает нужным.

На банкете по поводу выборов известного физико-химика Я. Сыркина в действительные члены Академии наук СССР нобелевский лауреат Н. Семенов предложил тост в честь П. Зубова, человека по-своему исключительного. Родившийся в неграмотной крестьянской семье, он стал доктором химических наук, профессором, ректором Московского химико-технологического института им. М.В. Ломоносова. Семенов пояснил, что, если бы не Зубов, этого банкета, а может быть, и самого Сыркина не было бы. Суть выступления Н. Семенова состояла в следующем: Сыркин работал профессором кафедры физической химии в этом институте, когда в СССР развернулась антисемитская кампания, называвшаяся борьбой с космополитизмом, П. Зубова, в то время ректора института, вызвали в райком партии и предложили уволить профессора Я.Сыркина. Выполнение указаний партии (в данном случае ее очень высокой инстанции — районного комитета коммунистической партии г. Москвы) считалось обязательным. Эти указания значили больше, чем приказ в армии. Неподчинение райкому грозило не только снятием с занимаемой должности, но и увольнением с невозможностью устроиться на другую работу, а в некоторых случаях и с последующим арестом (этот комментарий я делаю специально для молодых читателей, которым не суждено было познать истинного «счастья» жизни в «социалистическом» государстве).

Зубов спросил в райкоме, за что он должен уволить Сыркина, и услышал:

— Ну, например, студенты жалуются на то, что он опаздывает или плохо, непонятно читает лекции, и потому они не хотят на них ходить.

— Когда Сыркин читает лекции, я должен заботиться не о том, чтобы они на них ходили, а о том, чтобы они не сбежали с других

занятий. Аудитория на его лекциях всегда переполнена, — ответил Zubov.

— Но его надо уволить, — настаивал секретарь райкома. — Что, Вы ничего не можете придумать? Найдите что-нибудь.

— Вам надо, вы и увольняйте. Мне его увольнять не за что! — ответил Zubov и не уволил Сыркина.

Семенов закончил свой рассказ, провозгласив тост за Zubова, и добавил, что Сыркин со всех других должностей был к тому времени уже уволен и ему негде было работать. Если бы Zubов уступил, Сыркин лишился бы последних средств к существованию.

Жизнь испытывала людей на честность, принципиальность, справедливость по отношению к другим. Не всем удавалось выдержать эти испытания. Как видно из рассказанного эпизода, П. Zubов своим поступком, да и Н. Семенов своим отношением к этому поступку испытание выдержали. Людей, которые вели себя достойно, благородно в самых тяжелых условиях, было много. Но большинство все же не выдерживало условий сталинского «социализма», вынуждено было уступить, приспособливаться. Учиться можно было и у тех, и у других. Не буду ставить себе в заслугу, что я учился у первых, — это предопределили семья, школа, товарищи. Моя заслуга лишь в том, что я учился и поступал так, как меня учила жизнь, как учили они.

В связи с этим вспоминается, как, совершенно в духе тогдашнего времени, группа карьеристов с помощью родственника одного из них, занимавшего высокий пост, организовала кампанию травли Н. Нечипоренко — директора института, в котором я работал. Было ясно, что его раздвять. Я не лавировал между противоборствующими сторонами и открыто помогал ему отстаивать свою правоту и честь. В конце концов его сместили. Новый директор, Э. Белозеров, чрезвычайно амбициозный человек с гипертрофированным самомнением, к моей позиции до поры до времени относился терпимо, так как рассчитывал на мою помощь в подготовке докторской диссертации. Его непостоянство, беспринципная смена позиций в соответствии с раздуваемыми в печати псевдонаучными идеями, привычка сваливать даже свою прямую вину на другого делали работу с ним чрезвычайно затруднительной. В частной беседе один на один я прямо сказал ему, что он проявил себя как ненадежный человек и что в таком режиме наше сотрудничество продолжаться не должно. Да, жизнь многих учила конформизму, меня она научила отстаивать истину, свои принципы до конца. Пришлось уйти, отказаться от многих замыслов, уйти в неопределенность. Не пропал. Живу, работаю и продолжаю учиться.

Эпизоды, которые мне вспомнились, записаны здесь без соблюдения хронологической последовательности. Одни случились в детстве, другие — когда я уже был взрослым, самостоятельным человеком. Не буду менять их расположения. Их хронологическая непоследовательность, конечно, противоречит литературным правилам построения

любого рассказа, но зато соответствует непоследовательности жизненных ситуаций, которые учат.

Все, о чем говорилось выше, касалось проблемы жизни с другими людьми, можно сказать, проблемы бытия — главной проблемы человеческого существования. Время от времени человечество рождало великих сыновей, которым суждено было стать Учителями жизни. Они аккумулировали в себе накопленный человечеством в течение тысячелетий опыт жизни и изложили его в великих Учениях, в великих Писаниях. Вечные ценности бытия были усвоены человеческим разумом, стали принадлежать каждому, хотя и не каждый им следовал. Однако у каждого человека в голове хотя бы в чуть-чутьшном количестве они есть, поэтому у каждого можно хоть чуть-чуть научиться чему-то хорошему. Это я и делал, учась всю жизнь у каждого, у всех, у кипевшей вокруг меня жизни, и в результате стал тем, что я есть.

РАЗДЕЛ VIII. В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ...

Аннушкин В.И. (Москва)

Что есть счастье: риторика поздравительной речи в процессе формирования личности

Формирование личности, определение человеком своих жизненных ориентиров и ценностей, тем более развитие творческих возможностей немислимы вне речевого воспитания. Между тем, именно воспитание Словом оказывается наиболее трудным и острым вопросом для практической педагогики, которая для всякого специалиста (будь то филолог, психолог, политик или журналист) всегда связана с учением об убедительной и эффективной речи. Неслучайно классическая античная и русская наука называли риторику «царицей наук и художеств», поскольку всякая наука (в педагогике — учебный предмет) выражает себя через речь.

При бурном интегративном развитии современного знания видишь, как много близких идей высказывается в анализе сходных проблем филологами, для которых Слово является их непосредственным предметом, психологами (особенно в психологии общения), юристами (в сущности, юриспруденция есть не что иное, как частная риторика, то есть оперирование словом в ситуациях судебной «конфликтной» речи), политиками и политологами («политика есть общение» — И.А. Ильин) и т.д. Этот ряд можно продолжать вследствие того, что все основные интеллектуальные профессии суть речевые профессии, объединенные Словом, которое точнее было бы назвать по-старинному Логосом, поскольку Слово-Логос предполагает не только словопроизнесение («празднословия не даждь души моей»), но формирование замысла (точнее говорит духовная этика: помысла) и адекватное его выражение, исполнение, реализацию в речевых контактах с людьми.

Риторика, понимавшаяся в древности как «искусство нахождения убеждения относительно каждого данного предмета» (*Аристотель*, 1978, с. 18), считается сегодня фундаментальной наукой о речевых коммуникациях развитого информационного общества. И поскольку любая общественная деятельность организована словом, риторика становится наукой об управлении обществом.

Последние 15—20 лет риторика восстановила свой предмет как учение об эффективной и целесообразной речи — в России создана Ассоциация исследователей, преподавателей и учителей риторики, регулярно публикуются труды ученых МГУ имени М.В. Ломоносова по риторике, хотя их работами не ограничивается современная палитра риторических научных школ России. Возрастает и общественный спрос на обучение риторическим дисциплинам. Это чувствуется по запросам, которые получают специалисты по риторике на организацию различных тренинговых курсов, где, с одной

стороны, заказчик хочет научиться говорить «практически», «овладеть речевым мастерством, ораторским искусством», а с другой стороны, подспудно ощущает необходимость укрепить себя лично, психологически.

Наш многолетний опыт преподавания риторики не только как лекторского университетского курса, но и практического курса речевого мастерства убеждает, что наиболее эффективным является органическое соединение риторической эрудиции и риторической учебной практики: если постижение знания повышает смысловую значимость данного курса, позволяет получить рациональное «удовольствие» и придать уверенность в том, о чем говорит оратор, то практика постепенно формирует психологическую уверенность самого оратора, мобилизует его энергетику, зримо насыщает личность говорящего навыками и умениями эффективного общения, что, в свою очередь, сказывается и на смысложизненных ориентирах говорящего.

Организация курса «Риторика — культура речи — ораторское мастерство» в своих основных блоках организует мышление участников курса на освоение следующих тем:

Самопредставление («Честь имеем представиться!»).

Поздравительная речь («Я желаю счастья вам!»).

Публицистическая речь: защита тезиса, избираемого по инициативе самого оратора.

Дискуссионная речь: защита спорного тезиса («за» и «против»).

В процессе занятий к теоретическим беседам о сущности риторики и законах построения речи добавляются анализ образцовых речей, классической и современной речевой практики, тренинг техники речи, декламация отрывков из классических и современных речей. При этом приходится оперативно реагировать на сиюминутные потребности самих участников курсов, среди которых преобладают молодые представители самых разных специальностей, реально заинтересованные в том, чтобы улучшить, развить, сформировать грамотную, действенную, эффективную речь.

Наиболее сложным вопросом в понимании того, что есть риторика и для чего необходимо учиться искусству действенного речевого управления, является передача простой мысли о том, что Слово есть «меч обоюдоострый», который может быть использован и во благо, и во зло, поэтому цель обучения риторике — формирование прежде всего достойного человека, а не просто натаскивание на «успех» (одно из наиболее популярных сегодня «рекламных» словечек, которое хотелось бы правильно истолковать, чтобы не вводить обучающихся в обман).

Определяя, что такое практическое обучение в искусстве владения речью, и задачи формирования ритора — мастера словесного убеждения и воздействия, мы выделяем следующие принципы организации учебного процесса:

Ритора формируют его философская, нравственная и социальная позиции. Хотя теория «сера и вечно зелено древо жизни», практика

должна питаться глубокими философскими корнями. Поэтому риторика основывается на знании предмета речи, и обучение ей предусматривает как освоение теории риторики, так и знание самого предмета, о котором говорит ритор.

Ритора формируют не столько упражнения, сколько реальный опыт эмоциональных переживаний, подготовки и практических выступлений. Сама ситуация публичной речи, в которую попадает говорящий (студент или участник курсов), создает почву для развития личности, ее психологического утверждения.

Ритор не просто научается говорить, хотя обретение смелости и раскрепощенности способствует более свободному рождению мыслей. Мысль должна быть ответственной и выстраданной (вспомним героя, у которого при раскрепощенной речи «легкость мыслей необыкновенная»). Значит, ритор обязан много читать, писать, анализировать. Всякому ученику в риторике необходимо внушить мысль о том, что риторика не есть красивое говорение, но прежде всего уместная, оптимальная, умная речь, отчего предмет риторики определялся Н.Ф. Кошанским — учителем царско-сельских отроков — как «изобретение, расположение и выражение мыслей», а способами обучения риторике назывались «чтение, размышление, упражнения» (*Кошанский Н.Ф.*, 1829, с. 1, 3). Таким образом, серьезность творчества выводит современного ритора-ученика к готовности излагать свои мысли, и, кстати, именно серьезность и важность риторических задач позволяет строить обучение с радостной энергетикой педагогического общения.

Современный учащийся не может пройти мимо теории риторики, все положения которой необходимо применить в учебной и практической деятельности. Поэтому особое удовлетворение студент испытывает, добросовестно изучая теорию риторики. В освоении знаний есть сила, обогащающая личность. Эта сила затем проявится в практических сражениях.

Практическая тренировка обычно ведется в форме составления и произнесения речей. Формы тренировки могут быть самыми различными. Задача педагогико-риторического и психологического сообщества — оценить эти формы, постоянно обмениваться ими и искать наиболее эффективные из них.

Первой речью на семинарских занятиях обычно бывает самопредставление. Но порой у студентов возникает вопрос: «А зачем представляться, если мы друг друга и так уже знаем?». На него легко ответить тем, что никто друг друга не знает в полной мере и все зависит только от того, какие глубины своего внутреннего облика или внешних событий своей жизни захочет показать другим писатель-оратор. Понятно, что направление мысли при этом может быть самое различное, поэтому к семинару по составлению речей-самопредставлений мы предлагаем до двадцати оригинальных вопросов, касающихся личности. Оратор вправе выбрать направление мысли, которое ему покажется наиболее интересным для того, чтобы представить себя «человеком известного склада».

Произнесение речи может быть импровизированным, когда речь составляется «здесь, сегодня, сейчас» — за ораторским пюпитром. Второй вариант: можно дать слушателям подумать над вопросом несколько минут, хотя более динамично учить публичному переживанию прямо на текущем занятии. Третий вариант: произнесение речи после домашней подготовки. При этом возможно произнесение речи с планом или тезисами либо произнесение речи по написанному тексту, держа его перед глазами. Ссылаясь на неопытность, участники курса обычно «просят» разрешить им пользоваться текстом. Мы поддерживаем такие просьбы, но сразу предлагаем оценивать, как осуществляется контакт со слушателями, какова воздействующая сила речи. Схема оценки не должна быть сложной, хотя некоторые методисты утверждают обратное, предлагая анализировать до двадцати параметров речи. Достаточно предложить оценивать содержание, эмоцию, слова (лексику), синтаксис (построение фраз), произношение и телодвижения (пластику).

Результат таких занятий — в очевидной пользе практики публичных выступлений даже перед своими коллегами-товарищами, так как «держать монологическую речь» гораздо труднее, нежели отвечать репликой на вопрос преподавателя. Произнесенная речь (а при анализе особенно необходим написанный текст) ясно показывает стилистическое мастерство оратора. Мы намеренно говорим о стиле, поскольку **стиль** есть результат содержательно-мыслительных усилий создателя речи. В стиле проявляется индивидуальность оратора, не побоявшегося взять на себя смелость утверждать нечто новое, причем хорошему оратору удается и соответствовать вкусам публики, и одновременно утверждать новые идеи. В качестве иллюстрации представим конкретный вариант работы по подготовке ораторов.

Как было сказано выше, один из разделов нашего обучающего курса риторики называется «Подготовка поздравительной речи о **счастье**». В «Риторике» Аристотеля сказано, что «счастье — известная цель всякого человека», а «все наши уговаривания и отговаривания (то есть наши речевые действия) касаются счастья, что к нему ведет и что ему противоположно» (*Аристотель*, 1978, с. 29). Значит, искусен в речи будет тот, кто лучше понимает, а вследствие этого напишет или скажет, что такое счастье. Аристотель определяет счастье как «благостояние, соединенное с добродетелью, или как довольство своей жизнью, или как приятнейший образ жизни» (*там же*).

Обучение красноречию всегда начиналось с написания и произнесения хвалебных, торжественных, праздничных речей. Этот род речей назывался в античности эпидейктическим (греч. слово «эпидейксис» означало «похвала или хула»). Совещательная, судебная и эпидейктическая речь составляли три основных рода речей, обучение которым позволяло воспитать государственного мужа. Цель эпидейксиса — показать «прекрасное» в предмете речи, по содержанию же торжественная, праздничная речь, произно-

симая по поводу настоящего праздника, должна соединить прошлое и будущее, как бы оценив прекрасное, совершенное в прошлом и прогностически пожелав прекрасного будущего, магически зафиксировав его добрыми и светлыми словами. Стилистически эпидейктическая речь предполагает как раз то, чего не умеют обычно делать наши современные риторы: распространять свою речь, поскольку на празднике ценится именно неложная готовность похвалить предмет своей речи, что проявляется и в известной велеречивости. Наш же современный оратор обычно ограничивается лишь указанием «за любовь!», либо «за женщин!», либо «за здоровье!», не умея (точнее, не будучи обучен) распространению своих мыслей.

Эпидейктическая, поздравительная речь — наиболее простой, но чрезвычайно важный для жизни любого общества вид речи. Если праздники отсутствуют в жизни общества или отдельного человека, общество (или человек) мрачнеет, съезживается. Поэтому вдохновляющая роль доброжелательного слова, которое должно нелицемерно звучать на любом празднике, трудно переоценить. Оно имеет обрядовую, магическую, настраивающую на оптимистическое бытие функцию. Если человек не слышит такие слова, если не умеет произнести их сам, общество теряет и некоторые основополагающие ориентиры, поскольку в эпидейктической речи звучат некоторые «главные» для людей мировоззренческие понятия. Кстати, в перестроечное время общественное настроение ухудшилось не столько вследствие отсутствия праздников (их количество даже увеличилось), сколько вследствие отсутствия их словесного обоснования, наполнения, которое должно быть не обманно-велеречивым, а осмысленным оригинальными речами и новой словесной стилистикой текстов.

Результаты занятий по обучению риторике поздравительной речи показывают, что по представленным учащимися речам можно почувствовать и их эмоциональный настрой, и наполняющее их содержание. Но необходимо добавить, что произнесению предшествуют не только практические советы по произнесению речи, но и некоторый вспомогательный материал, который раздается учащимся. При том, что будущий оратор может выбрать любое понравившееся ему высказывание и по нему построить речь, ему предлагается «Цветник мыслей» по образцу «Цветника духовного» — набор афоризмов, цитат, крылатых выражений. Кроме этого, предлагаются пословицы из «Словаря» В.И. Даля, которые удачны тем, что настраивают на иной, несколько сниженно-народный, но глубокомысленный стиль. Приведем некоторые из этих материалов:

Мысли о счастье мужей святых и древних

Счастье помогает тому, кто сам себе помогает умом и трудом.

За счастьем ездят за моря и рыщут кругом света, а оно в нас, в нашем сердце, куда мы совсем почти не заглядываем.

Ищи счастья в собственном твоём сердце: если там его нет, то нигде его не найдешь.

Наука быть счастливым проста: люби свои обязанности и ищи в них наслаждения (Мотвил).

Чтобы быть счастливым, надо быть благочестивым.

Имей истинное благочестие, и тогда будешь иметь истинное счастье (Св. Тихон Задонский).

Всего чаще слава покупается на счастье, удовольствие — на здоровье, милость знатных — на независимость, деньги — на совесть.

В.И. Даль — о счастье и удаче

Счастье — вольная пташка: где захотела, там и села.

Счастье без ума нипочем.

Счастье без ума — дырявая сума (что найдешь, то и потеряешь).

Счастье что волк: обманет да в лес уйдет.

Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог, а ум-то где? (Суворов).

Счастье везет дураку, а умному Бог дает.

Не родись красивый, а родись счастливый.

Не родись ни умен, ни красив, а родись счастлив.

Клад да жена — на счастливого.

Кому счастье служит, тот ни о чем не тужит.

И с умом, да с пустой сумой, а и без ума, да туга сума.

Счастье придет, и на печи найдет.

Дурак спит, а счастье в головах лежит.

Счастью не верь, а беды не пугайся! (В. Даль, 1984, с. 41—57).

В написании речей учащимся предлагается утверждать собственную точку зрения, ибо убедить кого-либо в чем-либо — «значит предстать человеком известного склада» (Аристотель, 1978, с. 17). В сущности, именно это наиболее трудная задача в обучении риторике. Несмотря на то, что слушатели наших курсов обычно склонны проявлять свою первоначальную самостоятельность, на проверку оказывается, что для высказывания своего мнения обычно не хватает либо эрудиции, либо сказывается несформированность самих убеждений, ценностных ориентаций. Тогда появляются банальные ссылки на то, что «у каждого свое понимание счастья» или «счастье трудно определить». Задача грамотного ратора — заявить о своей жизненно-философской позиции, ясно обозначив ее не только в уместных и оригинальных мыслях, но и в оригинальном, свойственном только ему стиле.

Поэтому в качестве возможного образца предлагаются и оригинальные литературные строки, например, стихи Г.Р. Державина «На Новый год» (1781), где жизненные ценности, о которых требуется говорить в поздравительной речи, зафиксированы, в частности, в следующих словах:

Мое желание, предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За **счастьем** в свете не гоняться,

Искать его в самом себе.
Меня *здоровье, совесть* права,
Достаток нужный, добра *слава*
Творят **счастливее** царей.

А если милой и приятной
Любим Пленирою своей
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире, —
То кто **счастливее** меня?

Речи участников курсов оцениваются по их смысловой насыщенности, стилистической оригинальности, а также по качествам произношения. Построение речей может быть осуществлено по образцу классической хрии, предполагает определение понятия, имеющегося в утверждаемом тезисе, обоснование темы (причины), сравнение, наличие антитезы, примера, свидетельства (дополнительной ссылки на мнение авторитетного лица, крылатого выражения и т.д.).

Поскольку основной категорией риторики является образ ратора, то есть формирование речевой личности с собственным мировоззрением, оригинальным складом ума, своеобразной словесной стилистикой, трудно получить идеальный вариант исполнения поздравительной речи. И все-таки из сотен написанных и произнесенных нашими студентами речей выделяются некоторые, рожденные непременно вдохновением, соединенным с творческой изобретательностью — как мыслительной, так и словесной.

Приведем несколько таких образцов.

**Это размытое притягательное обзывающее понятие
«счастье»**

Живи и жить давай другим,
Но только не за счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого;
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех..

Г. Державин

Вот она, нехитрая формула счастья. Казалось бы, что может быть проще?! Почему же тогда так мало людей, считающих себя счастливыми? Почему столь многие находятся в состоянии постоянной погони за счастьем, которое никак не хочет им подыграть? И оно право! Ведь путь — не меньшее счастье, чем цель.

На мой взгляд, настоящее счастье в предчувствии его, так как само оно лишь мгновение. Мгновение, ради которого человек рожден. Каждый

человек достоин счастья! Но каждый видит в этом размытом понятии что-то свое. Для одних счастье — видеть росу на зеленой траве, слабые лучики весеннего солнца, дающие надежду на скорый приход тепла. Для других счастье — это деньги, много денег, очень много денег. А третьи «счастье находят лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят». Оппенгейм справедливо сказал: «The foolish man seeks happiness in the distance, the wise grows it under his feet», что можно перевести так: «Глупый человек ищет счастье на стороне, мудрый взращивает его у себя под ногами».

Счастье ко многому обязывает. На мой взгляд, самое страшное — быть лично счастливым. В любое время, в любом обществе рука об руку со счастьем идет несчастье. И важно вовремя обратить внимание на окружающих тебя людей и постараться помочь и им. Тут нельзя не вспомнить замечательное образное высказывание мастера художественной детали А.П. Чехова: «За дверью счастливого человека должен стоять кто-нибудь с молоточком, постоянно стучать и напоминать, что есть несчастье и что после непродолжительного счастья наступает несчастье». Поэтому счастье обязывает душу благородного человека. «Счастье, прилепляясь к людям слабого духа, делает их гордыми и ожесточает. Но когда предается мужам великого духа, то еще большим окружает их сиянием, доставляя им случай помочествовать человечеству, которое они более всех умеют чтить» (Н. Новиков).

Счастье без ума — дырявая сума: где найдешь, там и сгубишь; счастье у каждого под мозолями лежит — вторят писателям русские пословицы.

Не каждый способен довольствоваться малым и быть счастливым человеком. А ведь настоящее счастье именно в этом!

Счастье — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней! Как немного нужно, чтобы сделать жизнь счастливой!

Парадоксально, но именно вдохновение и старание рождают иногда наилучшие с риторической точки зрения сочинения. Ниже приведем речь одного корейского студента, написанную со множеством ошибок, однако пушкинское «без грамматической ошибки я русской речи не люблю» особенно подходит к таким речам, поскольку и Пушкин утверждал в данном случае отсутствие банальностей и ходульности в речи при наличии личностной характерности, энергетичности, собственного стиля. Другая ораторская трудность — нехватка слов — также сослужила добрую службу «оратору» — повторы позволили создать фигуры речи (анафоры, параллельные конструкции), а оригинальные восточные сравнения, нехарактерные для русской речевой культуры, сделали его речь особенно привлекательной для слушателей. Если прибавить к письменному оформлению множество рисунков, которыми обычно сопровождается такой текст, а в устной речи характерность произношения, то результат действенности речи может считаться достигнутым. Вот эта «корейская» речь:

Я желаю счастья Вам!

Я желаю Вам свободы!

Свобода — крылья счастья!
Как вольная пташка: где захотела, там и села.
Откуда счастье без свободы!
Вы не можете делать то, чем вы хотите заниматься!
Вы не можете ехать туда, куда вы хотите направлять!
Желаю, чтобы вы, как я, могли ехать в страну, язык которого вы изучаете!

Желаю, чтобы вы, как я, смогли изучать язык, который вам нравится навсегда.

Ах! Ты! Свобода!
Моя вся жизнь зависит от тебя!
Ты дала мне душевные крылья!
Ты дала мне телесную тишину!

Я желаю вам дружной семьи!

Семья — источник счастья!
Когда вы были печальны, когда вы были грустны, вы смогли испытать теплоту из семьи!

Какое это симпатичное счастье!
Кто может весело жить без родных!
Желаю, чтобы у вас, как у меня, была счастливая семья.

Желаю, чтобы у вас, как у меня, были способный папа и ласковая мама.

Ах! Ты! Моя семья!
Моя вся жизнь зависит от тебя!
Я тебе отдал все горести, а ты мне подарила вечные утешения!

Я желаю вам здоровья!
Здоровье — обеспечение счастья!
Без здоровья у вас не будет здоровья и не будет веселой семьи!
Здоровье обеспечивает ваши интересы, ваши работы, ваши любви.
Желаю, чтобы у вас, как у меня, здоровое тело, здоровое душа!
Желаю, чтобы вы, как я, смогли бегать на лугу, смогли плавать в море и летать на небе!

Ах! Ты! Мое здоровье!
Моя вся жизнь зависит от тебя!
Желаю, чтобы вы, здоровье, как воздух, как вода, как русский язык, сопровождал со мной навсегда!

Речь со множеством ошибок произнесена! Какой простор для дальнейшей преподавательской работы! Как много можно показать на ее примере и достоинств (чего стоит один только тройной повтор!), и недостатков (весь урок можно посвятить исправлению ошибок и анализу оригинальных авторских сравнений)! Обратим внимание на «простоту» выражений, используемых автором, и краткость предложений. Если у одних ритором достоинством будет эта самая простота и крат-

кость, то у других им становится оригинальная распространенность речи, к которой оказался способен именно данный создатель текста.

Выше уже было сказано о том, что для написания ораторской речи необходимо вдохновение. Вдохновение, пожалуй, состоит в том, чтобы пришла та самая внезапно рожденная идея, которая окрылит и заставит творить писателя, оратора, поэта, создателя любого текста, в том числе и документа. Этот процесс блистательно описан одним из лучших русских поэтов XX столетия Георгием Ивановым:

А что такое вдохновенье?
— Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил —
И Тютчев пишет без помарки:
«Оратор римский говорил»

Определить, что есть счастье, действительно трудно, но счастлив тот, кто сознательно фиксирует собственное, свое определение. Давая это определение, он как бы утверждает собственное счастье в собственных словах. В этом смысл данного методического приема — как для формирования речевых навыков, так и для формирования личности, которую мы хотим сделать нашими занятиями осмысленно счастливой.

В обучении риторике, несмотря на более чем двухтысячелетнюю историю, остается много нерешенных вопросов. Энергичная быстротекущая действительность требует сиюминутного, современного ответа на изменения, поэтому из образования уходит прежде всего фундаментальность, хотя именно ее сохранение утверждается как «главная задача российской образовательной политики». Все большую привлекательность в глазах учащихся — пользователей языка — приобретают не знания, а «натаскивания», угадывания и мобильная ориентация в системе тестов, тренировка навыков. Поэтому так модны сегодня всякие тренинг-курсы, краткосрочные семинары с видимостью получения знаний, гарантирующие призрачный «успех». Однако подлинный успех приходит в результате упорного труда, глубоких знаний, постоянной тренировки, ведь «подлинное красноречие слагается из многих знаний и стараний». Тогда же формируется личность ратора как человека достойного, ответственного за высказанные мысли и речевые поступки, сознательно оценивающего все трудности того «счастья», которое зовется «роскошью человеческого общения».

Литература

- Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. 3-е изд., М., 2003.
Рождественский Ю. В. Теория риторики. 2-е изд. М., 1999.
Волков А. А. Курс русской риторики. М., 2000.

- Волков А.А.* Основы риторики. М., 2003.
Аннушкин В.И. История русской риторики. Хрестоматия. М., 2002.
Аннушкин В.И. Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
Аристотель. Риторика // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
Кошанский Н.Ф. Общая риторика. СПб., 1829.
Цветник духовный. СПб., 1903.
Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 1.

Творогова Н.Д. (Москва) **На пути самореализации**

Если акмеология комплексно изучает взрослого человека, его развитие и рассматривает во взаимодействии самые разные факторы, наличие которых необходимо, чтобы человек достиг вершины в своем развитии (по выражению древних греков — «акме своей индивидуальности») (Бодалева, 2003), то целью нашего эмпирического исследования было изучение субъективных факторов, влияющих на достижение личностью субъективно значимого для нее коммуникативного успеха. По ходу работы перед нами встала и задача определения, как этот успех взаимосвязан с пониманием личностью смысла своей жизни и какую «цену» (затраченное время, психические усилия, эмоциональное напряжение, др.) она (личность) готова заплатить за свой тактический успех. К решению этой задачи мы только приступили, и поэтому эмпирических данных о конкретном ее решении в данной работе нет. Однако некоторые результаты на этом пути получены, с ними мы и хотим познакомить читателей.

Судьба, смысл жизни, счастье. Сейчас нельзя однозначно ответить на вопрос, что значит быть человеком (возможно, этого никогда нельзя будет сделать). Человек рождается, находясь внутри природы и вместе с тем превосходя ее.

Человек, как известно, действует под влиянием биологических факторов (которые практически не поддаются трансформации), под влиянием субъективного опыта (в процессе научения формируются те или иные стереотипы, помогающие и в некоторых случаях мешающие поведению в новых условиях), а также под влиянием опыта социального (способствующего, но порой и препятствующего достижению субъективно значимого успеха), зафиксированного в культуре, нормах поведения, формах социального контроля и пр. Но человек может и осознанно выбирать в конкретный момент, как ему действовать, имея для этого свободу. Благодаря способности осознавать ситуацию, себя, свои цели, придавая смысл тому, что он совершает, и неся ответственность за свое поведение, человек имеет возможность трансформировать его. Свобода поведения личности нередко рассматривается в связи с понятием «судьба», которое изучается в контексте разных культур. Так, в средневековье (философ Бозций) в

судьбе видели некое предначертание, не содержащее в себе, однако, «природной необходимости». Предназначение вправе остаться в возможности, не стать явным. Мера соотношения предопределенности, случая и поступка личности в разные исторические эпохи понималась неодинаково. На протяжении всей истории человечества предпринимались попытки установить приемлемое равновесие между требованиями физического, биологического мира, общественного уклада, Рока (судьбы) и возможностью свободного поведения.

Взамен инстинктам в мире свободы человеку приходится искать принципы, по которым он будет действовать, принимать решения. Ему необходимо иметь систему ориентиров, позволяющую составить субъективную картину мира для своего поведения в нем (в том числе и для организации своих последовательных коммуникативных действий). Существует множество способов проживания человека своей жизни в этом мире. Одни из них лучше, другие хуже. Но что значит «хуже» или «лучше»? Под «лучше», например, Э. Фромм (1993) понимает путь, способствующий увеличению: а) силы личности, б) ясности понимания ею мира, в котором она живет, в) радости, г) независимости; под «хуже» — противоположное перечисленному.

При наличии свободы поведение личности начинает предопределять не только ее настоящее (результат самовосприятия, восприятия наличной материальной и социальной ситуации, в которой надо действовать), прошлое (стереотипы восприятия, мышления, поведения, сложившиеся убеждения, ценности, др.), но и будущее (цели, образы желаемой действительности, самое себя). Огромное количество энергии тается в мечтах личности, которая строит все новые и новые планы, отодвигая горизонт возможного для себя. Но человек может мечтать о разном. Очень часто у него возникают вопросы: «Хочу ли я именно этого?», «Это мое?», «Туда ли я собираюсь идти?». Социум, в котором он живет, подсказывает направления движения, которых следует придерживаться личности на своем индивидуальном жизненном пути. Однако человека — особенно на развилке жизненных дорог, когда ему надо принять единственно правильное для себя решение, — могут мучить сомнения: все ли учли жившие до него поколения, на опыт которых он опирается, все ли они предусмотрели для данной конкретной ситуации? Какие же ориентиры имеются у него при принятии значимого для себя решения? Прежде всего, это, конечно, собственные ресурсы его личности: ясное восприятие реальности, осознанный позитивный и негативный опыт собственного поведения в подобных ситуациях, разум, осознанные ценности и убеждения (можно выбирать среди них — каких придерживаться и дальше, какие пересмотреть), осознание им своего эмоционального отклика на происходящее.

Зрелость — это осознанность, которая предполагает переживание боли и счастья. Именно благодаря двойственности жизни, наличию в ней и боли и удовольствия она приобретает аромат свободы. Зрелость

личности предполагает, что она достигла своего потенциала, что она «дома»; и эта зрелость проявляется в ее действиях, поведении, самоощущении — ощущении внутренней свободы, цельности, гармонии и радости. Зрелая личность благодарна всему — и правильному, и неправильному в своей жизни, потому что учится на всем; ей на жизненном пути помогают и друзья, и враги. Человек становится зрелым, когда начинает любить (любовь — бытие, любовь — подарок по А. Маслоу), «переполняться», делиться, отдавать вместо того, чтобы нуждаться.

Каждый шаг на жизненном пути в направлении своей сущности, зрелости сопровождается появлением радости, даже если это движение требует усилий, напряжения воли, тех или иных затрат. С одной стороны, смена динамического стереотипа, по результатам исследований великого русского психолога И. Павлова, всегда сопровождается отрицательными эмоциями; с другой — движение в направлении реализации собственного потенциала сопровождается радостью, которая сильнее, чем отрицательные эмоции. Чувство радости сигнализирует об удовлетворении фундаментальной потребности человека — потребности быть самим собой. Саморефлексии («в чем же моя сущность? кто я?») сопутствует поиск смысла жизни. Именно в контексте смысла своей жизни (понимаемого и чувствуемого в данный ее период так, а не иначе) человек придает конкретным событиям определенное значение, ценность.

Возвращаясь к теме нашего эмпирического исследования, отметим, что Б.Ф. Ломов предложил говорить о трех уровнях анализа общения. На первом из них (макроуровне) предлагается изучать развитие общения в интервалах времени, сопоставимых с длительностью человеческой жизни. Второй уровень анализа (мезоуровень) относится к изучению отдельных контактов, в которые вступают люди (речь идет об их совместной деятельности). Третий уровень (микроуровень) предполагает изучение отдельных сопряженных актов общения, выступающих в роли своеобразных его единиц. Мы в своем эмпирическом исследовании изучали общение на мезоуровне. Эффект такого общения оценивается не только как возможность удовлетворить актуальную для личности в данный период потребность в коммуникации, но и в контексте общения на макроуровне, приобретая от этого дополнительный смысл и значение, сопровождаемая дополнительными радостями или огорчениями. Частный успех оценивается, следовательно, и в зависимости от того, насколько он приближает личность к самореализации, цельности, раскрытию собственного потенциала, к лучшему познанию своих возможностей.

«Я» в контексте психологии успеха. Обычно успех — это событие, получившее социальную или общественную оценку. Однако успех бывает виден не только в зеркале общественного мнения или в признании со стороны окружающих. Ведь то, что одни считают успехом, другие могут воспринимать как неудачу. Важно знать, что сам человек понимает под «успехом». Успех связывается с ожидаемыми результата-

ми, зависит от системы ценностей конкретного индивида, представления о нем могут меняться в течение жизни.

Человек обладает способностью не только осознавать свои образы, связанные с успехом, сознательно формировать свои представления о нем, но и обдумывать, планировать и осуществлять свои замыслы. Он может целенаправленно влиять на самого себя, собственное поведение, а значит — на свое будущее, на свой успех. Управление собственным поведением осуществляется как на основе логики удовлетворения потребностей, так и согласно логике ценностей и смыслов. Наличие ситуации выбора на всех этапах планирования деятельности предполагает свободу в принятии решений, а также накладывает ответственность за их последствия. Обдуманность поведения — определяющий фактор его регуляции. Достижению целей способствует воля.

Чтобы добиться максимально возможного осознания и стать субъектом собственной деятельности, необходимо сформировать способность видеть свою деятельность как бы со стороны, «разотождествиться» с ней. Обычно человек отождествляет себя либо с собственным телом, либо с интеллектом, либо со своими чувствами, деятельностью. Приобретая свободу и способность выбирать отождествление или разотождествление с любой из сторон своей личности, человек сохраняет позицию невовлеченного свидетеля (понимающего, что наблюдатель отличается от наблюдаемого), становится «дифференцированной личностью». Человек как бы наблюдает за своей деятельностью со стороны, вносит в нее необходимые коррективы, рассматривает различные варианты и выбирает, на его взгляд, лучший (синонимом «выбору» является «самоопределение»).

Управление своим поведением. Под управлением понимают такое воздействие на объект (процесс), которое выбрано из множества возможных с учетом состояния объекта и поставленной цели и позволяет к ней приблизиться. «Управлять — это не подавлять, не навязывать процессу ход, противоречащий его природе, а наоборот, максимально учитывать природу процесса, согласовывать каждое воздействие на него с его логикой» (*Талызина*, 1984, с. 45).

Педагогические психологи обычно изучают процесс управления усвоением знаний, общими приемами работы с понятиями, формированием понятий, произвольных умений, убеждений. Мы же провели эмпирическое исследование самоуправления своим общением. Исходя из психологической теории деятельности, разработанной отечественной психологической школой, нами было проведено системное исследование интраиндивидуальных составляющих общения. В качестве элементов этой системы рассматривались составляющие макроструктуры общения: потребность в общении, его мотивы, цели, коммуникативные действия и операции. В качестве системообразующего фактора был выбран приобретаемый в группе межличностный статус (другие возможные результаты внутригруппового общения — уровень интеграции

совместной деятельности, уровень развития группы, общительность как индивидуально-устойчивое свойство личности, образ другого и образ самого себя и т.п.).

Таким образом, в своем исследовании мы ограничились изучением интраиндивидуальной структуры процесса, приводящего личность к приобретению ею межличностного эмоционального статуса, способности быть социометрически избираемой. Поскольку в исследовании приняли участие студенты (371 учащийся ММА им. И.М. Сеченова) и студенческие группы, то выбор именно такой личностной характеристики объясняется ее большой субъективной значимостью для данной возрастной группы (Творогова, 1996). По результатам проведенного нами предварительного исследования коммуникативные характеристики студента влияют практически на все сферы его жизнедеятельности в вузе. Успешность студента в неформальном общении сказывается на его академическом балле на традиционном экзамене. Общение, приносящее студентам успех, способствует удовлетворенности обучением, выбором вуза. В то же время исследование выявило, что 44% опрошенных студентов не удовлетворены взаимоотношениями в своей учебной группе, 32% студентов не имеют в группе близких друзей. У изолированных в группе студентов при условии наличия у них высокой потребности в общении и референтности учебной группы высока вероятность эмоционального перенапряжения, возникновения нервных, психосоматических заболеваний.

В качестве условий самоуправления своим общением мы рассматривали следующие параметры: 1) разотождествление с процессом общения; 2) выявление его структурных составляющих (по выражению Н.Ф. Талызиной — «его логики»), которые рассматривались нами как «мишень» управляющих воздействий; 3) овладение технологиями управляющих воздействий: выбор приоритетов в мотивах своего общения, постановка значимых для себя коммуникативных целей, разработка программы их достижения, овладения необходимыми действиями и операциями, извлечения позитивного для себя опыта даже из неудач, подстерегающих на пути к цели; 4) зрелость личности как субъекта управления своим поведением.

В результате исследования выявлены взаимовлияния (прямо и обратно пропорциональные зависимости) между мотивами общения и процессом его осуществления, а именно: целями общения, адекватностью социальной перцепции, техникой общения, межличностным статусом как результатом личностно-ориентированного общения. Причем характер такого взаимовлияния зависит и от ведущего мотива общения, и от структуры мотивационной сферы общающейся личности. На привлекательность студента в учебной группе влияют его мотивы общения, статусные притязания, адекватность социальной перцепции, техника общения, адекватность самооценки. Наряду с влиянием усилий студента, направленных на повышение его привлекательности в учебной группе, выявлено и обратное влияние положения в группе на процесс общения студента в ней.

Исследование показало, что студент может осознанно управлять межличностными отношениями в своей учебной группе и способен влиять на собственный межличностный статус в ней. Однако достижение успеха в управлении своим поведением в группе зависит от того, как действует студент — вопреки или в соответствии с законами управления, — а также от того, насколько он понимает логику процесса, которым управляет.

Личность как субъект управления своим поведением. Управлять своей деятельностью может личность, являющаяся носителем норм и форм общественного сознания, общественного поведения, обладающая сознанием. Управление поведением осуществляется на разных уровнях; сознательное управление личностью своим поведением — один из них. Однако человек не так часто ощущает себя субъектом собственной деятельности, поскольку зачастую демонстрирует «полевое» поведение, подверженное влиянию и управлению окружающими людьми или внешними обстоятельствами. В упомянутом выше эмпирическом исследовании мы изучали личностные особенности субъекта управления собственным общением. Среди лиц с высоким уровнем мотива достижения в общении по сравнению с теми, у которых этот вид мотивации не выявлен, меньше тревожных и ригидных, занимающихся общественной работой и больше экстравертов, имеющих хорошую академическую успеваемость. Среди студентов с высокой аффилиацией и высоким стремлением к лидерству меньше тревожных ригидных экстравертов. Они хорошо учатся, занимаются общественной работой.

Как относиться к этим результатам? Насколько личность готова к управлению собственным поведением? В психологии управления доказано, что эффект управления зависит от качества управляющего звена. Если личность находится в состоянии эмоционального перенапряжения, не интегрирована, не прошла процесс психического созревания (индивидуации), находится в состоянии хронических внутриличностных конфликтов и т.п., то это, несомненно, скажется на качестве ее управляющих воздействий на собственное коммуникативное поведение, а следовательно, и на успешности общения. Наряду с понятием хронологического и биологического возраста в настоящее время широко используется понятие психологического возраста, который фиксирует уровень развития индивидуальных личностных особенностей, уровень развития знаний, мышления и т.д. Чтобы расти, необходимо что-то изменять в себе. Если конфликт «критического периода», сопровождающего смену стадий психосоциального развития личности, разрешен удовлетворительно, это гарантирует ее здоровое развитие в дальнейшем, возможность подойти к следующей стадии развития как более зрелая личность. Возможность влиять на свой психологический возраст представляется весьма заманчивой.

Личность как объект самоуправления. Личность может управлять не только своим поведением, но и трансформировать саму себя. Самодетерминация личности — это реализация ею осознанного выбора. Человек

способен влиять на свой характер, управлять собственными состояниями, психическими процессами, а также своими побуждениями и смыслами, произвольно менять значимость различных альтернатив в ситуации выбора. Такая регуляция опосредована ценностными ориентирами, тем, как личность понимает смысл своей жизни, свое предназначение и свою судьбу (если эта категория входит в ее субъективную картину мира), а совесть отражает степень рассогласования поступков с этими ориентирами.

Развитая личность осознает себя. Субъективно для индивида личность выступает как его Я, система представлений о себе, подтверждающая себя в процессах общения, деятельности. Предметом самовосприятия и самооценки могут стать отдельные стороны личности, те или иные ее проявления. Развитие личности предполагает ее непрерывную эволюцию как единого целого. Причем человек может влиять на эволюцию собственной личности. По мнению В.В. Столина (1983), человек, стремящийся лишь к одному мотиву — не более чем абстракция; в жизненном пространстве индивида пересекаются разные деятельности. Конфликтный смысл составляют личностные образования, которые потенциально могут служить преградой осуществления действий. В рамках проводимого нами эмпирического исследования общения мы предложили студентам шкалу внутренних преград, спросив их: «Насколько трудно ради чего-то для Вас важного в общении с друзьями в своей учебной группе...». Далее следовало 88 стандартных формулировок преград. Был выявлен ряд внутриличностных преград в общении. Однако, сравнив представленность таких преград у студентов с высоким и низким межличностным статусом, мы не обнаружили статистически значимых различий между этими двумя группами. Фактором, влияющим на эффективность общения, является не столько наличие у его участников внутриличностных преград, сколько то, как они *справляются с этими преградами*.

Перед нами также встала задача изучения влияния на поведение человека в межличностном взаимодействии его мыслей, сопровождающих переживание им конкретных эмоций и чувств. Мы предъявляли студентам когнитивно-эмотивный тест (разработан нами совместно с проф. Ю.М. Орловым), в котором они фиксировали свои мысли, сопутствующие переживанию страха неудачи, чувству вины, стыда, обиды при межличностном взаимодействии в своей учебной группе. В результате исследования было установлено, что влияние мыслей, образов, возникающих при изучаемых нами эмоциональных переживаниях, на поведение и как следствие — на межличностный статус — опосредовано промежуточными факторами. Решающее значение имеет то, как человек *справляется со своими переживаниями* в критических ситуациях.

В проведенном исследовании ставились и задачи: а) выявить факторы, влияющие на эмоциональную оценку субъектом результатов своего внутригруппового общения; б) установить форму зависимости между этими факторами и остротой эмоционального переживания собственного одино-

чества. Была выявлена зависимость интенсивности переживания личностью чувства одиночества (Э) от соотношения между ее потребностью в общении, желаемым (Ижс), предполагаемым и реальным (Ирс) межличностным статусом в значимой для нее группе, а также от включения механизмов интрапсихической защиты, вызывающих снижение эмоциональной напряженности. У индивида с высокой потребностью в общении линия регрессии случайной величины Э по Ирс — Ижс имеет вид кривой гистерезиса, верхняя ветвь которой соответствует динамике возрастания эмоциональной напряженности, а нижняя — динамике ее снижения вследствие включения механизмов интрапсихической защиты. Величина площади, заключенной внутри этой кривой, увеличивается с увеличением потребности и уменьшается с ее уменьшением. При низком значении потребности указанная линия регрессии имеет вид некоторой прямой, проходящей вблизи начала координат. Личность имеет потенциальную возможность управлять уровнем своего эмоционального напряжения, контролируя свою потребность в общении, формируя у себя реалистичные статусные притязания, повышая адекватность своей социальной перцепции.

Однако возникает вопрос: где границы самотрансформации, за которыми нарушается самоидентичность личности, появляется опасность для ее психического здоровья?

Личностная самождественность. При исследовании личности идентичность обычно понимается как существенное, постоянное Я человека. Где тогда искать ресурс самоидентичности в процессе самотрансформации личности? Один из ответов на этот вопрос можно попытаться найти, обратившись к проекции личности на сферу духовности. При исследовании личности традиционно изучаются генотипические особенности психики, а также зависимость психики от места человека в обществе, его социальной роли, от его взаимоотношений с другими людьми и т.п. В последние годы все чаще говорят и о духовном измерении психики.

Духовность — это высший уровень развития и саморегуляции личности, на котором основными мотивационно-смысловыми регуляторами жизнедеятельности становятся высшие человеческие ценности. Индивидуальную выраженность в системе мотивации личности получают: 1) идеальная потребность в познании (мира, себя, смысла, назначения своей жизни), 2) социальная потребность жить и действовать для других. (Родоначальник одного из направлений в античной философии — Платон — в сформулированной им триаде высших ценностей назвал истину, красоту и добро.) Под духовностью в более узком смысле преимущественно понимается наличие и удовлетворение первой потребности, а под душевностью — второй. Относительная независимость деятельности человека от прагматических целей делает духовность важнейшим фактором развития цивилизации.

В психологической науке проблема духовности была впервые поставлена в «понимающей» психологии (В. Дильтей, Э. Шпрингер), которая так-

же рассматривала ее в тесной связи с надындивидуальными ценностями. К. Юнг писал об «архетипе духа», о роли духа в развитии личности, анализируя духовную культуру через призму отражения в ней архетипических структур коллективного бессознательного. В гуманистической психологии также рассматривается проблема духовности: по А. Маслоу, духовность связана с высшими бытийными ценностями (истина, добро, красота, единство противоположностей, совершенство, простота и т.д.) и пиковыми переживаниями, характерными для самоактуализирующейся личности. В психосинтезе (Р. Ассаджоли) понятие духовности связывается с уровнем сверхсознательного, или высшего бессознательного, как источника интуиции и творческого вдохновения. Трансперсональная психология (С. Гроф) связывает духовность с переживаниями единства с Вселенной, открытостью космической энергии. В. Франкл рассматривает духовность как высшее смысловое измерение человека, надстраивающееся над телесными и душевными (психическими) измерениями. Концентрацией духовного бессознательного, с его точки зрения, является совесть (орган, посредством которого человек улавливает истинные смыслы).

Надындивидуальные желания еще называют «высшими побуждениями» или «метамотивами». Игнорирование метамотивов лишает человека чего-то жизненно необходимого для его благополучия, приводит к задержке в развитии, может вызвать «метапатологии» — так, А. Маслоу, изучая телесно здоровых людей, обнаружил десятки специфических метапатологий: нигилизм, ощущение бессмысленности жизни, цинизм, недоверие к другим людям, чувство отчуждения от окружающего мира, безнадежное отношение к будущему и др. Признание и воспитание метамотивов жизненно необходимо не только для отдельных личностей, но и для целых народов и цивилизации в целом. Принято говорить о процессе созревания мотивации, которому, впрочем, следует научиться способствовать, заботясь о своем *духовном здоровье*.

Переориентацию желаний в духовных практиках традиционно описывают как «очищение». Развитие метамотивов составляет главную цель духовных практик (хотя великие религии понимают метамотивы по-разному). Теологический подход рассматривает духовность как непосредственное переживание божественного. Высшая цель традиционных духовных практик — познание своего подлинного Я и своих взаимоотношений с божественным (попутно духовные практики могут приносить и другие «дары»: снижается уровень страха, гнева, растет радость, расцветает любовь, созревает мудрость, повышаются творческие способности, улучшается психическое и физическое здоровье). Если тяга к просветлению остается нереализованной, человек страдает от «божественной ностальгии» или «божественной неудовлетворенности» (переживает свое несовершенство; его тревожит чувство, что он находится не на своем месте, не достиг чего-то важного). Блаженный Августин так выразил эту мысль: «Наши сердца не знают покоя, пока не успокоятся в Тебе».

Понятие души отражает исторически изменяющиеся взгляды на психику. Так, согласно Аристотелю, душа определяется как сущность живого тела, как особый орган, посредством которого тело чувствует и мыслит. В целом душа, согласно его воззрениям, смертна вместе с телом, но часть ее, соответствующая абстрактному, теоретическому мышлению, бессмертна. Декарт отождествлял душу с сознанием как рефлексией субъекта. По Юнгу, душа есть некая нефизическая реальность, исполненная энергии, которая перемещается в связи с внутренними конфликтами. Введя понятие «самость» (self), К. Юнг определил ее как результат интеграции всех (сознательных и бессознательных) аспектов личности. Самость включает противоположности: сознательное и бессознательное, мужское и женское и т.д. В связи с социокультурными причинами человек видит и развивает в себе лишь одну из сторон своей единой противоречивой пары, а другая остается непринятой им. Скрытые стороны души требуют принятия, являясь человеку, например, в его сновидениях. Эта неизменная субъективная основа человека (self) создает у него ощущение самотождественности. Внутри себя при определенных условиях он обнаруживает собственную глубочайшую самость, свое подлинное Я, и узнает, что он — это не только что-то большее, чем он сам о себе думает, но и большее, чем он способен вообразить.

С точки зрения теологического подхода, в центре человеческого существа, в глубинах его разума есть центр трансцендентного осознания. Этот центр известен в христианстве под именем «душа» или «божественная искра». Христианская традиция рассматривает душу как тождественную самости. Для восточной традиции, не признающей бессмертия индивидуальной души, душа (так же, как и «эго») — это разновидность «ложной самости», а «подлинную самость» она видит в изначальной духовной основе человека, тождественной Абсолюту (Брахману, дао, природе Будды и т.д.). В индуизме «подлинная самость» — это вечная сущность, субъект «космического сознания», а в буддизме и даосизме это, соответственно, «потенция» (природа Будды) или «процесс» (дао) самого этого сознания.

Самотрансформация личности в направлении приближения к своей подлинной самости способствует усилению самотождественности. Однако такая внутренняя работа требует овладения специальными технологиями, проверенными многовековой духовной практикой или разработанными представителями признанных психотерапевтических школ, которые опираются на богатый клинический материал. В настоящее время в рамках программ, проводимых общественным здравоохранением, во многих странах разным группам населения профессиональные психологи предлагают те или иные варианты тренингов личностного роста. К сожалению, в нашей стране психологическим сообществом еще не выработан механизм отстранения от работы в этой области некомпетентных людей или мошенников. Причем опасность заключается не только в непроверен-

ных психотехнологиях, которые могут завести в дебри психического нездоровья, но и в целях, которые эти люди перед собой ставят. Какие стороны личности развивают применяемые на сегодняшний день без разбору технологии работы с психикой людей, способствуют ли они проявлению метамотивов или уводят от них, порождая те или иные метапатологии? Сегодня при повышенном интересе к психологии опасения профессиональных психологов должны быть услышаны обществом, поскольку они касаются его же безопасности. Самотрансформация также требует осторожности, поддержки со стороны специалиста-профессионала. Именно он может предложить индивидуальную для каждой конкретной личности программу саморазвития.

Аутогенный менеджмент. Когда мы говорим об аутогенном менеджменте (самоуправлении) — в частности, в профессиональной сфере, — то имеем в виду постановку цели, планирование работы и распределение своего времени, выбор рабочей техники, овладение необходимыми действиями и операциями, реализацию программы самоконтроля. Аутогенный менеджмент требует собственной перестройки, использует волевую регуляцию человека, выбор приоритетов. Его целевая функция — достижение субъективно значимого для конкретной личности успеха (если, например, личность в какой-то период хочет просто жить «здесь» и «сейчас», а не «достигать» и не «иметь»), то поддержание такого состояния будет для нее успехом).

Аутогенный менеджмент можно условно сравнить с коучингом для самого себя: субъект аутогенного менеджмента и коуч — это один и тот же человек. В результате коучинга человек «вспоминает свой путь, свое призвание и научается следовать ему, наполняя свою жизнь смыслом, творчеством и радостью бытия» (*Савкин, Данилова, 2003*). Преуспевающий человек имеет свою философию жизни, становится активным соучастником собственной эволюции. Первым шагом на этом пути является осознание своего «Я», своей жизненной задачи. Полезно осознать принципы своей жизни, систему верований, опыт, который вынес из жизни предыдущей, полезно осознать свою мечту (исполнимую и ту, которая на сегодняшний день вроде бы не имеет шанса на воплощение), главные цели на ближайшие годы, ресурсы, которыми обладаешь, и т.п.

Предпосылки жизненного успеха включают биологические факторы (здоровье, физическая тренированность, долголетие, самочувствие, работоспособность, внешность, обучаемость и т.п.), социальные (материальная обеспеченность, уровень образования, служебное положение и др.) и психологические. Среди психологических предпосылок успеха особое место мы уделяем овладению аутогенным менеджментом. Так, развитие своего общения, повышение уровня коммуникабельности может входить в задачи аутогенного менеджмента. Назовем условия успешности управления собственным общением: адекватное восприятие социальных объектов, уверенность в себе, преодоление

стереотипов (мышления, поведения), препятствующих успеху, социальная поддержка. Феномен локуса контроля отражает здесь степень субъективной включенности Я в деятельность (Столин, 1983). На пути аутогенного менеджмента могут встать защитные «маневры» психики, которые в случае возникновения трудностей на пути самоуправления снижают «боль» от переживания временных неудач. К таким интрапсихическим защитам традиционно относят: бегство в болезнь, агрессивность как форму защиты, бегство в одиночество, активность в сфере общественной и политической практики, поиск «мишени» и т.п.

Разработанные в последние годы в ММА им. И.М. Сеченова программы по психологии для студентов различных факультетов, аспирантов, слушателей факультета повышения квалификации преподавателей, семейных врачей, ординаторов факультета управления здравоохранением предполагают занятия, направленные на осознание медиками своего профессионального пути, вербализацию субъективного смысла выбора ими медицинской профессии. Большое внимание уделяется внутренним психологическим условиям профессиональной деятельности. Разработанные программы и методические материалы (руководитель проекта — проф. Н.Д. Творогова) помогают подготовиться к возможным на пути профессионала кризисам, смене в силу тех или иных причин специальности (иногда профессии), утере субъективного смысла выполняемых должностных функций и пр. Цель проекта — способствовать повышению эффективности профессиональной деятельности, удовлетворенности выбранной медицинской профессией, повышению способности медиков к аутогенному менеджменту, к управлению своей профессиональной жизнью, своим профессиональным поведением, общением, а также способствовать повышению удовлетворенности медиков своей профессиональной жизнью.

Литература

- Бодалев А.А. Личность в общении. М.: 1983.
- Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися? М., 2003.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977.
- Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
- Леонтьев Д.А. Очерк по психологии личности. М., 1993.
- Понятие судьбы в контексте разных культур / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1994.
- Столин В.В. Самосознание личности. М.1983.
- Савкин А., Данилова М. Коучинг по-русски: смелость желать. СПб., 2003.
- Соколова Е.Т. Особенности самосознания при невротическом развитии личности: Автореф. дис. М., 1991.
- Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М., 1984.
- Творогова Н.Д. Социопсихосоматика общения. М., 1996.
- Творогова Н.Д. Психология: Курс лекций для студентов медицинских вузов. М., 1998.

Творогова Н.Д., Волкова В.В. Психология развития профессионала. Рабочая тетрадь. М.: МЗ РФ, 2000.

Творогова Н.Д. Психология управления. Лекции. М.: МЗ РФ, 2001.

Творогова Н.Д. Общение: диагностика и управление. М., 2002.

Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993.

Человек. Философско-энциклопедический словарь / Под ред. акад. И.Т. Фролова. М., 2000.

Сердакова К. Г. (Самара)

Исследование особенностей счастья у людей позднего возраста в контексте изучения субъективного благополучия

«Если старцы скажут тебе: “разрушай”, а молодежь “созидай”, то лучше “разрушай”, а не созидай, ибо разрушение старцев — созидание, а созидание молодежи — разрушение».

Л.Н. Толстой.

Проблема исследования психологических особенностей старения на поздних этапах онтогенеза является одной из наиболее актуальных в настоящее время. Рассматриваемая тематика привлекает внимание ученых из различных областей науки с древних времен и переплетается со множеством других вопросов и задач, возникающих в ходе ее изучения. Одной из таких задач является общемировая тенденция к увеличению продолжительности жизни и внимание к повышению качества жизни на поздних этапах онтогенеза. Результаты проведенных ООН исследований показывают, что в настоящее время период геронтогенеза представляет собой не короткий и тягостный отрезок жизни больных и беспомощных людей, а специфический по своей социальной и психологической значимости этап, на котором продолжает осуществляться индивидуальный путь развития каждой личности. Определенным образом это связано с тем, что главной задачей развития в позднем возрасте является реконструкция жизненных смыслов (Brugman, 1995), что, фактически, реализуется в позитивном отношении к прожитой жизни, в мудрости и целостности личности на поздних этапах онтогенеза (Э. Эриксон).

В связи с этим одним из направлений работы психологов с пожилыми людьми является не просто исследование особенностей людей позднего возраста, но и рассмотрение проблемы качества их жизни и субъективного благополучия. Психолог, на наш взгляд, может не просто помочь пожилому человеку определиться, а сделать последний этап его развития респектабельным и счастливым, что будет способствовать укреплению в обществе высших морально-нравственных и духовных ценностей его развития.

В ряде исследований отечественных и зарубежных авторов (Н.Х. Александровой, Л.И. Анцыферовой, О.В. Красновой, А.Г. Лидерса, М.В. Ермолаевой и др.) отмечается, что наше время ставит своей целью активное участие пожилого человека в различных сферах жизни. Осуществление этой цели возможно при наличии такой составляющей «счастливой жизни», какой является благополучие всего общества и субъективное благополучие человека в частности. Оно определяется рядом параметров. Можно предположить, что вывод, к которому придет человек, оценивая свою жизнь, определяется как социально-средовыми условиями протекания процесса старения, так и психологическими особенностями конкретного человека. Наиболее полное исследование социально-средовых условий старения, с нашей точки зрения, можно сделать в рамках экопсихологического подхода (Ланов, 2003).

Очевидно, что проблема оценки качества своей жизни, и особенно самооценки, наиболее остро встает именно в позднем возрасте. Это связано со множеством социально-психологических факторов. В исследовании Л.В. Бороздиной и О.Н. Молчановой в качестве показателя самооценки выделяется оценивание себя пожилыми людьми через жизнь детей и внуков, сквозь призму их успехов и неудач, что говорит о важности фактора социально значимых связей, входящего в состав счастья и субъективного благополучия. В работе А.С. Шарова (2002) выделяются два момента, связанные с тем, как люди оценивают жизнь другого человека и свою собственную, и указывается на наличие множества факторов, влияющих на это. Первый аспект связан с оценкой жизни в целом, ее эффективности и продуктивности. Данный аспект в большей степени основывается на собственных достижениях человека и наличии у него определенного статуса. В этом отношении можно говорить, например, о существовании явных «образцов» для оценки собственной жизни, которыми могут являться биографии выдающихся людей. Помимо этого автором отмечается, что оценивание собственной жизни человеком может происходить в разных системах измерения. Это особенно важно для людей творческих профессий и творческих личностей вообще, поскольку именно они стремятся оценивать результативность своей жизни в контексте мировых достижений, измеряя все «вселенскими мерками». Проблема счастья здесь связана с осмысленностью и целенаправленностью жизни; вопрос о ее осмысленности и целенаправленности особенно остро встает в позднем возрасте. Другой аспект показывает, что люди разных эпох и поколений уже обращались к вопросам качества своей жизни и собственной удовлетворенностью ею.

Как отмечается многими исследователями, в каждой культуре существуют свои универсальные модели и идеалы личности человека. Соответствие или несоответствие социальным или собственным ожиданиям вызывает у человека чувства и мысли, на основе которых и делается вывод о качестве собственной жизни. Причем иерархия жизненных ценностей и представ-

ление о субъективном благополучии могут не совпадать как у разных народов и культур, так и у представителей разных поколений. В данном случае при изучении субъективного благополучия людей позднего возраста можно рассмотреть в качестве «субъективного критерия и ориентира» понятие счастья. Заметим, что оно нередко заменяется такими понятиями, как «удовлетворение», «радость» и «позитивные эмоции».

Существует несколько определений субъективного благополучия. В своей работе за исходное мы брали определение, которое сводится к понятию «удовлетворенность жизнью» и связывается со стандартами респондента в отношении того, что является «хорошей жизнью». Благополучие представляет собой глобальную оценку качества жизни человека в соответствии с его собственными критериями, из чего следует, что благополучие — это гармоничное удовлетворение желаний и стремлений человека, проявляющихся в данном временном жизненном интервале.

Понятие «счастья» в психологическом контексте с учетом социально-психологических факторов наиболее подробно рассматривается в работе западного исследователя М. Аргайла. Он выделяет следующие его составляющие: переживание удовлетворенности жизнью в целом, общая рефлексивная оценка человеком своего прошлого и настоящего; частота и интенсивность положительных эмоций (Аргайл, 1990). Предполагается также наличие факторов, которые могут быть взаимосвязаны с понятием счастья или влиять на него, например: доход, возраст, пол, наличие семьи, образование, здоровье и т.д. Однако, как отмечает М.В. Кларин, подробного анализа, позволяющего разделить факторы на ведущие и второстепенные, внешние (предметные) и внутренние (психические), в работе не приводится. Факторы выступают одновременно и как источники, и как условия, и как области удовлетворенности жизнью (счастья), причем в некоторых случаях они могут являться и характеристиками самого субъекта.

Анализируя определение счастья, данное в книге польского философа В. Татаркевича «О счастье и совершенстве человека» (1981), можно сделать заключение, что *«счастье — это полное и длительное удовлетворение жизнью в целом»*. Философ приходит к ряду выводов, касающихся определения счастливого человека, и выделяет четыре характеристики последнего: «тот, кому сопутствует счастливая судьба»; «тот, кто познал самые сильные радости»; «тот, кто обладал наивысшими благами или, во всяком случае, положительным балансом жизни»; «тот, кто доволен жизнью».

Последняя характеристика, на наш взгляд, в плане диагностирования является наиболее проблематичной. В приведенных выше характеристиках счастливого человека нельзя не заметить чувственной и интеллектуальной двойственности.

Исходя из анализа определения счастья, мы предполагаем, что ключевым моментом здесь является исследование удовлетворенности жизнью посредством оценки субъективного благополучия человека. В рам-

ках федеральной целевой программы «Интеграция» в 2001 году нами осуществлялось исследование социальных и психологических факторов активности личности на поздних этапах онтогенеза. В контексте данного проекта было проведено исследование субъективного благополучия людей пожилого и старческого возраста, проживающих в Москве, Самаре и сельской местности Самарской обл. Оно продолжено в дипломных работах Юдниковой (2002) и Куркачевой (2003); всего было продиагностировано около 300 человек.

В результате обработки данных с помощью факторного анализа были получены следующие результаты, позволяющие определить, от чего в первую очередь зависит субъективное благополучие:

1) на субъективное благополучие наибольшее влияние оказывает образование, причем высшее; его влияние одинаково велико как у мужчин, так и у женщин;

2) значимым фактором является наличие семьи, причем нами специально уточнялось, является ли эта семья формальной или нет. Показатели субъективного благополучия у семейных мужчин являются средними, а у семейных женщин средними и выше среднего, хотя в выборке преобладали женщины. Среди не имеющих семьи и проживающих без супруга и детей были представлены две группы с высоким и низким субъективным благополучием;

3) доход оказывает незначительное влияние на субъективное благополучие. Данный аспект требует дополнительного исследования. В выборке были представлены различные группы испытуемых — персональные пенсионеры и пенсионеры по старости, что, как показало исследование, влияет на результаты, и это необходимо учитывать в рамках критерия однородности группы испытуемых. Разница в полученных результатах между работающими и неработающими испытуемыми оказалась незначительной, в то время как В.Э. Чудновский на IX симпозиуме (2003 г.) предложил рассматривать значимость работы для пожилого человека (труд как внутренняя потребность самого человека, востребованность другими людьми, обществом или труд как вынужденная деятельность). Эта рекомендация позволила определить ход наших дальнейших исследований;

4) анализ фактора здоровья не дал однозначных результатов: у людей позднего возраста с тяжелым диагнозом мог оказаться как высокий уровень субъективного благополучия, так средний или низкий — в процентном соотношении данные практически совпадали с показателями тех людей, у которых заболевание не попадало в разряд тяжелых. Здесь также необходимы дополнительные исследования.

Итак, для полноценной, счастливой жизни пожилому человеку требуется не просто определенный набор каких-то факторов и условий, а наличие такой характеристики, как «жажда жизни», о которой пишет А.В. Суворов. Он сумел вопреки своей слепотухе не только защитить докторскую диссертацию по психологии, но и стать другом, помощ-

ником и советчиком многим здоровым людям. Он пишет о том, что только понимание, сочувствие, любовь могут придать не просто вкус к жизни, а неумолимую ее жажду, о том, что жажда жизни — это и есть главный мотивационный механизм.

Проведенное нами исследование позволило выявить некоторые тенденции и наметить определенные линии развития в исследовании особенностей представлений о счастье у людей позднего возраста в контексте их субъективного благополучия. Далее необходимо определить социально-средовые факторы, влияющие на процесс старения, и провести анализ выбираемых пожилыми людьми стратегий старения. Исследование также позволит наметить возможные пути стабилизации субъективного благополучия и выявить факторы, влияющие на процесс старения и способствующие его профилактике с учетом изменения различных сфер человеческой психики на данном возрастном этапе.

Литература

- Аргайл М.* Психология счастья. М.: Прогресс, 1990.
Ермолаева М.В. Психология развития. М.: МПСИ, 2003.
Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М., 2002.
Панов В.И. Введение в экопсихологию. М.: МНЭПУ, 2000.
Процессы психического развития / Под ред. А.И. Подольского. М., 1995.
Профилактика старения: Ежегодник Национального Геронтологического Центра / Под ред. А.А. Подколзина, В.И. Донцова, В.Н. Крутько. М.: НГЦ, 1998.
Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. М.: Ось-89, 1997.
Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск, 2000.

Довжик Ф.Б. (Истра)

Нормальный путь

Цель жизни

Есть ли у жизни цель? Вопрос этот возник не сегодня. К нему можно относиться серьезно, можно с улыбкой. Природа или создатель конкретной цели не имели, делали, что получалось, но сделали удивительно толково — жизнь снабдили такими механизмами, чтобы она сама собой развивалась и не зависела от наших вопросов. Нас не спросили, и наше мнение творцам не интересно. Но, не посягая на замыслы природы, охватывая обозримое пространство, вопрос можно поставить уже сейчас. Есть ли цель жизни человека? Чтобы высказать свое мнение, то есть чтобы в очередной раз штурмовать труднодоступные бастионы, надо провести солидную артподготовку. С нее и начнем.

Одному моему знакомому на экзамене был задан вопрос: «Можно ли запустить завод одной кнопкой?». Преподаватель хотел услышать четкий однозначный ответ, а вопрос требовал серьезных размышлений и балан-

сирования — за и против. Интуитивно понимаешь, что запустить завод одной кнопкой — глупость, если есть желание ввести завод в работу, а не взорвать его. Взрывать лучше одной кнопкой. С другой стороны, многие механизмы запускаются одной кнопкой, например, электрическая мясорубка. Но у нее и задача единственная — вращение в одну сторону. В телевизоре одной кнопкой легко выйти на одну программу, а как использовать остальные каналы? Можно заложить алгоритм и каждую минуту их переключать. Такой телевизор великолепно справится с побочной задачей — вызвать раздражение зрителя. Если завод предназначен для выпуска разнообразной продукции, он должен иметь много степеней свободы. Запуск одной кнопкой накладывает серьезные ограничения. Главное назначение — продукция — оказывается побочным, а побочная характеристика становится определяющей.

Заддим еще один нелепый вопрос: «Есть ли в лесу дерево?». А о каком из деревьев идет речь? Об обыкновенном? Таких много. О необыкновенном? Такого нет. Есть высокие и низкие, красивые и уродливые, любые есть, а необыкновенного нет. Но вернемся на свет из темного леса.

Есть ли цель в жизни? Может быть — продолжение рода? Увы. Я не говорю о тех, кто из-за болезней или вынужденных обстоятельств остался без наследников. Немало вполне здоровых людей, у которых соблазны перехлестнули инстинкт продолжения рода, живут и не тужат, и о будущем человечества не беспокоятся.

Может быть — работа и творчество? Но на свете хватает людей, которые работой тяготеют. Я не рассматриваю тех, кто работает по необходимости, а живет иными творческими увлечениями. Немало таких, которые никакой работой и творчеством заниматься не желают. Такому бы сразу пенсия, как зарплата на работе, и он с огромным удовольствием ничего бы не делал. Не может быть работа и творчество единственной целью в жизни. Я не знаю более целеустремленных людей, чем Альберт Эйнштейн и Велимир Хлебников. У Хлебникова, с моей точки зрения, страсть к сочинительству перекрыла все разумные нормы, но, тем не менее, по свидетельству жены Мандельштама, которая в голодные годы гражданской войны заботилась о Хлебникове и кормила его, поэт, не имея часов, ни разу не опоздал к ним на обед. Что-то еще, кроме витания в облаках поэтических образов, попадало в его поле зрения. Цель — целью, а жизнь — жизнью. У Эйнштейна были свои навязчивые творческие цели, но существовала и семья (которая, правда, распалась), и Достоевского он читал, и музыку любил, и с друзьями общался, и удивительно глубокие мысли высказывал в областях, далеких от физики. Не творчеством единым жил человек.

Может быть, власть, слава, богатство, состоятельность — цель жизни? Для некоторых — да, для многих — нет.

Нет единой цели в жизни человека. В жизни есть цели!

Творец или природа, создавая нас, дают каждому все, что присуще всему человечеству. Хорошее и плохое, волю и безволие, энергию и лень, ум и глупость. Как опытная хозяйка на кухне не отвешивает продукты до грамма, так и создатель дает человеку щепоткой — на глазок, но дает все. Чего-то чуть больше, чего-то чуть меньше. Рюкзак собран. Необходимое есть. Дальше сам, будь любезен, пройди маршрут — выбирай цели и направление, используй шанс, если есть желание. Вести за руку некому. Реализуй сам то, что есть.

Один из всего плохого, что в нем заложено, раздувает такой костер, что не дай бог встретиться с ним на жизненной тропе. Другой опирается на хорошее. Он может быть сложным, он может быть трудным, он может быть невыносимым, потому что плохое в нем тоже есть изначально, иногда даже в немалой степени, но хорошее с божьей помощью и его стараниями перевешивает.

Один всю жизнь остается ребенком. Ловит других за пуговицу, задает им глупые детские вопросы «почему?» и ждет ответ, чтобы произнести свое очередное «почему?». Другой задает вопрос себе и природе, событиям и обстоятельствам и ищет свои ответы. Гений тот, кто способен вырваться из плена собственной глупости, из плена безволия, из скверны собственного характера.

Рождается человек. Ему предстоит трудный путь. Создав его, природа позаботилась о многом, но не обо всем. Она снабдила его необходимыми механизмами и инстинктами для управления собой, но этого мало. Чтобы пройти маршрут, человек должен иметь цели, должен иметь курс, направление. Нет целей, нет курса — силы уходят на разрушение. Жизнь — ни себе, ни людям.

Рождается человек. Расти он может в разные стороны. Если родители своим примером и воспитанием не дадут ему направление, тогда он в свободном полете, как самонаводящаяся ракета, ловит ближайшие соблазны и устремляется к ним. Нельзя пройти за детей их маршрут, но можно дать компас, можно научить их ориентироваться — по солнцу, по звездам, по лучшим людям и целям. Не оставаться на уровне стихии собственных задатков, а вырастить себя в каком-нибудь полезном направлении, пройти достойно свой маршрут и подготовить себе смену — вот цели жизни. Не нами придумана жизнь. Не дай бог, если в наших руках окажется возможность прервать ее или остановить. В наших руках — наполнить жизнь созидательным содержанием. А это и есть нормальные цели нормального человека.

Работа и воспитание

Работу надо любить. Если она не в сфере твоих интересов, она доставляет мало удовольствия. Если работу любишь, заботишься и думаешь о ней, ищешь лучшие решения. Но даже в этом случае бывают десятки и сотни подводных камней, десятки и сотни неприятностей. Получать в институте пятерки за решение задач, которые сотни раз уже были реше-

ны до этого другими, — это одно. Работать, когда требуется сделать то, что еще никто никогда не делал, — это другое. Достичь в работе заметных высот — это третье. Найти свою сферу, проложить свой путь — это четвертое. Чувствовать себя на своем жизненном пути в своей тарелке — это пятое, шестое, десятое. Это самая сложная и самая главная в жизни задача. Именно поэтому она не каждому по плечу.

Воспитание детей — самая тяжелая работа на Земле, и, если к этому не лежит душа, если воспитываешь по необходимости и обязанности, тебя ожидают сотни тысяч и миллионы неприятностей. Неприятности на работе — преходящи, неприятности с детьми — вечны и донимают сильнее остальных. Дети развивают и умножают недостатки родителей. Воспитывать детей — это значит неутомимо и жестко перевоспитывать себя. Воспитывать детей — значит разумно заботиться о них, а не о своей персоне, и думать о том, что нужно им, а не себе. Мы часто считаем, что любим детей, а на самом деле любим себя и свои удобства. Воспитывать детей — значит забыть о жизни ради себя, но и не поддаваться слепому чувству любви.

Воспитание детей — это попытка предложить им правильный курс в неизвестное будущее. Предугадать это будущее — невозможно. Воспитать человека — значит снабдить его в неведомый путь необходимыми инструментами: трудолюбием, развитыми способностями, жизнестойкостью, умением стоять на своих ногах и переносить неизбежные в жизни невзгоды, и, самое главное, снабдить душевными качествами, которые позволят ему стать равноправным и достойным членом любого коллектива — семейного, производственного, творческого.

Воспитывать детей — самая трудная работа, но зато и самая благодарная. Когда мы на выбеге, когда истерлись желания и порывы, когда мы физически и творчески уже слабосильны, затраты душевных сил на воспитание детей и внуков начинают приносить плоды. Печальный и осязаемый закат окрашивается призрачной надеждой — жизнь прожита не зря. Хоть в одной отрасли, хоть с оговорками, но что-то путное сделано. Впрочем, в семье каждый волен поступать, как ему заблагорассудится. На детей можно не обращать внимание. Дети не останутся в долгу и отплатят той же монетой.

Два сценария

Во времена моего студенчества ходил такой анекдот. Человек попадал в разнообразные переделки, которые следовали одна за другой. Соль была в том, что из каждой переделки было два выхода, но оба мало радовали. В итоге человек попадал или ко львам, или к крокодилам. И следовало заключение: «Если тебя съедят львы, у тебя все равно будет два выхода, но оба — нехороши». Я не открою Америки, сказав, что один сносный выход лучше нескольких никудышных, но всегда ли он есть?

Гоголь в «Шинели» и Достоевский в «Бедных людях» показали два крайних характера, две судьбы, два сценария жизни без сносного выхода.

У Гоголя Акакий Акакиевич — тихий и забитый человек, но по складу характера, по большому счету, — герой. Он совершил невозможное. Он сшил себе шинель. Но счастье не улыбнулось. Его безобразно ограбили. Такова жизнь. В первую очередь грабят беззащитных. И таких не выручают. Ни одна живая душа не помогла Акакию Акакиевичу. Служивцы от него отвернулись. Генерал на него наорал. Его раздавили.

У Достоевского Макара Девушкина не грабят, а генерал пожалел его и дал денег, но Макар Девушкин совершенно неприспособлен к жизни. С каждым шагом, с каждой неумелой попыткой выпутаться он все глубже и глубже погружается в трясину. Чуткая женщина относится к нему с теплотой, но из двух зол выбирает более перспективное — склоняется к нелюбимому, но состоятельному. Тот хоть детей прокормит.

Мать Некрасова, добрая мягкая женщина, вышла замуж за самодура. Плодом семьи стал великий поэт. А Девушкин в жизни бесплоден. Такой человек обречен в рамках любой общественной системы. Дело не в социальной бедности, а, прежде всего, в психологической и волевой нищете характера. Акакию Акакиевичу можно и нужно было помочь. Если социальная система не будет его грабить, он удержится на плаву. А как быть с Макаром Девушкиным?

Можно вынести приговор и умыть руки. Каждый обязан сам вытравливать в себе раба и стать кузнецом своего счастья. Такие идеи охотно пропагандируются, но в жизни подобное по силам считанным незаурядным личностям. Если можно помочь Акакию Акакиевичу, надо помочь и Макару Девушкину. Но помощь должна прийти на ранних этапах его развития. Потом будет поздно. Если социальная система виновата в судьбе Акакия Акакиевича, она виновата и в судьбе Макара Девушкина. Ячейки и институты государства и общества обязаны не только создавать условия, чтобы не грабили Акакия Акакиевича, но и обязаны выращивать Макара Девушкина жизнестойким человеком. Если у человечества есть душа, она должна болеть о каждом. Накормить и обеспечить шинелью гораздо проще, чем снабдить созидающей целью, чтобы никто не жил неприкаянно и не тянулся к наркотикам бесплодного самосожжения.

Посмотришь на задачи, которые предстоит решать человечеству, — и выступает на лбу испарина. Легкой жизни у человечества не будет.

Семья и люди

Когда я начал работать инженером в НИИ, мне довелось жить в общежитии с товарищем, который по возрасту годился мне в отцы. Примерно такое же соотношение было и в нашем служебном положении. Другими мы не стали, но мужик он был простой и нос не задирал. Утром будил, чтобы я не проспал и не опоздал на работу, заботился о том, чтобы я завтракал и ужинал, и охотно со мной беседовал. Через пару месяцев ему дали жилье, и мы расстались. Из всех наших споров один надолго застрял в памяти.

«Вы бы доверили создание сложного электронного прибора случайно-му человеку — неспециалисту и непрофессионалу? Тогда почему воспитанием и выращиванием детей должны заниматься родители — непрофессионалы и неспециалисты в воспитании? Детей должны выращивать в специальных интернатах, в детских садах и школах. Родил и сдай. Пусть грамотные и образованные воспитатели ими занимаются. У специалистов брака будет меньше». Он не шутил, он говорил серьезно. От изумления я чуть не упал со стула. Идея вытекала из наивного романтизма времен юности моих родителей, о котором мама часто вспоминала с улыбкой. Идея в духе великих начинаний коммунизма — преобразовать земной шар и вырастить нового человека. Меня только поразило, что сторонником ее является именно он — по духу домашний человек.

Куда нас только не заводит фантазирование, когда мы пытаемся стать великими преобразователями! Но согласиться с ним я не мог. Признать, что усилия родителей по моему выращиванию были малопродуктивными, совершенно не хотелось: сам себя не перечеркнешь. С другой стороны, я был подготовлен мамой трезво относиться к революционным исканиям. Мало ли что взбредет в закружившуюся голову. Надоел воздух — хочу дышать чистым гелием. Не хочу привычной пищи, хочу питаться изумрудами. Желать можно, не сломать бы желудок и зубы — потом и манная каша не поможет. Но определенная убийственная логика в его идее была. Разрабатывать электронный прибор не доверишь первому встречному, а человек намного сложнее. И с браком в воспитании детей мы сталкиваемся на каждом шагу.

Жизнь предоставляет нам право выбора, но, как заметил наблюдательный автор Обломова, очень многое предопределено с детских лет. Во многих семьях климат не оптимален для наследников. Ряды преступников формируют сироты, беспризорники при живых родителях и дети из мнимо благополучных семей, которые обеспечивают хороший прокорм, но у папеньки с маменькой свои любимые игрушки, в число которых чадо не входит. Немало семей с завихрениями и революционными новациями, семей, в которых родители ведут непрекращающуюся войну за независимость друг от друга или полное подчинение своей второй половины. В этой войне они стараются перетянуть ребенка на свою сторону, разрывая его на части и побуждая в итоге отправиться в самостоятельное плавание с изрядной долей пренебрежения к родителям и к человечеству.

Для детских садов и школ, особенно в последнее время, разработаны хорошие программы, позволяющие научить ребенка изобретательно мыслить. Когда я занимался с сыном, мне урывками от работы приходилось самому придумывать методы. Сейчас хлынул поток специальной литературы. Многие из того, что я применял сам, и гораздо больше того изложено и разжевано. Однако, чтобы ребенок в будущем продержался на плаву, у него, кроме мышления, должны быть хорошо развиты чувства. Он должен уметь видеть и замечать, слышать и слу-

шать, обонять, осязать, ощущать. Но для жизни и этого мало. Человек должен уметь любить, переживать, сострадать и сочувствовать. А чтобы он был наделен этими качествами, его самого надо с первого вздоха любить, ласкать, жалеть, целовать, облизывать. У него надо развивать механизмы, которые со времен Адама и Евы называются душой.

Бывают в семьях несчастные случаи. Мать Александра Сергеевича Пушкина холодно относилась к сыну. Другая женщина с чуткой душой, няня Арина Родионовна, вырастила его душу. Мы знаем имя няни, и мало кто помнит имя матери поэта. Хорошие воспитатели детского сада и учителя школы могут поставить мышление, могут сыграть значительную роль в становлении ребенка, но какой воспитатель способен любить, ласкать, жалеть, сочувствовать, целовать и облизывать одновременно пару десятков детей? Выращивание ребенка, формирование его души были, есть и будут штучным производством. У семьи свои минусы, семья — не идеальное изобретение, но семья прошла испытание историей, и лучше семьи природа ничего не выдумала. А человечество изобретало и до сих пор изобретает. Обыденное приедается. Хочется питаться изумрудами. Каждое общество стремится жить беззаботно и счастливо. Законное желание, но, когда в стремлении к райской жизни доходят до того, что выращивание детей становится обузой, наступает закат. Иные сообщества, которым дети не в тягость, вытесняют изнеженных на обочину.

Рождается человек, растет, учится, работает, взрослеет и начинает ощущать свою ответственность за младшее и старшее поколения. Возникает сообщество, растет, работает, взрослеет и начинает осознавать свою ответственность за молодые и дряхлеющие сообщества. Семья может развалиться и разойтись — такая возможность всегда есть. Сообщества могут разваливаться, но разойтись им некуда.

Я иногда завидую внукам. Если бы мне так же, как им, в семье и школе ставили мышление, если бы в институте рассказали и объяснили, что такое жизненный путь, каким талантливым бездельником я бы вырос! Очень многое в жизни я открыл для себя сам, а внукам это подается в готовом виде. Школьником средних классов от любимого учителя физики я услышал такую историю. В переполненном зале выступал великий русский физиолог Иван Петрович Павлов. Ему пришлось много записок. Из большой стопки он выбрал несколько. «На эти вопросы я отвечу, — сказал он, — а на вопросы в остальных записках я ответа не знаю». «За что же вам государство деньги платит?!» — крикнули из зала. «Мне государство платит деньги за то, что я знаю. Если бы государство платило мне за то, чего я не знаю, оно давно бы разорилось».

Познание материального производства и окружающего в пределах видимости — не самое трудное. Жизнь не стоит на месте. Новые проблемы возникают перед человечеством: социальное устройство без потрясений и войн, благополучие общества и мира, воспитание смены без наркотиков и преступлений. Проблемы, проблемы, проблемы. Отдельный человек

может быть бездельником, но человечеству не суждено лениться, это не его удел. Предыдущими поколениями решены самые простые вопросы, лежащие на поверхности. Как решать более сложные и глубинные, они не знают. Это уже предстоит следующим поколениям.

Мелкая рыбка удачи

Мне пять лет. Идет война. Мы в эвакуации, в Казахстане, в русском селе у Тянь-Шаньских предгорий. Возле дома, где мы живем, — арык. Вода чистая, летом ее используют для питья. Я с кружкой играю у арыка — подставляю ее потоку. Внезапно мелькнуло что-то серебристое. Я подхватываю кружку — в остатках воды маленькая живая рыбка. Наш арык где-то далеко от нас ответвляется от главного арыка — почти речки. Малек метнулся в ответвление для встречи со мной. Я, счастливый, бегу показать маме свой волшебный улов. «Что же ты воды так мало набрал?» — говорит мама. Я — снова к арыку. Зачерпнул полную кружку, но серебристой рыбешки уже не было. Случай запомнился — и обидой на маму, и чувством, что я упустил что-то волшебное.

Я внимательно перелистываю в обратную сторону книгу своей жизни и не вижу, где меня посетила удача. А что такое удача? По словарю Ожегова, удача — это успех, нужный или желательный исход дела. А успех? Удача в достижении чего-нибудь. Ожегов прав. Любой успех — удача, любая удача — успех. Определения бесспорны, но нет какой-то изюминки. Более обстоятельное толкование дает четырехтомный «Словарь русского языка»: «успех — достижение, завоевание, победа, триумф или удача как счастливый исход. Удача — счастье, везение или успех как счастливый исход».

И все-таки мне кажется, что в этих правильных толкованиях нет житейского нюанса. Успех — это положительный (желаемый, счастливый) результат, достигнутый благодаря собственным усилиям; удача — положительный результат, достигнутый с помощью внешнего стечения обстоятельств. Улыбнулось счастье и повезло. Но к кому и когда счастье приходит в гости?

Я листаю жизни знакомых и близких. Ничего особенного им от судьбы не перепало. Случалось, природа дарила на дачном участке богатый урожай яблок или огурцов, но жизнь удачами не баловала. Но один случай знаю. Товарищ, которому не светили далекие горизонты, оказался в свите талантливого руководителя. Начальник стремительно делал карьеру и брал его с собою в каждый новый полет. Мало этого, товарищ приглянулся волевой и деятельной женщине и полетел дальше на двух крылах. На чужих, не на своих. Со стороны казалось, что его несет большая птица успеха. Но в какой-то момент курс начальника отклонился в сторону. Полетел товарищ дальше на одном крыле, и уже прихрамывая. А тут в стране перемены. Карьерный курс его любимой половины надломился, началась естественная переоценка окружающих, а впереди у нее замыа-чила перспектива свежей мужской опоры. В таких случаях от предполагае-

мого или назначенного балласта освобождаются в первую очередь. Остался товарищ без крыльев на склоне лет. Да плюс ко всему во время полета дети привыкли, что все необходимое падает с неба, и не научились сами крыльями махать. Все прошедшее оказалось иллюзией большого успеха. Когда идет карта в руки, теряешь бдительность, но и отказываться от того, что плывет в твой карман, глупо. Жизнь сыграла обидную шутку.

Раз существуют удачи, кому-то они выпадают без неприятных последствий, но это — редкость, и общей погоды это не делает. А с неудачами — наоборот. Жизнь редко подстраивает неудачи — это не ее хобби. Можно сломать ногу, но такое нечасто случается. А вот сами себе люди обожают усложнять жизнь. Даже примеры приводить не надо: у любого наблюдательного человека есть знакомые, которые наломали немало дров. Одни после нескольких пинков образумились, другие рубят до сих пор. Если бы такой человек мог предвидеть, к чему приведет его опрометчивый шаг, он бы трижды подумал, прежде чем его сделать. В его воображении существует совсем другой сценарий, и спорить с таким человеком бесполезно, он отвергает любые доводы. Отрезвить могут только шишки на лбу, да и то не каждого. Жизнь не толкает на рискованное изобретательство, но людям обязательно нужно заварить такую кашу, что и столовой ложкой не расхлебашь. Это почему-то называется судьбой, а не собственной рукотворной неудачей. Можно было бы назвать неумемной глупостью, но обидно звучит, и многие с такой трактовкой не согласятся. А судьбой назовешь — от тебя ничего не зависит. Можно спокойно ломать дрова.

Если внимательно присмотреться, погоня за максимальным благом, за максимальной славой, властью, любовью, влиянием, положением, неутолимое желание большой удачи, принесенной на блюдечке, уводят на сомнительные дороги. Хочешь идти — иди, пробуй. Человека не остановишь, если колкое шило мешает сидеть, но обыкновенному-то человеку, глядя на неугомонных, зачем устраивать себе трагедию?. В той или иной сфере каждый может быть на достаточном среднем уровне, и то, что отпущено, надо использовать, не надеясь на большой подарок судьбы. Можно и нужно ставить большие цели, не нужно и опасно рассчитывать на большую рыбу удачи. Как заметил Хемингуэй, она в итоге бывает обглоданной. Мелкие рыбешки рукотворного успеха — вполне добротная пища. Когда их ценят и от них не отмахиваются, они идут одна за другой, и из них слагается нормальное счастье нормального человека.

Предисловие и эпилог

Жизнь много обещает, но щедро дает по рукам.

Цель в жизни — главная помеха на пути к другим соблазнам.

Если достиг цели, преодолевай разочарование — жизнь на этом не кончается.

Многие думают, что торят свою дорогу, а на самом деле уродуют собственный путь.

Эпилог в жизни известен заранее, но как и с чем каждый к нему придет — главная загадка в жизни.

Жизнь — всегда изнурительный бой,
тяжба с миром — не мелкая склока,
жизнь — борьба, не с другими — с собой,
от рождения до эпилога.

Яхнин Е.Д. (Москва)

Где оно, счастье?

Я решаюсь поделиться с вами впечатлением от беседы, которая состоялась у меня во время туристической поездки в Суздаль. Речь пойдет о счастье, то есть о том, к чему стремится в жизни каждый человек. Повезло со спутниками — они оказались любознательными и общительными людьми, интересными собеседниками.

Мы ехали в Суздаль на автобусе через Владимир. Было жарко. Возле небольшого магазинчика-палатки «Пиво-воды» попросили водителя остановиться. Воды, увы, не было. Пиво продавала пышная девица с фингалом под левым глазом. Она ловко манипулировала десятирублевыми и более крупными бумажками и предоставляла страждущим кружки, увенчанные шапками почти морской пены. Перед нами получил эту благодать заметно поддатый мужчина лет сорока. На нем была полурасстегнутая, уже серого цвета рубаша, частично заправленная в выдавшие виды джинсы. Он с упоением припал к наполненной кружке, а когда остановился, то перевел дух и изрек: «Кайф! Ух, Кайф!». Затем повернулся, окинул нас оценивающим взглядом и, решив, по-видимому, что наши выбритые лица и белоснежные рубашки не свидетельствуют о принадлежности к сословию, которое понимает, что такое «кайф», счел необходимым попытаться протрезветь и пояснить: «Это — счастье, это и есть настоящее счастье». Он стукнул кружкой по прилавку и торжественно произнес: «Еще!».

Что взбесило продавщицу, трудно сказать, — может быть, происшедшее с ней накануне или такое простое, осязаемое, выставленное напоказ этим мужиком счастье: «Счастье! Где оно? Покажите мне его! Нет никакого счастья!».

По-видимому, обоих, моего соседа по автобусу и меня, это зацепило, с этого началось у нас раздумья, а потом и разговор о счастье.

Еще до Суздали нам предстояла встреча с церковью Покрова на Нерли. Мы шли к ней полем, молча. Мой спутник (я уже знал, что он преподает литературу в школе) вдруг задал вопрос:

— А в самом деле, что такое счастье в жизни? Вы можете это определить?

Мы подошли к церкви, и я сказал:

— Мы стоим здесь с вами и наслаждаемся удивительной гармонией белой простоты, зеленого холма и тихой заводи перед ними. Это ведь счастье.

Он вспомнил Коржавина:

По какой ты скроена мерке?
Чем твой облик манит вдали?
Чем ты светишься вечно, церковь
Покрова на реке Нерли?

.....
Так в округе твой очерк точен,
Так ты здесь для всего нужна,
Будто создана ты не зодчим,
А самой землей рождена.

Я поддержал его:

— Да, церкви по России удивительно хороши, и возвышаются они на холмах и на берегах так, что все вокруг становится умиротворенным, утверждающим единство человека и природы.

Он помолчал. Мы оба подумали: впереди еще сказочная Суздаль, хорошо. И тут я вспомнил московские храмы, не «новодел Христа Спасителя», а сахарную церковь в начале Малой Дмитровки (бывшей 60 лет улицей Чехова) и, конечно, азиатски буйствующий храм Василия Блаженного на Красной площади. Как он строился, этот храм? По единому плану? Невероятно! Можно ли такое задумать и именно такое задуманное сотворить? Кажется, что сотворившие его Барма и Постник строили свое детище шажками: камушки, уложенные справа, требовали одного, уложенные слева — другого. И все же план, конечно, был, иначе не могло бы возникнуть такое диво, но в камне не подчинился своим творцам, вывернулся в чудо заморское. Они строили, нет, возводили этот храм, и душа их плясала и каждый раз с новым рядом, с новым поворотом бросала обоих в ярость творчества и восторг счастья. И я сказал:

— Мы испытываем счастье, наслаждаясь общением с прекрасным. Но еще большее счастье испытывают те, кто это прекрасное создает. Великое это счастье — счастье творчества.

— Вы, конечно, правы, оценивая счастье в соответствии со значимостью объекта, предмета, вызвавшего состояние счастья, — отвечал он. — Храм всегда перевесит кружку пива. Но, если оценивать счастье по эмоциональному состоянию конкретного человека в данной конкретной ситуации, то, извините, для того мужика, который побудил нас говорить о счастье, кружка холодного пива означала большее счастье, чем созерцание храма, перед которым мы стоим. Представьте путника, бредущего много дней по пустыне и изнывающего от жажды. Для него даже мираж и тем более настоящий, всего один глоток воды — самое большое, ни с чем не сравнимое счастье.

Я вспомнил дневник Анны Франк и заметил:

— Да, способность испытывать счастье мы, безусловно, несем в себе. Анна Франк, заключенная в фашистском концлагере Берген-бельзен, размышляла о жизни и даже в этом размышлении умела находить счастье.

— Не полагаете ли Вы, что способность испытывать счастье определяется лишь структурой психики и уровнем интеллекта? Она была заблокирована у примитива — взрослой бабы, побудившей нас к этому разговору, и раскрыта для высоких переживаний у тринадцатилетней девочки, обещавшей раскрыться в духовном полете, несмотря на постоянную угрозу смерти.

Неожиданно раздался голос человека, стоящего позади нас:

— Вы рассуждаете о счастье. А оно очень разное, счастье. Приготовил я бифштекс из хорошего молодого мяса, разложил рядом с ним на тарелке ломтики хрустящего, не пережаренного картофеля, зелень разную, лимончик — не просто разложил, а картинкой, с намеком, приправил моим фирменным соусом и эту красоту отправил на стол к молодой паре. Они уплетали эту вкуснятину и, наверняка, забыли обо всем на свете, может быть, даже друг о друге, — точно вам говорю, знаю. Наслаждались, счастье испытывали — животом! Я тоже счастье испытывал от того же бифштекса, от той же красоты, когда ее творил и когда наслаждался их счастьем. Это совсем другое. Я шел к этому счастью долго, преодолевая самого себя, пока не достиг!

Заговоривший так кстати человек оказался поваром. Его звали Тимофей. Я еще не раз удивлялся его ясному и трезвому пониманию жизни. Мы сразу как бы прозрели, встретившись с таким простым примером, демонстрацией бесконечного разнообразия счастья в бесконечности бытия, которое невозможно окинуть взглядом и, тем более, определить. Леса, реки, горы, океанские просторы, звездное небо — все, что живет в этом земном мире: разнообразие самого человека, его трудов, чувств, любви и ненависти, разнообразие культуры, конкретных обстоятельств, ситуаций и кучи вроде бы незаметных мелочей — все может дарить счастье. Да, но надо различать счастья «живота» и счастья человеческие.

Вспомним: человек, несмотря на созданную им и окутавшую его культуру, во многом остается по-прежнему животным семейства Номо. Ему присущи эмоции, связанные с удовлетворением физиологических потребностей тела. Утоление голода и жажды, победа в борьбе, когда все решают мускулы, ловкость, хитрость, обладание женщиной — самкой, обольщение мужчины — самца, — все это дает человеку ощущение счастья, которое можно назвать **счастьем Номо**. Но человек еще и sapiens. Поэтому он может достигать состояния счастья при удовлетворении потребностей бытия в своем культурном пространстве. Высокая поэзия любви, семья, дом, искусство, наука, общественная и административная деятельность, спорт, труд на земле и на промышленных предприятиях — все позволяет творить, испытывать счастье. Но это уже другое счастье, его можно назвать **счастьем sapiens**.

Мой спутник процитировал Экклезиаста: «Всего насмотрелся я, все испытал в жизни и понял — все суета: нет иного блага для человека, как есть с веселием хлеб свой, и пить в радости сердца вино свое, и позволять душе своей наслаждаться от трудов своих» — и добавил:

— Да, уже три тысячи лет назад все было понято и сказано.

Я возразил:

— Формула Экклезиаста, согласен, поразительно глубока, но в ней нет места счастью, которое возникает как общее, когда человека охватывает восторг, эмоции при достижении какой-либо цели вместе со всеми. Ликует команда, победившая в спортивном соревновании, — ликуют болельщики. А счастье матросов на корабле, вышедшем из ледового плена? Счастье альпинистов, покоривших считавшуюся недоступной вершину? Это еще один уровень счастья. Его можно назвать **счастьем socialis**.

И тут снова заговорил Тимофей. Глаза его вспыхивали откуда-то из глубины, необыкновенное выражение воодушевленности украшало лицо. Речь — а это были не слова, а именно речь — звучала торжественно и значительно:

— Никогда! Никогда больше не будет такого праздника: и мне, и всем, вышедшим тогда на улицы 9 мая 1945 года, никогда больше не испытать такого счастья. Люди обнимались, целовались, плакали от радости, танцевали, спрашивали друг друга о том, что было, где, с кем, рассказывали о себе, своих еще не вернувшихся с фронта. Этого мне не забыть никогда. Вот это и было, вот это и надо считать самым великим, самым большим счастьем, которое только могут испытывать люди!

Я тоже был 9 мая 1945 года на улице в Москве. Я тоже все это испытал и помнил. Новое, знакомое чувство освобожденности, свободы охватывало даже военных. Многие, кто был в гимнастерке, да еще с медалью, качали. Они взлетали над толпой. Это они вместе со всеми добились победы и вместе со всеми испытывали великое общее счастье. Там объединялось в едином, всем принадлежащем счастье все, что пережили люди в жизни, с потерями и надеждами, с тем, что уже сбылось, и с тем, чего они все ждали от будущего. Это было ликование жизни, которая утверждала себя вопреки смерти.

Таким образом, Тимофей, вспомнив о великом празднике Победы, помог нам понять, что формула Экклезиаста, представляющая жизнь как суету сует и определяющая счастье как наслаждение лишь от своего личного, только тебе принадлежащего, — неполна и даже неправильна и не может быть принята нами, людьми XXI века.

Все, кто прошел по жизни в XX веке, пережил и преодолел совершенное человечеством, могут и должны признать, что **счастье — это сама жизнь вместе со всеми, полная переживаний, преодолений и будущего.**

Бондаренко С.М. (Москва)

Сто взглядов на счастье (коллекция высказываний)

Что такое счастье? Достижимо ли оно? Надо ли к нему стремиться?

Мнений об этом бесконечное множество. Предлагаем вам высказывания самых разных людей: величайших умов прошлого и современников, деятелей культуры и рядовых трудящихся.

Ежели бесчестья бояться, то и счастья не будет. (Петр I)

О несчастье! Оно является опорой счастья. О счастье! В нем притаилось несчастье! (Лао-Цзы)

Можно в скорби проследить

Счастья шелковую нить. (В. Блейк, пер. С. Маршака)

Как и самая горячая любовь состоит из бесчисленных минутных конфликтов, уравновешиваемых верностью, так и счастье, если вы его сведете к самым важным элементам, состоит из борьбы и боли, и его всегда спасает надежда. (А. Моруа)

Хронического счастья так же нет, как нетающего льда. (В. Гюго)

Я жить хочу! Хочу печали

Любви и счастию назло.

Они мой ум избаловали

И слишком сгладили чело. (М. Лермонтов)

Если хотите, человек должен быть глубоко несчастен, ибо тогда он будет счастлив. Если же он будет постоянно счастлив, то он тотчас же сделается глубоко несчастен. (Ф. Достоевский)

Случалось, бывало,

Что из горького горя

Я счастье свое добывала.

Это зря говорится,

Что надо счастливой родиться.

Нужно только, чтобы сердце

Не стыдилось над счастьем трудиться.

Чтобы не было сердце

Лениво, спесиво,

Чтоб за каждую малость

Оно говорило «спасибо». (В. Тушнова)

Удача — это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину. (М. Пришвин)

Жизнь из горя и счастья пополам, давно замечено, гораздо полнее, чем сплошное благоденствие. «Для настоящего счастья нужно столько

же счастья, сколько и несчастья», — философски вздохнули мудрецы. (М. Веллер)

Я бы сказал наоборот: счастье жизни в ее трагизме. Если бы жизнь не была трагична, она уже не была бы той ценностью, тем удовольствием, тем прекрасным, что она есть. А жизнь действительно прекрасна. (И. Раскин)

Сознательно человек рисует себе картину счастья и стремится к нему. А подсознательно стремится к страданию. Потому что нервной системе надо испытать все. (М. Веллер)

Когда сорвет беда нам дверь с петель
И новое завертит нас ненастье,
То мусор мелочей сметет метель,
А целое запомнится как счастье. (И. Губерман)

Это счастье — дворец возводить на песке,
Не бояться тюрьмы и сумы,
Предаваться любви, отдаваться тоске,
Пировать в эпицентре чумы. (И. Губерман)

Счастье начинается только с меня, а не с чего-то или кого-то вокруг. (Н. Козлов)

Ни один человек не счастлив, пока он не считает себя счастливым. (Марк Аврелий)

Счастье и несчастье человека зависят в такой же степени от его нрава, как от судьбы. (Ф. Ларошфуко)

Кто не умеет пользоваться счастьем, когда оно приходит, не должен жаловаться, когда оно проходит. (М. Сервантес)

Большинство людей счастливы ровно настолько, насколько они полны решимости быть счастливыми. (А. Линкольн)

Счастье не так слепо, как обыкновенно думают люди. Чаще всего счастье бывает результатом личных качеств, характера и поведения. (Екатерина II)

Прежде счастья должен быть человек, способный быть счастливым. (А. де Сент-Экзюпери)

Очевидно, одни только обстоятельства не делают нас ни счастливыми, ни несчастными. Важно, как мы реагируем на них. Именно это определяет наши чувства. (Д. Карнеги)

Теоретически существует полная возможность счастья: не стремиться к нему и верить в нечто нерушимое в себе. (Ф. Кафка)

Ищи Творца в самом себе, ищи врага в самом себе, создавай счастье своими руками и своим разумом. Человек, самореализуясь, обретает счастье. (А. Яковлев)

Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым. (Л. Толстой)

Кант заметил в свое время, что человек хочет быть счастливым, но чего ему по-настоящему стоит желать — так это быть достойным счастья. (В. Франкл)

Все зависит от того, какой ты сам. Взыскан судьбой, золотом обсыпан, а несчастен, жалок и беден. И наоборот, гол как сокол, а счастлив. Счастье — в тебе самом. (Ф. Абрамов)

Жить в ладу с собой, со своей совестью — не в этом ли счастье? (Ф. Абрамов)

Сомневаться в своем счастье — лучший способ его потерять. (Л. Скородинская)

Счастье не поможет, если сам себе не поможешь. (еврейская пословица)

Наверное, счастье — жить в мире с собой, когда ты можешь сказать: «Спасибо, Боже!». (Р. Бабаян)

Нельзя быть несчастным. Наша этика требует от нас, чтобы мы были прекрасными работниками, чтобы мы были творцами нашей жизни, героями, но она требует, чтобы мы были счастливыми людьми. И счастливым человеком нельзя быть по случаю, выигрывать, как в рулетку, — счастливым человеком надо уметь быть. Разорвитесь на части, но будьте счастливы! (А. Макаренко)

Счастье обширно и многогранно; лишенный возможности быть счастливым в одном найдет свое счастье в другом. (Л. Андреев)

Подумай, осмотрись — может быть, согласишься со мной: счастье никогда не имеет никаких оснований, даже самых обоснованных. Никаких, кроме себя. (В. Леви)

Тем, кто любит веселиться, иногда и солнце светит.

А когда оно не светит, пригодится и луна.

Кто встречает день с улыбкой — тот порой и счастье встретит.

Улыбнись судьбе-недоле — улыбнется и она! (Б. Заходер)

Самое большое счастье в жизни — это уверенность, что тебя любят. (В. Гюго)

Любовь для меня важнее славы, а счастье — важнее успеха. (К. Денев)

Это великое счастье — полностью доверять человеку. (С. Федоров)

Счастье в любви

Правду говорят — из двух любящих счастливее тот, кто любит. Тот, кого любят, — менее счастлив. (Л. Смирнова)

Счастлив тот, кому из всех женщин, которых он любил, наиболее зла наделала та, которая наименее этого хотела. (В. Ключевский)

Я счастлив, что у меня нету привыкания к красоте. Вот у меня жена — красавица — уже более сорока лет мы вместе, но я еще не привык.

Да, я самый счастливый человек на свете! По крайней мере, считаю себя таким. У меня красавица жена, две красавицы дочки. Мой концертный календарь расписан до 2010 года. Так и живу в соответствии с этим расписанием. (М. Растропович)

Есть женщины, в которых никто не влюбляется, но которых все любят. Есть женщины, в которых все влюбляются, но которых никто не любит. Счастлива только та женщина, которую все любят, но в которую влюблен лишь один. (В. Ключевский)

Мы бываем счастливы только чувствуя, что нас уважают. (Б. Паскаль)

Мальчиком ходил я в школу Музония, который говорил нам: счастье состоит в том, чтобы желать того, чего желают боги, — и поэтому зависит от нашей воли. Я же думаю, что есть другое, более большое и ценное счастье, которое не зависит от воли, ибо может его дать лишь любовь. Этого счастья сами боги ищут, и вот я, о Личия, до сих пор не знавший любви, подражаю им и также ищу ту, которая пожелала бы дать мне счастье. (Г. Сенкевич)

Братство, власть, слава — все это дым, суета! Богатый встретит еще более богатого, славного затмит чужая, еще более великая слава, могучего одолеет более могучий. Но разве сам император или даже кто-нибудь из богов может испытывать большее наслаждение, быть счастливее, чем простой смертный в тот миг, когда у его груди дышит дорогая ему грудь или когда он целует любимые уста? (Г. Сенкевич)

Рядовой человек, который счастлив в браке, намного счастливее гения, живущего в одиночестве. (Д. Карнеги)

Открытость, откровенность дает понимание и близость, а без понимания и без близости трудно представить себе любовь и подлинное счастье. (Н. Козлов)

Брак — величайшее счастье на земле, если он основан на полной гармонии. (Б. Дизраэли)

Костя (К. Симонов) восхищенно говорил: «Какое счастье, когда тебя встречает беременная жена!» (из воспоминаний Л. Смирновой)

Счастлив мужчина, который относится к жене, как к любовнице, и несчастлив мужчина, который позволяет любовнице относиться к себе, как к мужу. (В. Ключевский)

Самое большое счастье — брак по любви. (немецкая пословица)

Счастье — в служении желанному. (А. де Сент-Экзюпери)

Я балетом не увлекаюсь. Это моя профессия, я ей занимаюсь всю жизнь, я ее очень люблю и считаю себя счастливой. Потому что я вообще считаю счастливыми тех, кто занимается любимым делом. (М. Плисецкая)

Я вообще счастливый человек, потому что всю жизнь делала дело, в которое я влюблена. (О. Высотская)

Я вдруг понял, что еле коснулся, может быть, самого важного, из-за чего многие из нас так любят свою профессию, несмотря на все трудности, переживания, рубцы и плохое здоровье — это того счастья, что испытывает педагог, находясь в кругу детей, помогая им, обретая с ними, проживая вместе лучшую часть отпущенного времени.

Я понял, что не смог до конца передать самую светлую, неповторимую, привилегированную, счастливую грань педагогического труда — радость общения с детьми. (А. Берштейн)

Чтобы прожить жизнь счастливо, надо с головой уйти в любимое дело, тогда некогда будет думать, счастлив ты или нет. (Б. Шоу)

Находясь в заключении, за несколько дней до смерти, я пишу этот проект Если моя идея будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству. (Н. Кибальчич)

Дорогая, незабвенная моя мать! Итак, я умираю! Я счастлив за себя, что с полным самообладанием могу отнестись к своему концу. Пусть же ваше горе, дорогие мои, все — мать, братья, сестры — потонет в лучах того сияния, которым светит торжество моего духа. (А. Каляев)

А Муся была счастлива — и оправдывалась перед людьми, волнуясь и краснея. И оправдывалась она в том, что ее, молоденькую, незначительную, сделавшую так мало и совсем не героиню, подвергнут той самой почетной и прекрасной смерти, какую умирали до нее настоящие герои и смертники Муся думала: «Неужели это смерть? Боже мой, как она прекрасна!» (Л. Андреев)

Высшее счастье есть самопожертвование. (Т. Карлейль)

Наивысшее личное счастье — бороться за что-то более значительное, чем личные интересы. (В. Сухомлинский)

Может быть, счастье — не самое главное в жизни. (А. Тарковский)

Есть вещи важнее, чем счастье. (А. Тарковский)

На свете много прекрасных вещей и кроме счастья. (А. Жуковский)

Не беспокойся за свое счастье, выполняй свой долг. (Дюран)

Видимо, для меня, как и для многих людей моего поколения, быть счастливым не является ценностью. Ценность то, что добывается собственным трудом, собственным умом, а быть счастливым, везунчиком? В этом есть что-то неестественное. (А. Прихожан)

На самом деле нормальное ощущение счастья не выступает в качестве цели, к которой человек стремится, а представляет собой скорее просто сопутствующие явления, сопровождающие достижения цели. (В. Франкл)

Множество людей изнуряет себя погоней за счастьем Я же не считаю, что счастье — это нечто такое, за чем нужно постоянно гоняться. Скорее всего, это состояние внутренней свободы, свободы от тревоги, сомнений в себе, страхов, слепого подчинения привычке к обществу, соревновательной борьбы, благоговения перед авторитетами и зависти к другим людям. (Д. Рейнуожер)

На ваше «на свете счастья ровно кот наплакал» отвечу блоковским «и, наконец, постигнешь ты, что счастья и не надо было, что сей младенческой мечты и на полжизни не хватило». Не могло, не должно было хватить, раз есть «человеческая чаша». (Б. Чичибабин)

Только добрый счастлив

Делать добро другим — это не обязанность. Это — радость, ибо это улучшает здоровье и увеличивает счастье. (Заратустра)

Единственный способ обрести счастье — это не ждть благодарности, а творить добро для собственной радости. (Д. Карнеги)

Главная заповедь Махаяны гласит: «Проявлять безоговорочно любовь и милосердие ко всем живым существам и ни в коем случае не платить злом за причиненное зло». Только соблюдая эту основополагающую заповедь, человек сможет быть счастливым и жить в гармонии с самим собой. (А. Яковлев)

Самое изысканное удовольствие состоит в том, чтобы доставлять удовольствие другим. (Ж. Лабрюйер).

При установке на обладание счастьем заключается в превосходстве над другими, во власти над ними и, в конечном счете, в способности захватывать, грабить, убивать. При установке на бытие счастье состоит в любви, заботе о других, самопожертвовании. (Э. Фромм)

Я убедился, что счастье — всегда знак того, что перед тобой хороший человек с добрым сердцем. (А. де Сент-Экзюпери)

Не в том ли мудрость старости, что овладевший искусством быть старым познает высшую радость не в том, чтобы иметь и брать, а в том, чтобы делать!

Им доступно наслаждение старостью. Они открыли для себя возможность самого большого из всех возможностей счастья: быть доб-

рым к людям, утолять душевную свою жажду из источника собственной человеческой доброты. Ибо только добрая к людям старость свободна, и только достигший этой свободы неуязвим! в памяти сами собой начинают звучать строки поэта:

И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,

Одиссей возвратился, пространством и временем полный

Не в этом ли счастье старости — «возвратиться пространством и временем полным»? (Э. Минамин)

Счастье увеличивается оттого, что ты им делишься с другими. (Ж. Ламерти)

Если мы хотим, чтобы наша жизнь была счастливой, мы должны научиться сеять семена счастья. (Д. Чопре)

Человек живет настоящей жизнью, если счастлив чужим счастьем. (И. Гете)

В жизни есть только одно несомненное счастье — жить для другого. (Л. Толстой)

...каждая строчка света и капелька человечности, каждая жилка живого, откуда бы ни исходила, наполняет нас счастьем встречи и одновременно горечью расставания. (В. Леви)

Наслаждаться счастьем — величайшее благо, обладать возможностью давать его другим — еще больше. (Ф. Бэкон)

Если хочешь счастья для себя, то заботься о счастье другого, и сам будешь счастлив. (древнеиндийский афоризм)

Счастье в добродетели

Тот может быть назван мудрым и счастливым, кто с ранней юности сохранил себя в целомудрии. (учение Будды)

Есть два рода счастья: счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных. Счастье, основанное на тщеславии, разрушается им же, основанное же на добродетели — ничем. (Л. Толстой)

Для того, чтобы все люди были счастливы, есть только одно требование: надо, чтобы каждый поступал с другими так, как он хотел бы, чтобы поступали с ним. (Л. Толстой)

Кто, ища счастья для себя, накладывает наказания на существа, наносящие счастья, тот после смерти не получит счастья. (Будда)

Добрый гражданин может быть счастлив лишь тогда, когда всякое его действие и всякое его слово будут честны и справедливы. (Плутарх)

Счастье — это некая деятельность души в полноте добродетельности. (Аристотель)

Счастье, согласно буддизму, заключается в обнаружении в собственной душе чудесного морально-этического дара природы. А природа положила каждому в душу начала добра, света, радости, любви, честности и многих других достоинств. (А. Яковлев)

Счастье заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. (Т. Мор)

Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека, — быть полезным и иметь спокойную совесть. (Л. Толстой)

Счастье в познании

Счастлив тот, кто умеет укреплять себя Локком, просвещать Кларком и Ньютоном, находить духовный подъем в чтении Цицерона и Боссюэта, украшает себя прелестью стихов Вергилия и Тасса. (Вольтер)

Истинное счастье — это прежде всего удел желающих, а не невежд. Человек, знающий, например, жизнь растений и законы растительного мира, гораздо счастливее того, кто даже не может отличить ольху от осины или клевер от подорожника. (К. Паустовский)

Хочу передарить всем, кто захочет принять подарок, свое наслаждение и несказанное счастье — быть пожизненным учеником, вселенским студентом. (В. Леви)

Образование не имеет отношения к тому, ощущает ли себя человек счастливым или нет. Для счастья квадратный корень несуществен. (Г. Ягодин)

Счастье темного человека состоит в том, что он не знает о своем незнании. (еврейская пословица)

Самые счастливые люди — невежды. (М. Лермонтов)

Кто умножает познание — умножает скорбь. (Экклезиаст)

Во многой мудрости много печали. (Экклезиаст)

Мышление — верх блаженства и радость в жизни, доблестнейшее занятие человека. (Аристотель)

В работе мысли есть радость, захватывающая дух, сила, гармония. (В. Вернадский)

Кто не исследует движение собственных мыслей, не может быть счастлив. (М. Аврелий)

Суть клуба знатоков — коллективное мышление в условиях дефицита времени. Тогда мобилизуются резервы ума, памяти — рождается новое знание, новая мысль. То замечательное чувство, которое появляется, когда удалось шестером найти правильный ответ на вопрос, мне просто сравнить не с чем. (А. Друзь)

Истина — мать счастья. (П. Гольбах)

Люди любят рассуждать о счастье. Но никто не знает, что самое большое счастье — в понимании. (К. Паустовский)

Редкий человек чувствует себя счастливым оттого, что умнеет. (В. Дашкевич)

Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало — благо. Обузданная мысль приводит к счастью. (Будда)

Не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко глупым и не слишком честным. (Ф. Бэкон)

Есть упоение в бою. (Пушкин)

Счастьем называют упоение, венчающее победу, блаженство, вознаграждающее за усилия и труды. (А. де Сент-Экзюпери)

Счастье ровно ничего не значит для человека, равно как и корысть. Единственное, в чем он всегда заинтересован, — это в том, чтобы неустанно жить. Человек ищет напряжения сил к жизни, а вовсе не счастья. (А. де Сент-Экзюпери)

При каждом разрыве в течение десятой доли секунды я думаю, что моя машина превратилась в пыль, но она все еще повинуется управлению. И я живу не ожиданием смерти каждую секунду: я живу воскресением, наступающим сразу вслед за секундой предшествующей. Я живу в какой-то струе радости. В непрерывном потоке ликования. И вдруг мне становится удивительно хорошо. Словно каждую секунду мне вновь даруется жизнь. Словно с каждой секундой я ощущаю ее все полнее. Меня охватывает опьянение жизнью. Говорят: «опьянение боем» Но это и есть опьянение жизнью! О, знают ли те, кто стреляет в нас снизу, знают ли они, что они в нас вковывают? (А. де Сент-Экзюпери)

Счастье в основном не удовольствие, в основном это — победа. (Г. Фосдик)

Некоторые любители нуждаются во внутренней буре, и только ощутив ее мощь и вихри, вздымающие душевное пространство, они счастливы. (Н.Козлов)

Смелость — половина счастья. (башкирская пословица)

Решительность — вот главное качество счастливого человека. (Екатерина II)

Мое счастье было бы полным, если бы оно не являлось победой, — в чем единственно заключается счастье глупца. (Стендаль)

Собралось очередное застолье Сталина с его соратниками. Как всегда, Сталин исполнял роль тамады и, как всегда, сам предложил тему

для беседы. На этот раз было решено обсудить, что такое счастье. Орджоникидзе сказал, что для него счастье — в любви к партии и преданности Сталину, Киров сказал, что для него счастье — это иметь врага. Вся жизнь преследовать его, настигнуть, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина. (Записано И. Раскиным со слов Н. Эйдельмана)

Действие не всегда приносит счастье, но без него счастья не бывает. (Дизраэли)

Человек занят тем, от чего он ожидает счастья, но самое большое его счастье состоит в том, что он занят. (Ален)

Тайна наших несчастий в том, что у нас слишком много досуга для того, чтобы размышлять о том, счастливы мы или нет. (Б. Шоу)

Счастьем Гюльсары был бег. (Ч. Айтматов)

Для счастья необходимо: работа, любовь, общение с людьми. Надо активно стремиться к счастью, любить жизнь и наслаждаться ею. (Л. Ландау)

Откуда мы взяли, что спокойная жизнь, полная удовольствия, отсутствие трудностей и забот способны сами по себе сделать людей хорошими и счастливыми? Наоборот, люди, привыкшие жалеть себя, продолжают это делать, даже лежа на мягкой подушке. Но всегда в истории человечества известность и счастье приходят к людям при любых обстоятельствах — хороших, плохих и средних, — если они принимают на себя свою личную ответственность. (Г. Фосдик)

Спиноза писал, что «сохранять свое бытие — значит становиться тем, что заложено в потенции. В этом подлинное счастье, и учебная деятельность является источником этого счастья. В настоящее время утрачивается (или утрачен) сущностный аспект деятельности — ее понимание как счастья, как формы самовыражения, как формы становления человека тем, что заложено в потенции, как завершение природы человека путем развития его возможностей. (В. Шадриков)

Для меня это счастье — ездить. (И. Раскин)

Ты понял, что праздность — проклятье
И счастья без подвига — нет. (Б. Пастернак)

Счастье в пассивности

Счастье есть состояние пассивности. Чем мы счастливее, тем мы пассивнее по отношению к объективному миру. Чем свободнее мы становимся, чем более приближаемся к разумности, тем меньше мы нуждаемся в счастье. (Ф. Шемминг)

Существует только один путь к счастью. Для этого следует перестать беспокоиться о вещах, которые не подчинены нашей воле. (Эпиктет)

Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от побед и поражения. (Будда)

На свете счастлив только тот,
Кто тревожностей избегает,
Тот, кто любви не признает,
Кто красотой пренебрегает. (Гартман фон Ауэ)

Самый счастливый человек тот, кто проводит свои дни в тишине и спокойствии, вдали от шумной человеческой деятельности, не зная, как людьми управляют, и не стремясь постигнуть, почему на наших глазах Бог терпит вещи, происходящие ежедневно. (Г. Гегель)

Приложение: «Смысл жизни и акме» (анкета)

Просим Вас ответить на ряд вопросов. Ваши ответы нужны для изучения роли смысла жизни и акме — периода наивысшего развития, «вершины жизненного пути» человека как личности и как профессионала, а также для выявления условий, помогающих каждому обрести в жизни смысл и достичь наибольших успехов. (Ответы могут быть краткими и более развернутыми, на дополнительных листах.)

1. Что такое, по Вашему представлению, смысл жизни?
2. Какое значение имеет наличие смысла жизни для каждого человека?
3. Какое содержание Вы вкладываете в понятие «акме человека» в личностном и профессиональном плане?
4. Какими Вы представляете свои наивысшие достижения в жизни как личности и как профессионала?
5. Всегда ли наличие смысла жизни положительно сказывается на судьбе человека? Почему?
6. Чего, по Вашему мнению, в жизни человека больше: смысла или бессмыслицы? Почему Вы так считаете?
7. В какой мере Вам удалось реализовать себя в прошлом?
8. Назовите судьбоносные для Вас события, которые были на Вашем жизненном пути.
9. Изменяется ли смысл жизни с возрастом? Каким образом и почему?
 - 9-а. Как изменяется смысл профессиональной деятельности в ходе жизни человека?
10. Произошли ли у Вас изменения в понимании смысла жизни в последние годы? Какие?
11. Изменилось ли у Вас представление о Вашем акме, которого Вы хотели бы достичь, в последние годы? Каким образом и почему?
12. Что, по Вашему мнению, в большей мере влияет на становление смысла жизни (поставьте в порядке значимости):
 - а) пример родителей,
 - б) общение со сверстниками,
 - в) общение с педагогами,
 - г) собственный жизненный опыт,
 - д) влияние средств массовой информации,
 - е) чтение литературы (желательно назвать художественные произведения, которые помогли Вам в становлении смысла жизни),
 - ж) ...
13. Какие учебные предметы помогли (или помогают) Вам в поиске смысла жизни?
 - 13-а. Что повлияло на Ваш выбор психолого-педагогической профессии?

14. Считаете ли Вы, что могли бы в большей мере реализовать свои потенциальные возможности, чем это произошло на самом деле? Если не смогли, то почему?

15. Что, на Ваш взгляд, влияет на достижение человеком акме?

16. Существует ли, по Вашему мнению, различие между «будничным» Я человека (т.е. уровнем его обычной, повседневной жизни) и «высшим» Я (т.е. уровнем, на который человек способен подняться при максимальной реализации своих потенциальных возможностей)? Поясните, пожалуйста, свой ответ примерами.

17. Считаете ли Вы, что в Вашей жизни существует различие между «будничным» и «высшим» Я? В чем оно выражается и почему?

18. Попробуйте, пожалуйста, сформулировать смысл своей жизни.

19. Существует ли у Вас достаточно четко осознанный Вами жизненный план самосовершенствования, последовательного раскрытия своих способностей?

20. Что Вы рассчитываете предпринять для реализации такого плана и каких результатов хотите достичь?

21. Как, по Вашему мнению, наличие смысла жизни сказывается на судьбе человека? Почему?

21-а. Насколько обучение в ВУЗе способствует становлению и реализации смысла жизни и достижению акме?

СПАСИБО ЗА ОТВЕТЫ!

Укажите, пожалуйста, свой пол _____, возраст _____, образование _____

Дата _____

(Анкета подписывается по желанию)

Содержание

РАЗДЕЛ V. СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЙ И АКМЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОРЕАБИЛИТАЦИИ И ПСИХОКОРРЕКЦИИ

<i>Кудрявая Н.В., Зорин К.В. (Москва)</i> Потеря смысла жизни как духовно-нравственный и медико-психологический феномен	3
<i>Карпова Н.Л. (Москва)</i> Смысложизненный и акмеологический потенциал семейной групповой логопсихотерапии	15
<i>Мордовцева Т.В., Круликова А.Ю., Янченко И.В. (Таганрог)</i> Полифония логопсихотерапевтического диалога и смысл жизни	35
<i>Лотоцкая Ю.Ю. (Москва)</i> Логопсихотерапевтическая группа: акмеологический аспект	40
<i>Шинкаренко Е.В. (Кировоград, Украина)</i> Обсуждение смысла жизни в процессе психокоррекционной работы	44
<i>Ефимова О.И. (Ульяновск)</i> Аутоагрессивное поведение: особенности ценностно-смысловой сферы личности	51
<i>Филиппова Е.В. (Армавир)</i> Эмоциональное в эффективной регуляции произвольной активности	58

РАЗДЕЛ VI. СМЫСЛ ЖИЗНИ И АКМЕ — ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ

<i>Протоиерей Владимир Архипов (с. Новая Деревня, Московская область)</i> В поисках смысла жизни	61
<i>Протоиерей Владимир Архипов (с. Новая Деревня, Московская область)</i> Жизненный путь отца Александра Меня	67
<i>Вахромов Е.Е. (Москва)</i> Человек как проблема для окружающих и самого себя	72
<i>Пашукова Т.И. (Кировоград, Украина)</i> Изменения смысла жизни и духовное преобразование человека	82
<i>Кубинева Л.А. (Орел)</i> Смысл жизни, акме и религиозные традиции мира	86
<i>Ходырева Е.А. (Ульяновск)</i> Психология девиантной религиозности в современном обществе	93

РАЗДЕЛ VII. СМЫСЛ ЖИЗНИ, АКМЕ И ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Киселев А.Л. (Москва)</i> Круг жизни. Пушкин и русские писатели	103
<i>Киселев А.Л. (Москва)</i> Поэты и смысл жизни. Хлебников	109
<i>Кабачек О.Л. (Москва)</i> Смысл жизни — в искусстве	118
<i>Крымов Д.А. (Москва)</i> Размышляя о смысле жизни (Интервью с художником провела Ю. Концова)	127

<i>Суворов А.В. (Москва)</i>	
Смысл жизни и человечность (диалог с самим собой)	133
<i>Жарский Ф.Г. (Шуя)</i>	
О смысле жизни и акме (ответы на вопросы анкеты Психологического Института РАО)	147
<i>Яхнин Е.Д. (Москва)</i>	
Учитель	159

Раздел VIII. В поисках счастья

<i>Аннушкин В.И. (Москва)</i>	
Что есть счастье: риторика поздравительной речи в процессе формирования личности	169
<i>Творогова Н.Д. (Москва)</i>	
На пути самореализации	179
<i>Сердакова К. Г. (Самара)</i>	
Исследование особенностей счастья у людей позднего возраста в контексте изучения субъективного благополучия	191
<i>Довжик Ф.Б. (Истра)</i>	
Нормальный путь	195
<i>Яхнин Е.Д. (Москва)</i>	
Где оно, счастье?	204
<i>Бондаренко С.М. (Москва)</i>	
Сто взглядов на счастье (коллекция высказываний)	208
Приложение: «Смысл жизни и акме» (анкета)	219

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**СМЫСЛ ЖИЗНИ И АКМЕ:
10 ЛЕТ ПОИСКА
МАТЕРИАЛЫ VIII — X СИМПОЗИУМОВ
Часть 2**

Под ред. А.А. Бодалева, Г.А. Вайзер, Н.Л. Карповой, В.Э Чудновского

Редактор Т.И. Гвоздюкевич
Корректор Н.С. Самбу
Компьютерная верстка А.И. Чекалиной

Подписано в печать 13.04.2004. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура TimesET. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 14. Тираж 300.

Лицензия ИД № 04850 от 28.05.2001
Издательство «Смысл» (ООО НПФ «Смысл»)
103050, Москва-50, А/я 158
Тел./факс (095) 189-95-88
E-MAIL: SMYSL@SMYSL.RU
HTTP://WWW.SMYSL.RU